

«Наша культурная деятельность была и есть поверх всякой политики»

Культура – одно, а политика – другое. Говорят, что они сёстры, но ведь и сёстры не всегда в ладах живут. Да и сёстры ли? Носитель культуры подчас ужасается поведению политика, а тот ехидно высмеивает идеализм культурного деятеля. С точки зрения политика многие действия культуры непозволительны, но труженик культуры не поймёт политических перегородок. Он действует прежде всего во имя человечности, а для политика гуманитарные основы закрыты паутиною предрассудков. Да ещё каких предрассудков! – под стать средневековым суевериям. Но не подумайте намекнуть политику о его предрассудках. Ощтите-нится злейший враг.

Политик закован в кандалы всяких партий. Закован и отягощён, хотя и любит потолковать о свободе. Ведь и в темницах, наверное, этот разговор особенно излюблен. Свобода и справедливость! Послушать только, как политики пытаются всячески стеснить свободу культуры. Все-то – нельзя, все-то – не принято и должно быть осуждено. В осудительстве политики большие мастера. Доводы науки, искусства, воспитания, образования – все будут попраны во имя условных тенет. Не будет принято во внимание, что основы познания вечны, а надстройки временных правительств – преходящи. Да не только временны, но стремительно смещаемы условиями жизни.

Вперёд устремлена жизнь. Культура и есть жизнь, во всех её истинных, прекрасных достижениях. Не мертвенно «нельзя», но прекрасное «можно» начертано на вратах культуры. Не влечит культура за собою рабские оковы, но преуспевает в радостных трудах. Труд и трудность не одно ли? Во всяком труде будет трудность, будет преодоление препятствий, будет построение качества.

Не мешайте труженику, не стесняйте создателя. Он для вас строит, и кто-то когда-то возблагодарит его. Кто-то когда-то ещё раз ужаснётся, если узнает, что добрая стройка была затруднена нелепыми, обветшальными условиями. Говорят, что Преподобному Сергию медведь помогал в строении. Говорят, что царю Соломуону джинну храм строили. Говорят: «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло». Пусть никто не мешает культуре. Шире дорогу знанию. «Невежество – корень всех зол».

Н.К.Рерих. Культура. 30 сентября 1941 г.

...Лучше, хотя бы механически, твердить: «благо, благо, благо», нежели, с усмешкой, повторять: « зло, зло, зло». Этот относительный принцип уже усвоен многими. Так будем хотя бы один раз в неделю спрашивать себя, что мы за семь дней сделали для искусства? Пусть и политики, и конгрессмены, и многие клирики, и банкиры, и «деловые люди», и все гордые своей часто сизифовой работой пусть тоже усвоят себе эту нетрудную привычку. Там, где нельзя идти путём радости сознания, там пусть протянется мостовая указанной дороги. Но усилия нужны. Иначе наши дни грозят особым бедствием для достижений искусства. Искусство должно цвести, и музыка духовного призыва должна звучать вне состояния биржи и вне заседаний Лиги наций.

Н.К. Рерих // Гомункулус. 1921 г.

Наша культурная деятельность была и есть поверх всякой политики.

**Е.И. Рерих // Письма в Америку. Т. I.
29 ноября 1933 г.**

Вы пишете, что перечитывая статью Н.К. [Рериха] «Культура», останавливали внимание Ваше на втором абзаце. Я тоже очень люблю эту статью, рисующую современное положение вещей в мире, когда политика и культура в существе своём разошлись, тогда как именно, по существу, и то, и другое должно служить улучшению жизни. Но, увы, никто больше не прислушивается к мудрым речениям мыслителей древности. Несомненно, как пишет Н.К., «Платоновская общественность не укладывается в узкие рамки теперешней политики». Современная государственная политика опирается на ту или иную партию, но истинное водительство, опираясь на основы Культуры, должно стоять вне партийности или, вернее, поверх всякой партийности, ибо оно является собою синтез. Не сомневаюсь, что именно жаждя по культурной общественности живёт в глубинах Вашего чуткого сердца, и потому именно Вы поймёте, как нужно строить добрые отношения на обмене культурными достижениями даже с трудными людьми. Знаю, как многие люди стараются уклониться от участия во всякой политике, но подумали ли они – возможно ли это в действительности? Существует мнение и очень распространённое, что ведать и вести политику страны могут лишь специалисты в ней, но на это можно было бы привести слова одного мудрого человека: «Беда в том, что невозможно ограничивать или определить, где начинаются и кончаются пределы политики. Каждый гражданин страны вольно или невольно только и делает, что творит политику». Потому самая лучшая мера для улучшения и оздоровления политики – это начать с правильного воспитания народа в духе дружелюбия и неограниченности познания.

Е.И. Рерих // Письма. 8 февраля 1940 г.

**Н.К. Рерих. Города.
Фрагмент панно для моленной виллы
Л.С. Лившица. 1914 г.**

КИЕВ

**Ярослав Мудрый Строитель. Реконструкция фрески
Киевского Софийского собора**

Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего.

Когда идёшь по равнинам за окраинами Рима до Остии, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная, десятимиллионная столица цезарей. Также когда идёшь к Новгороду от Нередицкого Спаса, то дико подумать, что пустое поле было всё занято шумом ганзейского города! Нам почти невозможно представить себе великолепие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блестели мозаикой и стенописью – скучные обрывки церковных декораций Киева лишь знаем; обрывки стенописи в Новгородской Софии; величественный, одинокий Нередицкий Спас; части росписи Мирожского монастыря во Пскове! Все эти огромные, вышеокие фигуры с мудрыми лицами и одеждами, очерченными действительными декораторами, все-таки не в силах рассказать нам о расцвете Киева времён Ярослава.

В Киеве, в местности Десятинной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки каких-то палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думали, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Но церковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В Археологической Комиссии имелись доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная, малоазийского характера работа. Ещё раз подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь Киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, прочно связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какой-нибудь специальный приём. Думаю, палата Рогеров в Палермо даёт представление о палатах Киева.

Скандинавская культура, унизанная сокровищами Ви-

зантии, дала Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался Матерью Городов. Поразительные тона эмалей, тонкость и изящество миниатюр, простор и спокойствие храмов, чудеса металлических изделий, обилие тканей, лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Мужи Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту, иначе всё оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходуется только на блеск подвигов.

Вот терем:

*«Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точёные,
Каждые с маковкой – жемчужинкой;
Подворотня – дорог рыбий зуб,
Над воротами икон до семидесяти;
Среди двора терема стоят,
Терема все златоверховые;
Первые ворота – вальящатые,
Средние ворота – стекольчатые,
Третья ворота – решётчатые».*

В описании этом чудится развитие дакийских построек Траяновой колонны.

Вот всадники:

*«Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех чёрны мурманки,
Чёрны мурманки – золоты вершки;
А на ножках сапожки – зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты востры,
Круг носов-носов хоть яйцом прокати,
Под пятку-пятку воробей пролети».*

Точное описание византийской стенописи.
«Вот сам богатырь:

*Шелом на шапочке как жар горит;
Ноженки в лапотках семи шелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы вплетено по золотому яхонту.
На плечах шуба чёрных соболей,
Чёрных соболей заморских,
Под зелёным рытым бархатом,
А во петельках шёлковых вплетены
Все-то божьи птичиушки певучие,
А во пуговках злачёных вливаны
Все-то люты змеи, зверюшки рыкучие»...*

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьёза былинного языка, а по существу. Перед нами детали – верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится её. Эта культура близка сердцу народа; народ горделиво о ней высказываеться.

Заповедные ловы княжеские, весёлые скомороши забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

«Заложи Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложи же и церковь святая София, митрополию и посем церковь на Золотых Воротах святое Богородице Благовещенье, посем святаго Георгия монастырь и святая Ирины. И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежа и почитая с часто в нощи и в дне и

списаша книги многы: с же нася книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напояющи вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчислена глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многи наложи в церкви святой Софии, юже созда сам, украси ю златом и сребром и сосуды церковными. Радовавшеся Ярослав видя множество церквей».

Вот первое яркое известие летописи о созидательстве, об искусстве.

Великий Владимир сдвигал массы, Ярослав сложил их во храм и возрадовался о величии Христовом, об искусстве. Этот момент для старого искусства памятен.

Восторг Ярослава при виде блестательной Софии безмерно далёк от вопля современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почувшего памятник, ценный на многие века. Так было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создался будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега – мужа бывалого и много знашего. Киев ещё раньше облюбовали Аскольд и Дир. И тогда уже Киев привлекал много скандинавов: «и многи Варяги скуписта и начаста владети Польскою землею». При этом все данные не против культурности Аскольда и Дири. До Аскольда Киев уже платил дань хазарам, и основание города отодвигается к легендарным Кию, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве был и св. Апостол Андрей. Зачем прибыл в далёкие леса Проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культуры Астарты Малоазийской, открытые недавно в Киевском крае. Эти культуры уже могут перенести нас в XVI-XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточения культа должен был существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев ещё поконится в земле, в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы. Эти вехи освещают и скандинавский век и дают направление суждениям о времени бронзы.

Несомненно, радость Киевского искусства создалась при счастливом соседстве скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? До известия о нём мы имеем слова летописи, что славяне «изгнаша Варяги за море и не даша им дани»; вот упоминание об изгнании, а когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределенное время.

Как поразительный пример неопределенности суждений об этих временах, нужно привести обычную трактовку учебников: «прибыл Рюрик с братьями Синеусом и Трувором», что по толкованию северян значит: «конунг Рурик со своим Домом (син хуус) и верною стражею (трувер)».

Поэтому я бы предложил другое толкование знаменитой фразы: очень вероятно, что она была изречена не древними русичами, а скандинавскими колонистами, населявшими берега северной реки Волхов. Должно быть, это они упросили Рюрика из-за озера Ладоги (которое очень напоминает море и куда он, скорее всего, приезжал из Скандинавии на охоту) приплыть и содействовать их военной защите. И этот человек со своими домочадцами и стражей, со своим богатством и, возможно, с любовью к приключе-

N. K. Perkh. Радовавшеся Ярослав граду Киеву. 1938 г.

ниям прибыл по просьбе своих соотечественников. Постепенно его род воинов, осевший на севере России, был привлечен киевским княжеством, где статус князя ценился выше, чем воина, и сулил должность государственного деятеля.

Обращаясь к глубине веков, мы находим границы прошлого реального бытия. Может показаться, что лишь пыль осталась поверх этих границ, и любителю трудно поверить, что это не просто теория скучной археологии, которую нас просят усвоить, а реально сохранившиеся частицы чающейся великолепия, существовавшего в прошлом. Для каждого настало время понять, что искусство не только там, где оно на виду у всех, но и где многое, многое еще скрыто от нас покровом времени. И то, что кажется скучным сейчас, однажды откроется, озаренное радостным восприятием. Наблюдатель станет творцом. В этом и состоит очарование прошлого и будущего.

Фантастические барельефы на северных скалах, высокие холмы среди торговых путей, длинные кинжалы и наряды с богатым рисунком заставляют полюбить жизнь Севера; они пробуждают уважение к древним формам красоты, по ту сторону которой наше воображение погружается в тёмные глубины бронзового века.

Можно также обнаружить огромное количество произведений искусства, принадлежащих к таинственным и малоизвестным эпохам, наиболее далёким от нас. Может ли зверь финской фантасмагории быть чуждым искусству? А чарующие формы Дальнего Востока избежать художественного вдохновения? Могут ли первые орудия труда древнего мира быть отвратительными в руках скифов? А украшения сибирских кочевников считаться грубыми?

Нет, эти находки сродни искусству, и можно лишь позавидовать ясному замыслу древних. Они воплощали в них символы, которым придавали так много значения и создавали четкие, хорошо различимые многообразные художественные формы.

Это присутствует и в таинственных тенетах бронзового века, к которому мы обращаемся. Каждый день приносит новые достижения. Карнавальное шествие народов проходит перед нами. За блеском и позолотой византийцев мы видим бредущие пёстрые толпы финнотюрков. Погружаясь ещё в более дальние времена, величественно шествуют великолепные арийцы. Ещё дальше – потухшие костры неизвестных странников, их бесцветное множество.

Эти дары оставлены всем нам, стремящимся к неонационализму. К ним обратятся юные поколения, благодаря им они станут сильными и разумными. Если тупой современный национализм в искусстве превратится в неонационализм, то основанием последнего станет великий древний мир с его подлинным представлением о правде и красоте. Когда-нибудь эта правда и красота займёт достойное место в прекрасном будущем.

КАШТАНОВЫЙ ДОМ

*Каштановый Дом, город Киев, которому посвящены
многие прекрасные стихи прекрасных поэтов*

* * *

«Как ты красив, мой родной Киев! Добрый город! Святой город! Как ты красив, как ты светел, мой седой старик! Что солнце между планетами, что царь между народом, то Киев между городами.

На высокой горе стоит он, опоясан зелёными садами, увенчан золотыми маковками церквей, словно святой короной, под горою широко разбежались живые волны Днепра-корильца... Боже мой, что за роскошь! Слышиште ли, добрые люди, я вам говорю про Киев, и вы не плачете от радости? Верно вы не русские!»

Евгений Гребинка

* * *

В ризе святости и славы,
Опоясан стариной,
Старец – Киев предо мной
Возблистал золотоглавый.
Здравствуй, старец величавый!
Здравствуй, труженик святой!
Здравствуй, Днепр – поитель дивной
Незабвенной старины!
Чу! На звон твоей струны
Сердце слышит плеск отзывной,
Удалой, многоразливной
Святославской волны.

Здесь Владимир кругом тесным
Сыновей своих сокнул
И хоругви развернул,
И наитьем полн небесным,
Здесь, под знамением крестным,
В Днепр народ свой окунул.

Днепр – Перуна гроб кровавый,
Путь наш к грекам! Не в тебе ль
Русской славы колыбель?
Семя царственной державы,
Пелена народной славы,
Наша крёстная купель?

Ты спешишь в порыве смелом
Краю северному в честь,
О делах его дать весть
Полдня сладостным пределам,
И молву о царстве белом
К морю чёрному принести.

И красуясь шириною
Ладии носящих вод,
Ты свершаешь влажный ход
Говорливою волною,
Под стремглавной крутизною
Гордых киевских высот.

Владимир Бенедиков

КИЕВ

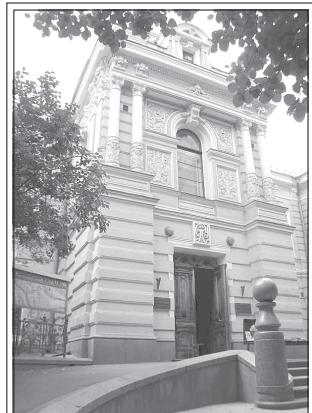
Без киевского братства
деревьев и церквей
вся жизнь была б гораздо
бездонней и мертвей.

В лицо моей царевне,
когда настал черёд,
подуло Русью древней

от Золотых ворот.
Здесь дух высок и весок,
и пусть молчат слова:
от врубелевских фресок
светлеет голова.

Идём на зелен берег
над бездной ветряной
дышишь в его пещерах
святою стариной.

И юн и древен Киев –
воитель и монах,
смоловший всех батыев
на звонких жерновах.

**Киев. Дом литераторов
Украины**

Таится его норов
в беспамятстве годов,
он светел от соборов
и тёмен от садов.

Ещё он ал от маков,
тюльпанов и гвоздик, –
и Михаил Булгаков
в нём запросто возник.

И, радуясь по-детски,
что домик удался,
строитель Городецкий
в нём делал чудеса...

Весь этот дивный ворох,
стоцветен и стокрыл,
весёлый друг филолог
нам яростно дарил.

Брат эллинов и римлян,
античности знаток,
а Киев был им привран,
как водится, чуток.

Я в том не вижу худа,
не мыслю в том вины,
раз в киевское чудо
все души влюблены.

Ведь, если разобраться,
всё было бы не так
без киевского братства
учёных и бродяг.

Нас всех не станет вскоре,
как не было вчера,
но вечно будут зори
над кручами Днепра.

И даль бела, как лебедь,
и, далью той дыша,
не может светлой не быть
славянская душа.

Борис Чичибабин

* * *

Гремит Шопен, из окон грянув
Прямая подсвечники каштанов,
На звёзды смотрит прошлый век.

Борис Пастернак

ПАНТЕОН ВЛАДИМИРА

*В. Верещагин.
Закладка Десятинной церкви в Киеве в 989 году*

Владимир Красное Солнышко...

И он же – Святой и равноапостольный князь Владимир, креститель Руси...

Князь-язычник и князь-христианин: два начала сочетаются в одном лице, – их переплетение пройдёт сдвоенной нитью через всю русскую историю.

980 год...

Ещё восемь лет до того, как наши пращуры-киевляне войдут в Днепр, чтобы принять водное крещение. Всего восемь лет! Но князь Владимир, только-только взошедший на престол, ещё не воспринял в себя свет греческой веры, – он устраивает невдалеке от своего терема языческое капище.

В пантеон Владимира входило шесть богов: Перун, Хоре, Дажьбог, Стрибог, Семаргл, Макошь.

Перун – бог войны и молний – стоял во главе пантеона. Центральное место он занимал и на капище, – статую его мастера вырубили из дуба; голова была посеребрена, а усы позолочены. К северу от Перуна находились Стрибог – владыка неба и Макошь – богиня земли; симметрично по отношению к ним, с южной стороны, возвышались Дажьбог – воплощение света и Хоре – символ солнца. Поскольку крылатый пёс Семаргл, бог семян и ростков, не имел в отличие от других божеств человеческого облика, статуя его находилась вне симметричной композиции – сзади и чуть левее Макоши.

В целом пантеон являл из себя замечательную модель мироздания, – здесь были представлены основные начала и силы природы.

Но вот ещё одна интересная особенность пантеона: в нём соединились – и ведь не случайно – разноплеменные боги. Перуну поклонялись не только славяне, но и литовцы; Хоре – хазарское божество; Стрибог и Семаргл пришли на Русь из Ирана; Макошь почиталась финскими племенами. Только Дажьбог может быть назван исконно славянским божеством, – хотя в его названии без труда обнаруживаются санскритские корни.

Пусть через восемь лет сам же Владимир повелит сбросить статую Перуна в Днепр, но созданный им пантеон будет жить в русской культуре, тайно влияя на её развитие.

Этот пантеон сыграет роль своего рода ментального генотипа нашей истории: даст ей задание, станет её неявной программой, чья реализация продолжается и ныне.

Это задание, эта цель – построение Собора на Земле. Прекрасна его невидимая архитектура. Она воплощает глубинный философский принцип единства в разнообразии. Этот принцип становится здесь и законом красоты, и нравственной нормой.

По-разному может проявить себя начало единства. Самая опасная его форма – унификация: когда все элементы обезличиваются, обретая абсолютно одинаковый вид. Нивелирующее единство! По сути дела оно ведёт к энтропии, к смерти, ибо сводит на нет информационное разнообразие системы. Да, это единство – с внешней его стороны – монолитно. Но оно мертвое: в нём нет сложных связей, структур – признаков живого. И поэтому жребий его – неизбежный распад, подчас превращающийся в катастрофу. Единство без разнообразия – на уровне социума – приводит к тоталитаризму: Россия мучительно переболела этой страшной болезнью.

Разнообразие как таковое – без всякой высуспеляющей и организующей его изнутри идеи – несёт в себе возможность хаоса. В нём преобладают силы диссоциации, дезинтеграции. Оно бессвязно и бесструктурно. Нередко его элементы стремятся к взаимоуничтожению, – и это окончательно превращает разнообразие в хаос.

Два противоположных начала встречаются в Соборе, у самого его основания, – и их синтез вспыхивает красотой. Входящий в Собор не потеряет своего лица. Скорее наоборот: в благостной атмосфере Собора личностное начало получит наиболее полное раскрытие, – и при этом не уклонится в индивидуализм. Оказывается, лучшим ферментом для такого раскрытия является диалог и сотрудничество с другими людьми, вошедшими в Собор: благодаря соседству с ними, через взаимодействие с ними обретутся качества, которые не смогли бы проявиться в изоляции, в отделённое и отдалённости от Собора.

Придите сюда! Здесь вы ощутите себя новыми людьми, носителями расширенного сознания.

Собор создаёт особое поле, особую экологию. Вот безвидный камушек: погрузи его в морскую воду – и он обретёт качество самоцвета. Так и человек, входящий в животворную среду Собора, выявляет свои затаённые задатки, свои возможности. Или другое сравнение: алмаз в темноте – и алмаз на свету. Нужен луч, чтобы в алмазе проснулась волшебная игра – и нужен Собор, чтобы в его свете означились все грани вашей личности.

Существует загадочный феномен контекста: взятое само по себе, слово звучит обыденно и привычно – но вот, попав в окружение других слов, оно начинает петь как флейта. Такова сила контекста.

Можно и должно говорить о контексте Собора как целого: душа, молчавшая за его стенами, внутри них обнаруживает у себя певчий дар. Ей открываются новые смыслы и внешнего мира, и собственных глубин. Почему этот дар, эти смыслы раскрываются только сейчас? Потому что человек оказался в соборном контексте, – только здесь душа находит себя, своё истинное место в мире.

В Собор могут войти как отдельные люди, так и целые племена, народы, страны. Волей судеб именно России было

суждено стать на планете Земля таким Собором, – в его стиле отразилась эстетика разных этносов, разных культур. Строительство невидимого здания оказалось долгим, сложным и противоречивым процессом. Страна, взявшая на себя эту миссию, выбрала нелёгкий – и крайне своеобразный – путь в истории. Аналогов этого пути нет.

Русь возникла отнюдь не с приходом Рюриковичей, – они были не основателями, а преемниками. Кстати сказать, не было необходимости призывать варягов откуда-то извне, – варяжские поселения уже давно были в Приладожье, под Полоцком, Смоленском, Черниговом. Даже на Средней Волге в VIII веке существовал варяжский каганат. Поэтому надо признать, что мужественные варяги были отнюдь не внешним, а внутренним элементом Руси, – свою суровую ноту в её полифонию они внесли задолго до легендарного призыва Рюрика.

Эта полифония звучит на русских просторах с доисторических времён. И звучит без всякого принуждения: хор этносов складывался не насилием, не путём присоединения, а в высшей степени естественным образом. Как природная экосистема; как географический ландшафт. Собор нельзя строить методом завоеваний, – он должен расти по законам органического роста, ассимилируя и преображая окружающее пространство. Хорошо сказал про Русь Николай Ульянов, историк и писатель, соловецкий узник: «Она велика от рождения, а не в силу завоевания». В происхождении Руси есть что-то от чуда почти мгновенной кристаллизации, – переливчатая многогранная структура сложилась едва ли не сразу, охватив огромные просторы. Связи внутри этого незримого построения были не жёсткими, но вполне определёнными, – они сохранились после много-кратных пертурбаций, вызванных чредой набегов и завоеваний. Более того: сами эти набеги и завоевания приносили с собой ценный культурно-генетический материал, который включался в процесс кристаллизации удивительно го государства.

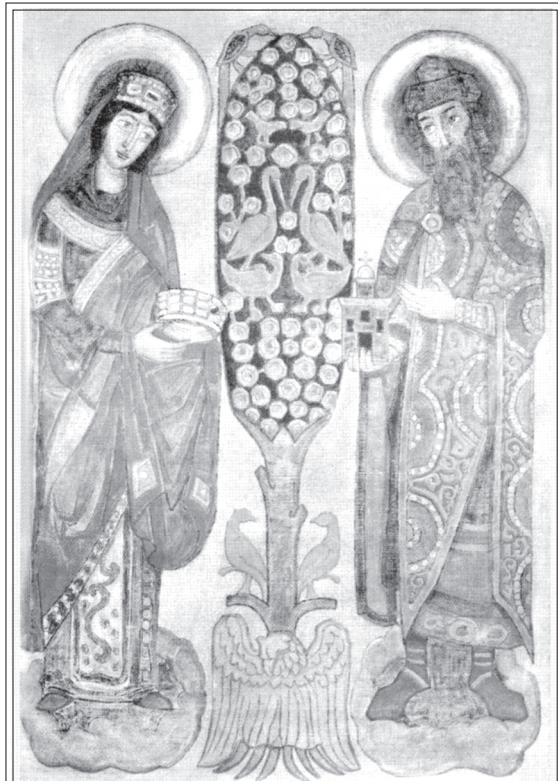
Великое пространство, раскинувшееся от Чёрного до Белого морей, от Прибалтики до Поволжья: в его пределах владыками были скифы и сарматы, готы и гунны. Волнами находили они на Русь, не колебля в ней главного, вечного. Каждый окат такой волны – как прирост информации. Сколько накоплено её в русских просторах! Волна за волной – пласт над пластом – слой над слоем. Всё это – сохранно, всё это – живо. Отложения в ментальном пространстве Руси и ныне питают нас. Они – несмываемы, они – неуничтожимы. Никакой прибор не может обнаружить их, – хотя для интуиции очевидна эта многослойность.

В южной своей оконечности – через Таврию – Русь имела контакт с Элладой. Правда, он осуществился через посредничество скифов, но они были отличными связями. На землях Руси – храмы Эллады. Какое чудесное предназначение! И ныне эти храмы бережно объемлются незримым Собором: в них – часть нашего прошлого, они – элементы нашей ноосферы.

Двумя потоками ментальная энергия Греции влилась в Россию: через Скифию и через Византию. Их разделяют и время, и пространство. Но всё же получился суммарный эффект: две линии преемственности соединились. И Русь стала наследницей Эллады.

Разумеется, мы имеем в виду особое – ментальное – наследование. Оно может быть неуследимо для анализа. И недоказуемо с помощью научных методов. Но тем не менее имеется серия преобразований, которая пропорции Парфенона трансформирует в пропорции Софии киевской, – тут есть наитончайшие инварианты.

Эллада и Русь дали миру разные каноны красоты. Но между ними мы видим преемственность. И в греческом, и

*Н.К. Перих. Благие посетившие.
Панно для моленной виллы Л. С. Лившица. 1914 г.*

в русском сознании красота занимает одинаково важное место. Причем понимание её природы окрашено во вселенские тона, – эстетически оценивается Универсум как целое: мир есть космос, мир есть лагода. Сами эти определения – эстетические в своей сути.

Ф. М. Достоевский сказал: «Красота спасёт мир». Эхом в этих словах звучит наследие Эллады.

И ещё одно сокровище перешло от эллинов к славянам: бессмертная традиция платонизма. Именно Платону впервые открылась двууровневость бытия: соотнесённость в нём времени и вечности, материи и духа. Надольным вознеслось горнее! И душа человека – Платон задал ей этот вектор – устремилась ввысь. В небесном – истина, в небесном – цель.

Изображения Платона мы находим в храмах Древней Руси. Это оказалось близким славянской душе: предощущение иного мира, иных планов бытия. В дальнем русский человек научился отражать горнее, – и потому в построенных им кремлях и монастырях мы порой угадываем черты Небесного Иерусалима. А разве не стала окном в мир вечных первообразов русская икона? Платонизм преломился и в своеобразии русской мысли: В. Соловьев, С. Булгаков, П. Флоренский, А. Лосев, А. Любичев открыли в мире идей новые измерения. Идеалистическое миросозерцание оказалось органичным для русской почвы, – попытки вытравить его, начавшиеся в 60-е годы XIX века, привели страну к трагедии бездуховности. Но возрождение началось!

Через нашу страну с востока на запад прошли миграционные волны уgro-финских племён. Заметный осадок оставили они на русской равнине! Это не только льняной цвет волос или голубые глаза, – это и таинственная магическая культура: ведение будущего; чародейное врачевание; владение психической силой. Волхвы наших летописей – выходцы из финских племён. Их необычные дарования вошли в ментальный генотип Руси, захоронившись в самых его глубинах: придёт срок – и они проявят себя

мощно, убедительно. Только магия откроет нам источники экологически чистой энергии. Ключи к этим источникам будут найдены в северной Руси – совсем рядом с Финляндией: ментальное взаимодействие двух этносов даст великие результаты.

Воздвигнутый над русской равниной грандиозный Собор вобрал в себя немало иранских элементов. Вот пудожское полотенце, на котором вышито Древо жизни: прототип этого изумительного образа мы найдём в древнем Иране. Оттуда пришли на Русь дуалистические представления о Чернобоге и Белобоге, генетически связанные с манихейством; оттуда на стены древнерусских соборов переселилась фантастическая фауна.

Тюркские племена украсили Собор прекрасным орнаментом, который передаёт витальную силу умножения, самоповторения, заложенную во всём живом на Земле и в космосе. Два начала сочетаются в ярком орнаменте: декоративность – и потаённая философичность. Творчески восприняв симметричные узоры Востока, Россия вместе с ним получила своего рода послание, чей зримый код говорит о гармонии мира. Русская душа обнаружила качество поразительной чуткости. На какие только волны и вибрации она не отвечала с предельным вниманием? Буддизм отозвался в ней легендой о царевиче Иосафе; норманские саги и руны преломились в былинах; арабские сюжеты получили новую жизнь в сказках.

«Всемирная отзывчивость»: в этих двух словах Ф. М. Достоевский выразил главное свойство русской души. Потому ли вознесшийся над русской равниной Собор оказался космополитичным во многих своих чертах? Это не уменьшало, а лишь подчёркивало его национальное своеобразие.

Универсальная отзывчивость русской души на психологическом плане проявилась как дар сочувствия и сострадания.

Сердобольный народ! Потому его так полюбила Богоматерь. И потому христианство здесь получило своё самое чистое и полное выражение.

Это от Бога: способность чувствовать чужую боль как свою. И перенимат её в себя, умеряя страдание ближнего. В сочувствии две души – как сообщающиеся сосуды. В них может выравниваться и боль, и радость: это всегда хорошо для людского сообщества. Ибо в сочувствии сводятся на нет силы отчуждения; и нейтрализуется энергия разрыва, взаимного недоверия. Когда-то Русь могла создавать очень мощные поля сочувствия. Если бы они распространялись на всю планету! Но нет, силы тьмы воспрепятствовали этому, – и часто мы видели на Руси другое: вместо сочувствия – вражда, вместо сострадания – злорадство. Это было, было! Ибо Дьявол всегда там, где много добра и света: он перебрасывает полюса, искаjая смысл творения, – он закручивает адские вихри. Сегодня торжество за ним. Нет – Собора, есть – темница. Но это только на плане времени, – а в вечности всё сохранно: и Собор – и сочувствие – и сострадание.

Русь получила задание от Бога: дать народам урок синтеза и мира. У неё были все задатки для выполнения этой миссии. Что же помешало святому делу? Мы видим, чувствуем: искался замысел Божий. Однако нас не должна охватывать безнадежность. Разве всё понято нами до конца в своей собственной трагедии? Да, она иррациональна, непостижима. Но тем более в ней может содержаться глубинный жертвенный смысл, пока ускользающий от нашего разумения, – поэтому не будем спешить с отпеванием Святой Руси. Судьба её находится в руках Божиих.

Так нам ли говорить о конце и finale? Быть может, в испытаниях и муках только окрепло начало соборности, которое по-новому проявит себя в годину планетарных бедствий.

ИДЕЯ СОЛИДАРНОСТИ И ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

На рубеже XIX-XX столетий в физике возникла драматическая ситуация, требовавшая от учёных альтернативного выбора: права или волновая – или корпускулярная теория света. Структура кантовских антиномий воспроизвела на совершенно новом уровне, – ведь, и тезис, и антитезис в данном случае имеют блестящее экспериментальное обоснование. Вот опыт с дифракцией: он непреложно свидетельствует о волновой природе света. Но вот опыт, доказывающий реальность фотоэффекта: это решающий аргумент в пользу корпускулярной гипотезы.

Как разрешить мучительное противоречие?

Возникает искушение осуществить в духе гегелевской диалектики синтез корпускулярного и волнового аспектов. Но синтез не получается! Перед нами абсолютно несовместимые противоположности. Как это ясно теперь, нельзя поставить эксперимент, в котором свет одновременно обнаруживал бы себя и как пакет волн, и как поток частиц. Существует два разных, несводимых друг к другу класса экспериментов: невозможно ни игнорирование одного из них, ни согласование обоих по правилам классической диалектики. Впервые человеческая мысль столкнулась со столы сложной методологической коллизией.

Разрешил коллизию принцип дополнительности Н.Бора, сформулированный в 1927 г. Суть его можно передать так: взаимоисключающие противоположности дополняют

друг друга – они равноправны в двойственной структуре целого. И вот что замечательно: эта двойственная структура не дана нам синхронно – вначале мы видим одно, а затем другое. Поэтому нечего пытаться состыковать в синтезе резко разделённое и разнесённое по разные стороны самой природой. Классическая диалектика тут пасует, – требуется принципиально новый подход! Им и стал боровский принцип дополнительности.

Иключение и дополнение: дабы согласовать в своём мышлении эти моменты, необходимо радикально расширить сознание. Ведь как мы привыкли мыслить взаимоисключение противоположностей? Как непримиримую борьбу между ними, которая или кончается взаимоуничтожением, аннигиляцией – или приводит к монопольному доминированию одного из противоположных начал. А когда противоположности дополняют друг друга? О, это возможно лишь в узком спектре условий, – чудо полной гармонии является редкостью в нашем мире. Далеко не все противоположности способны породить эстетически значимоеозвучье. Часто они контрастируют, а не гармонируют. И всё же согласие берёт верх над раздором, – иначе не возникли бы космос, жизнь, разум.

Альтернатива – и примирение; коллизия – и гармония: до принципа дополнительности эти моменты существовали в нашем сознании раздельно. Нильс Бор парадоксально соединил их друг с другом. К новому типу мышления поначалу адаптировалась физика. Трудно, очень трудно было расширять сознание. А потом автор принципа дополнительности

тельности сделал смелую экстраполяцию: распространил свою методологию на другие – в том числе гуманитарные – науки.

Крупный физик и философ Дж. Уилер заметил однажды: «распространение концепции дополнительности медленно, но необратимо». Ныне принцип дополнительности применяется в биологии, психологии, социологии, филологии, – он успешно работает там, где познание приходит к антиномиям. И вот мы видим: антиномия оборачивается гармонией. Это гармония комплементарности. О ней ничего не знали ни Гераклит, ни Гегель, великие диалектики.

Вот примеры дополнительности, которые приводит сам Нильс Бор в своих работах:

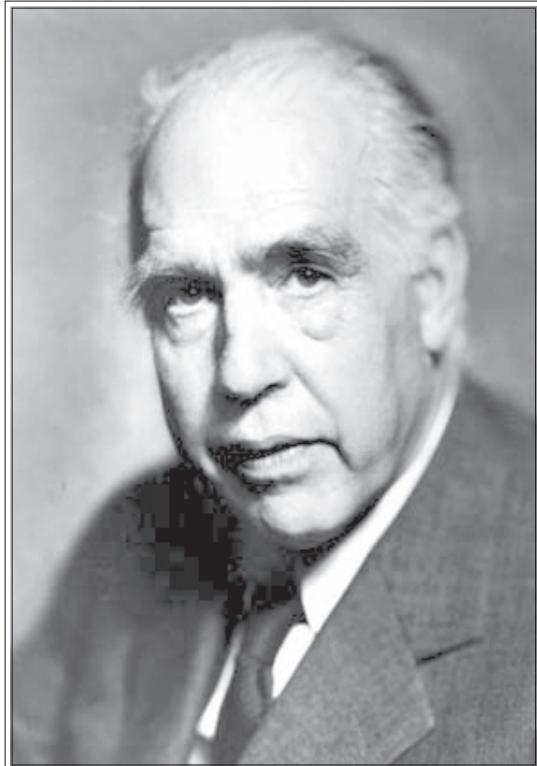
- психофизический параллелизм;
- несовместимые друг с другом механический и теологический подходы в биологии;
- детерминация нашего поведения одновременно инстинктом и разумом;
- коллизия между императивами правосудия и миссии при решении судьбы оступившегося человека;
- переменчивая игра противоположных смыслов в поэтической метафоре;
- антиномии человеческой души.

В 1937 г. Н.Бор выступает со статьей «Философия естествознания и культуры народов», которая, на наш взгляд, глубокоозвучна идеям солидаризма. В этой статье читаем: «Различия между традициями человеческих культур во многом походят на различия между эквивалентными (то есть дополнительными – Ю.Л.) способами описания физического опыта». И далее: «Разные человеческие культуры дополнительны друг к другу».

В этих словах содержится принципиально новый ключ к познанию и оценке внутреннего разнообразия ноосферы. Стоит ли говорить о том, сколь часто предпринимаются попытки его унификации, нивелировки? Русификация – онемечивание – американизация: эти и подобные им термины говорят сами за себя. Против соборного плюрализма ноосферы работают наша нетерпимость, наш эгоцентризм. Мы имеем склонность считать свою модель мира единственno верной – и потому подчас навязываем её другим народам, не считаясь с их традициями. Такое навязывание вовсе не всегда принимает насильтственную форму, – оно может быть бессознательным, проявляя себя исподволь; и в этом своём виде оно не менее опасно. Как расширить сознание? Словно отвечая на этот вопрос, Нильс Бор пишет в статье «Единство знаний» (1955): «Здесь перед нами возникает задача преодоления некоторого элемента самодовольства, присущего каждой отдельной национальной культуре».

Конечно, оптимальным путём к такому преодолению является любовь в её христианском смысле, – она реально способна осуществить высший синтез противоположностей; ею – и только ею – цементируется чайное Всеединство. Но установка на то, что любовь сегодня преобразит разрознённый мир, явно максималистична. И потому абстрактна, если не утопична. Сохраняя верность идеалу любви, всё же будем реалистами: надо искать и другие – более доступные – пути к взаимопониманию.

Как показывает в своих работах Р.Н. Редлих, установка на солидарность не совпадает с христианским империальным любви, – это всё же разные уровни, в чём-то изоморфные друг другу, а в чём-то существенно различающиеся. Солидаризируясь с другими людьми, мы вовсе не обязаны любить их. Более того: солидарность не всегда снимает напряжённость в наших взаимоотношениях, – хотя и придаёт этой напряженности цивилизованные формы. Любовь требует полноты синтеза – солидарность готова удовольствоваться компромиссом. Одно не исключает другого. Видя во вселовеческой любви дальнюю цель, будем двигаться

Бор Нильс Хенрик Давид (1885-1962)

к ней, солидаризируясь в добрых устремлениях.

Формы солидарности разнообразны. Тут возможны и классическая гармония, и боровская дополнительность. Вероятно, последняя преобладает. Всегда ли мы видим идеальную гармонию в отношениях между хозяином и работником? Чаще здесь существует типичная комплементарность: трезвое сознание того, что в интересах целого надо согласовать – солидаризовать – кажущиеся несовместимые позиции. Если этого не произойдёт, то antagonism уничтожит целое: и работодатели, и работники сгинут в безумной схватке. Горький опыт России напоминает нам о таком вероятии.

Через понятие дополнительности глубже осмысливается извечный спор либеральных и консервативных тенденций в обществе. Тут невозможнанейтрализация. Но невозможно и полное вытеснение одной тенденции другой, – в их паритете воспроизводится симметрия двух онтологических начал бытия: изменчивости и устойчивости. Что дает осознание дополнительности этих начал? Мудрое понимание того, что оппонента из другого лагеря не переспоришь. Надо признать его как неизбежную данность. И попытаться из диалога с ним извлечь пользу для целого, разные части которого представляют ваши альтернативные позиции.

В случае дополнительных отношений противоположности как бы дистанцированы, отделены друг от друга. Тут нет общего интегрального поля, в котором находятся, скажем, полюса магнита, – это пример классического единства противоположностей. Такая дистанцированность наглядно проявляется в квантовой механике: вначале мы снимаем информацию с одного прибора, потом с другого – совместить две установки невозможно. Гармония – синхронна, дополнительность – диахронна. Это различие весьма существенно и для понимания комплементарных отношений в социуме. Нельзя одновременно развивать противоположные подходы, – но можно их попеременно моделировать в своём мышлении, дабы глубже осознать позицию оппонента. Такое моделирование лежит в основе рефлексивных структур, чьё огромное значение для нашей пове-

денческой стратегии ещё не оценено. Рефлексивные структуры подобны перспективе отражений, возникающей в зеркалах, поставленных друг против друга. Вот я рефлексирую своего антагониста – и пытаюсь представить, как отражаюсь в его сознании; теперь я усложняю задачу: принимаю в расчёт, что противник догадывается о моём двойном рефлексировании, – так в цепи взаимоотражений появляется третье звено. Но ведь подобная рефлексивная цепь выстраивается и с противоположной стороны! Социум насыщен рефлексивными структурами. Часто благодаря им удается найти взаимопонимание и компромисс. О рефлексивных структурах можно сказать так: это попытка взглянуть на себя глазами оппонента. И осознать дополнительность – не антагонизм! – своих позиций. В гносеологическом плане взаимное рефлексирование имеет сходство с процедурой дополнительного квантовомеханического описания. Рефлексируя свой образ в сознании противника, мы получаем шанс лучше понять друг друга. И умерить напряжённость в своих отношениях, превратив их из альтернативных в комплементарные. Пусть каждый остаётся при своём. Но пусть одновременно он впишет себя в целое! И подумает о сохранности этого целого, взаимовыгодной для всех составляющих его сторон. Это и есть солидарность, понятая как дополнительность.

Поэт Лев Озеров очень точно сказал о любви:

*Мне первая любовь как первая попытка
Отказа от себя, забвения себя.*

В отличие от любви, солидарность не требует жертвенного отказа от себя, забвения – растворения себя – в другом, в других. Солидаризоваться могут не только альтруисты, но и эгоисты, не только общинники, но и адепты индивидуализма. Тут нужна лишь способность охватывать целое, выходя за рамки частного; нужна готовность включаться в комплементарные связи и отношения. В проекции на область этики принцип дополнительности выступает как требование терпимости и толерантности. Без этих качеств невозможно функционирование социума как целого. Это гетерогенное целое, сотканное из мириад напряжений. Возможно, гармония внутри него не всегда достижима, – однако этика дополнительных отношений может и должна стать нормой.

Является ли ноосфера Земли целостным образованием?

Или это конгломерат разрозненных автохтонных структур?

Перед нами вопрос величайшей значимости и глубины. Подход Нильса Бора к его разрешению говорит в пользу гипотезы о целостности ноосферы. Быть может, в ней существует системная дифференциация – аналог разделения функций: каждая культура сосредоточивается на разработке своих специфических проблем, но в совокупности они образуют целостный, закономерно организованный ансамбль. Однако структура этого планетарного ансамбля пока не просматривается нами. Быть может, здесь реализуется не только дополнительность, требующая для своего описания бинарной логики, но и более сложные – тернарные, квартетарные и т.д. – отношения. Если это действительно так, то станет возможным говорить о своего рода суперпозиции культур, используя для её описания язык теории групп. Тогда ноосфера предстанет перед нами как сложный многогранник, чья симметрия, при всей своей неявности для поверхностного взгляда, отмечена чертами глубочайшей закономерности.

Коэффициент взаимопонимания в современной ноосфере крайне низок. Притязания национализма подчас доминируют над идеалом всевмещения; плюрализм лишь

декларируется, – в мышлении, в оценочной сфере явно преобладает односторонность. Отсюда ложное чувство превосходства своей культуры над другой; сознательное или бессознательное стремление абсолютизировать свою систему мер, свои этические и эстетические каноны. Очень наглядно эти негативные черты проявляются в феномене религиозной нетерпимости.

Бесспорно, что религиозные модели мира часто не могут быть согласованы друг с другом – в их основу заложены противоположные по своему знаку онтологические и ценностные параметры. Таковы к примеру модели мира буддизма и христианства. Буддийская модель растворяет человека в безличной нирване, – тогда как христианская модель возносит его к личному Богу. Противоположная направленность векторов тут налицо. Следует ли отсюда неизбежность религиозного антагонизма? Скорее можно говорить о дополнительности двух моделей. В совокупности они помогают понять своеобразную двуполюсность мира: вот полюс первичной неопределенности (нирвана) – вот полюс высшей определенности (личность). Если христианство говорит о восходящей эволюции внутри этой системы, то буддизм акцентирует возможность и желательность нисходящей инволюции. Быть может, в данном случае применимо известное выражение Гераклита: «Путь вверх и путь вниз один и тот же», – ведь на онтологических пределах полюса могут если не совпадать, то переходить друг в друга.

Дополнительность в своих социальных приложениях хороша тем, что она не требует диффузии противоположностей, их взаимопроникновения. Такая диффузия приводит к обезличиванию, к аналогу термодинамического равновесия. Мы знаем, что приialectическом синтезе противоположностей часто возникает нечто третье, – и в нём уже нельзя узнать исходную пару. Такой синтез не всегда возможен и не всегда желателен. Реален ли синтез либерализма и консерватизма в политике, новаторства и традиционализма в искусстве, плюрализма и монизма в мышлении? Если и реален, то в многомерном пространстве неевклидового мышления, на ступень познания которого большинству землян пока подняться трудно. Поэтому и целесообразнее, и трезве говорить не о синтезе, а о дополнительности альтернативных позиций. Порой бессмысленно взыывать к примирению противоборствующих сторон. Однако их противоборство примет цивилизованные формы, если нам удастся показать, что оба лагеря дополняют друг друга в границах целого. И что целое гибнет с победой одного лагеря, – это по сути всегда не победа для него, а поражение: уничтожение оппозиции обрачивается явным или неявным самоуничтожением. Заметим, что не только синтез и гармония, но и дополнительность в ряде случаев невозможна: ясно, что носители идей тоталитаризма и свободы никогда не смогут сотрудничать. Перед нами противоположности, разнесённые по вертикали: одна находится в области инфернального мрака, другая – на солнечном свете культуры. Но часто мы видим взаимодействие противоположностей, находящихся в пределах одной горизонтали, одного цивилизованного уровня. Вот здесь антагонизм досаден. Он лишён онтологических корней, – его надо предельно ослабить, разрезая конфликт в духе солидаристской философии компромисса. Там, где дополнительность возможна – и где она, главное, осознана – там торжествуют истинный плюрализм, истинная демократия. Это очень трудно: выявить дополнительность, заложенную внутри конфликтной ситуации. Но нет сегодня для солидариста более актуальной задачи, чем выявление и утверждение такой скрытой, неявной поначалу дополнительности. Здесь открывается широчайший простор для вдумчивой и терпеливой работы.

Осознание своей взаимной дополнительности в пределах гетерогенного целого как бы пришлифовывает нас друг к другу, – но эта пришлифовка не означает стирания личных неповторимых черт. Нильс Бор писал: «Что касается организации человеческих обществ, то мы хотели бы особенно подчеркнуть, что в описании положения отдельного лица внутри общества имеются типично дополнительные стороны». Важно подчеркнуть, что при комплементарных отношениях сохраняется отдельность лица – исключается его стушевывание, диффузия с другими лицами.

В коллективе советского типа личность умирает.

В соборном братстве – и это идеал – она расцветает, нераздельно и неслиянно соединяясь с другими личностями.

Но существует и третья – как бы промежуточная – возможность: сохранение личностью своей автономии, даже определённой отчуждённости – и вместе с тем её включение в систему разнообразных дополнительных отношений. Мы не оговорились: солидарность возможна и в условиях отчуждения. Вероятно, именно через солидарность начинается преодоление отчуждения. Конечным итогом этого процесса может стать соборность, – она вырастает из начала солидарности; она опирается – как бы на свой фундамент – на комплементарные отношения в структуре социума.

Превращение антиномии в дополнительность: так можно сформулировать установку солидариста, чья деятельность проходит на фоне разнообразных социальных конфликтов. Дополнительность примиряет, – но это примирение не означает сдачи позиций. Дополнительность соглашает, – но это согласие не сопровождается потерей своего лица. Дополнительность единит, – но это единство в разнообразии, вовсе не требующее монолитности и гомогенности.

И самое главное: дополнительность расширяет сознание, помогая увидеть таинственную двуполюсность – и даже многополюсность! – единой абсолютной истины. Н.Бор постоянно развивал такую мысль: чем глубже истина, тем парадоксальнее сходятся в ней тезисы и антитезисы – надо целокупно объять их, а не делать одностороннего выбора. Несомненно, что истины человеческого бытия имеют комплементарную природу, очевидную для солидариста. Расширенное сознание терпимо и толерантно, – оно раскрыто для всех аспектов бытия; оно готово к диалогу, к разнообразному сотворчеству.

Принципу дополнительности Н.Бора присуща методологическая новизна. Несомненно, это одно из самых замечательных обретений XX века, – у него нет прямых аналогов и параллелей в прошлом. Тем не менее понятно желание исследователей высветить в былых веках прототипы комплементарного мышления. Так, К. фон Вайцзеккер в своей статье «Парменид и квантовая теория» (1971) утверждает, что истоки принципа дополнительности – в рассуждениях элейцев о природе единого. Вот резюме этих рассуждений: единое может существовать только как многое. Таков статус и квантовомеханического объекта: взятый как единое он абсолютно нефизичен, ибо ненаблюдаем – но при наблюдении перестаёт быть единым, ибо, взаимодействуя с другим объектом – прибором, погружается в контекст многоного. Вообще диалектика единого и многоного на всех уровнях бытия обретает новые глубочайшие смыслы в свете принципа дополнительности. Частный аспект этой диалектики – вопрос о соотношении личности и общества. Солидаристское его решение, парадоксально сближающее идеи социальности и персонализма, вполне соответствует духу принципа дополнительности.

Весьма интересны попытки сопоставить философские взгляды С.Кьеркегора и Н.Бора. Критикуя гегелевскую диалектику, С.Кьеркегор утверждал: синтез не снимает конфликта между тезисом и антитезисом – мышление должно

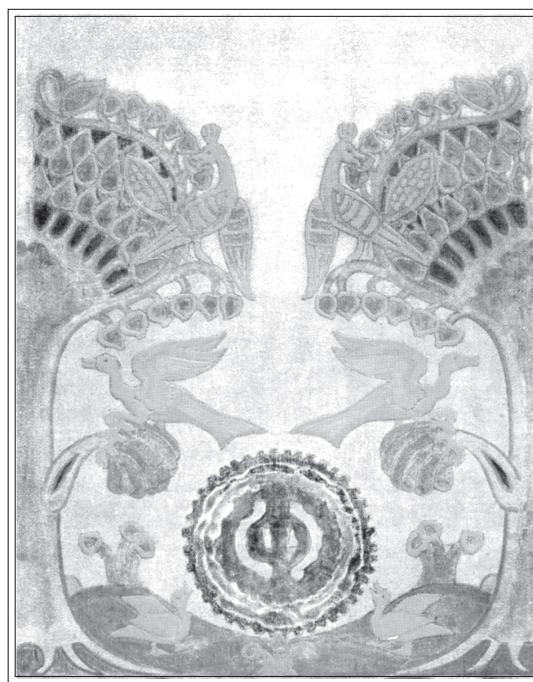
честно сохранять неустранимый разрыв между ними. Как этоозвучно принципу дополнительности! Вообще картина мира у Кьеркегора как бы квантована, – дискретность, скачкообразность в ней явно превалируют над непрерывностью, постепенностью. Это тоже сближает родоначальника эзистенциализма с творцом квантовой физики.

Остается открытым вопрос о том, повлияли ли на Н.Бора «Принципы психологии» Вильяма Джемса, – там независимо от датского физика сформулирован принцип дополнительности в его психологических приложениях. Читаем в «Принципах психологии»: «У некоторых личностей полнота возможного сознания может распасться на части, которые хотя и сосуществуют, но взаимно игнорируют друг друга, деля объекты познания между собой. Ещё более замечательно то, что они являются дополнительными». Этую интересную мысль хочется проэкстраполировать на сознание социума, ноосферы в целом. И здесь разрозненные части подчас не понимают, что представляют грани интегрального целого. Осознание глубинной дополнительности таких частей может стать лучшей психотерапией для страдающего от своей раздробленности человечества.

Единство через дополнительность: сегодня это самый оптимальный – и самый реалистический – путь для солидаризации всех разнообразных положительных сил на нашей планете.

*

Когда Нильсу Бору в конце 1940-х годов был пожалован дворянский титул в знак признания его выдающихся научных достижений и важного участия в культурной жизни Дании, то перед физиком всталась специфическая «дворянская» проблема – придумать себе достойный герб. А надо сказать, что ещё во время предвоенной поездки в Китай на Бора глубочайшее впечатление произвела древняя китайская философия и её поразительное созвучие идеям современной науки и квантовой физики в частности. Поэтому неудивительно, что в конечном итоге знаменитый датский учёный выбрал в качестве своего герба очень древний китайский символ «Тай-цзи» или «Великий Предел», графически представляющий динамическое единство двух противоположных начал вселенной – тёмного пассивного Инь и светлого активного Ян.

Н.К. Рерих. Древо благое произросло.
Панно для моленной Л.С. Лившица. 1914 г.

К 100-летию со дня рождения И. А. Ефремова

Синтез - суть творчества Ивана Анатольевича Ефремова

«Дорогой господин!

Я прочла вашу замечательную книгу «Туманность Андromеды»... Ни одна книга до сих пор не производила на меня такого глубокого впечатления. Она полна радости и надежды. В те мрачные часы, которые царят над моей страной, она исключительно поддерживает и обещает счастливое будущее.

Поверьте, её известность будет возрастать по мере того, как события в жизни будут увязываться с её содержанием, и в следующем веке о Вас будут говорить лучше, чем о Жюле Верне, потому что Вы обладаете человеческим теплом и гуманизмом, которыми не обладал он... Примите, господин, выражение моего огромного восхищения».

12 февраля 1962 года

(Из письма мадам Дениз Бонтам). г. Эльн, Франция.

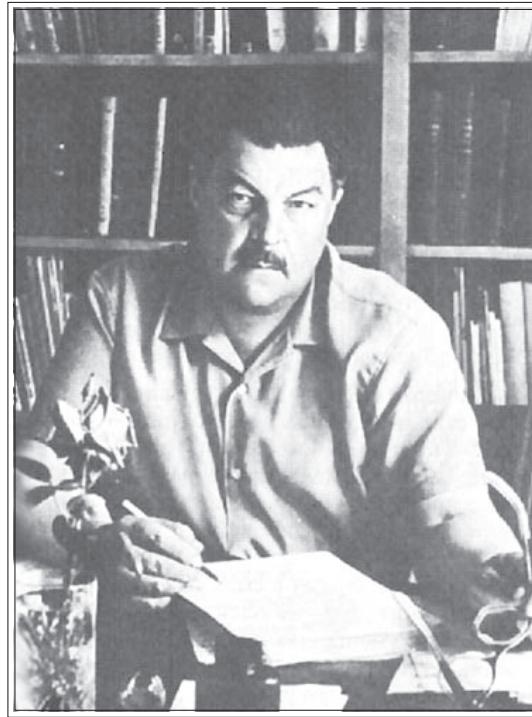
Очевидно, что всем своим творчеством И.А. Ефремов практически опровергает слова одного из героев своей книги «Лезвие бритвы»: «Ещё нет даже признаков распространения синтеза мудрости Запада и Востока. Мне известны предсказания, что Россия первой ступит на этот путь, неизбежный для высшего будущего познания, но пока ещё не ступила...»

Иван Антонович Ефремов – выдающийся учёный и писатель, яркий обладатель научного и художественного синтеза, человек не только энциклопедических знаний, но сумевший преобразовать эти знания уникальным творческим путём, постоянно устремляясь в действительно светлое будущее – на благо всех людей Земли и, прежде всего, своей страны. Удивительно плодотворно использовал писатель в своих произведениях знания Древней Индии, Эллады, Египта, разработки современных ему учёных России и Запада по всем сферам науки для создания многих прекрасных человеческих образов, широкой картины мира в гигантском временном диапазоне – от очень далёкого прошлого к грядущему будущему.

Шаг за шагом, через своё научно-художественное творчество, Ефремов приобщает своих читателей к синтетическому познанию красоты мира и человека, учит их восстанавливать радостное ощущение жизни, развивать полноценные человеческие эмоции и укреплять психику. Он подключает читателя к поиску верных жизненных ориентиров – для чего необходимы особая настроенность сознания и упорный труд, и тем самым способствует подлинному движению вперёд – из Эры Разобщённого Мира в Эру Встретившихся Рук.

Ещё одно, самое яркое, свидетельство о явлении Синтеза в жизни России (и всего мира) и в жизни И.А. Ефремова – это Учение Живой Этики. Живая Этика, или Агни Йога, была дана Великими Учителями человечества через Елену Ивановну Рерих в 20-30-е годы прошлого века. Это Учение Жизни, являясь Синтезом всех предшествовавших учений Востока и Запада, наиболее соответствует приближающейся Космической эпохе и сознанию современного эволюционирующего человека.

Известно, что значительными вехами в судьбе пи-

сателя стало знакомство с книгами Живой Этики и встреча с Юрием Николаевичем Рерихом. Об этом в журнале «Наука и религия» (№4, 1991г.) была статья Александры Юферовой «Иван Ефремов и Агни Йога». Автор пишет: «Уже само присутствие конспекта Агни Йоги в «премудрой» ефремовской тетради – свидетельство творческой дерзновенности, фундаментальности и ответственности предпринятой в романе «Туманность Андromеды» разработки темы космической коммунистической культуры Земли как синтеза многонациональных историко-культурных традиций народов. (...) Душой художника и интеллектуальной интуицией учёного-энциклопедиста Ефремов открыл и принял для себя в Агни Йоге красоту и энергию живого, «некнижного», неискажённого знания тысячелетий. Даже при беглом сопоставлении текстов его «Выдержанек из А.Й.» и прогремевшего на весь мир романа о Великом Кольце их идеально-содержательная близость становится не только несомненной, но подчеркнутой открытой. На протяжении всего романа – почти полностью цитируемые автором чеканные афоризмы «Выдержанек». Так, писатель использует текст «Молитвы Шамбале» в «Клятве Геркулеса»: «Вы, Старшие, позвавшие меня на путь труда, примите моё умение и желание, примите мой труд и учите меня среди дня и среди ночи. Дайте мне руку помощи, ибо труден путь, и я пойду за вами».

Синтез – одно из ключевых понятий Агни Йоги. Приведём некоторые определения его: «Синтез – решение жизни. От Света оно. Синтез означает объединение. Сознание космическое есть сознание синтетическое,

когда беспредельность проявленной вселенной сливается в один единый мир в великом и вечном пространстве ныне и здесь...» (Границы Агни Йоги). «Много зоркости, неутомимости, преданности было заложено в основание каждого синтеза. Понятно, что человек, разивший наблюдательность, увидит вокруг себя много обобщений и поймёт, насколько эти широкие пути привлекательнее. Именно синтез основан на убедительности и привлекательности. Синтез настолько широко охватывает сущность, что отрицание чуждо синтетическому уму... Нужно труженически развивать в себе это ценнейшее качество» (Аум, 501).

Именно это и делал И.А. Ефремов – творчески развивал в себе синтетическое мышление, а из книг Живой Этики выписывал созвучные ему мысли, научные утверждения, этические императивы. Так сложились выдержки «Кое-что важное из А.И.», глубокое содержание которых помогало писателю в работе над его основными романами «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Час Быка». Соответственно, явственно ощущалось созвучие эволюционных идей И.А. Ефремова с Учением Живой Этики: плодотворность контакта человечества с одухотворённым Космосом, постоянная устремлённость в будущее, утверждение высокого понятия Великих Учителей человечества, труд на Общее Благо, роль науки на новом витке эволюции, непрерывного познания, подлинного сотрудничества всех людей планеты, осознание психической энергии и её роли в жизни человека, необходимости синтеза, который и даёт истинное продвижение вперёд, усовершенствование всех основ жизни, духовную радость человеку Земли.

Очевидно, что список тем, интересовавших писателя, проблем, затронутых во всех его произведениях, научных предвидений и прозрений будущего, мог бы стать отдельным ёмким материалом. Ничто не ускользнуло от проницательного взора писателя, просвещённой мысли учёного, ничто не было упущено в его книгах – от сотрудничества будущего человечества с Дальними Мирами до чисто бытовых, житейских, но существенных в жизни каждого человека, проблем.

Многообразное синтетическое творчество И.А. Ефремова не поддаётся жёсткому расчленению, лишив условно можно выделить основные сквозные темы: «Космос, Земля, человек», «Прошлое, настоящее, будущее человечества», «Из инферно – к ноосфере», «Красота – целесообразность и одеяние Истины», «Ведущее женское начало – основа гармонического и утончённого развития мира», «Правильное воспитание и всестороннее образование – залог процветания общества», «Любовь и крепкая бессстрашная психика – духовное богатство и самозащита человека», «Подвижничество и труд на Общее Благо – высшая цель человеческой жизни» и т.д.

Пытаясь распознать и научно обосновать естественноисторическое прошлое, Ефремов прекрасно видел настоящее – с его социально-политическими перекосами, всеми тяготами плохо устроенного общества. В «Часе Быка» он писал о «людях, многократно обманутых историей, запутанных хитросплетениями политической пропаганды, утомлённых скукой и бесцельностью жизни». И далее: «Дорога в будущее разбежалась тысячей мелких троп... Все устои общества и даже просто человеческого общежития полностью разрушены. Законность, вера, правда и справедливость, достоинство человека, даже познание им природы – всё уничтожено владычеством аморальных, бессовестных и невежественных людей. Гигантское пепелище опустошения душ, сила и достоинства которых тоже растрячены в пустой ненависти, зависти, бессмысленной борьбе. И везде ложь. Ложь стала основой сознания и общественных отношений на несчастной планете». Не правда ли, до боли знакомая

картина нашего современного существования? Учёный сделал точный прогноз: «Мелкие изменения системы управления, без коренной её перемены ничего не дадут. Пройдёт время, всё ухнет, причиняя неисчислимые беды. Экономисты не умеют предвидеть и обороняться от количественно-качественной пульсации жизни. Разрыв между нищей жизнью и развлечениями станет тем страшнее, чем сильнее иллюзия. Обеднение и сужение индивидуальной и общественной жизни человека всё сильнее расходятся с теми, нереальными видениями, какими его отуманивают...»

Ефремов осознавал, что материальная бедность планеты ещё не гибельна, и пресловутое неравенство распределения материальных благ не последняя беда, если только правители не стараются сохранить своё положение через духовную нищету народа. Выход учёного видел в раскрытии духовного и психического богатства человека, сберечь и приумножить которые можно лишь в действии – в активной борьбе со злом, в неустанном труде, непрерывном самосовершенствовании. Но всё это можно осуществить на основе подлинной Культуры, а не технократической цивилизации.

Будущее в произведениях И.А. Ефремова – это прежде всего всесторонне развитые люди, духовные, культурные, аскетичные, «творцы своей свободы интереса своей жизни», ответственные за свои мысли, дела и поступки, за всё окружающее, за свою преображенную планету, заряженные светлой энергией, с уравновешенной, здоровой психикой, добрые, красивые, постоянно пополняющие запас своих знаний и с удовольствием работающие в разных сферах науки, искусства, образования, производства. Ефремов глубоко анализировал современное ему состояние культуры и嘗試лся отразить в своих произведениях эволюционные процессы в её трех органичных составляющих – науке, искусстве и философии. Разумеется, больше всего размышилений о науке. Учёный с горечью отмечал: «Наука не сумела даже выяснить смысл существования человека. Люди не понимают цель жизни. В глазах невежественных людей наука всегда права... Наука не знает и не может знать всей необъятности мира. И вера в то, что она нашла решение всех проблем приведёт к катастрофе... Происходит сгущение инферно: мнимая власть над природой, разрушение внутренней гармонии... Учёные превратились из вольных мыслителей в рабов узких научных дисциплин... Синтетическое познание и просвещение народа не считаются обязательными компонентами научного исследования, а ведь это и есть основные столпы науки. Отсюда нагромождение дешёвой информации скороспелых открытий, добытой без размышлений и долгого отбора; надменность молодых исследователей – невежественных технологов, воображающих себя учёными, которые мечтают о переустройстве вселенной, даже не приблизившись к представлению о сложности её законов! (из романа «Час Быка», 1970 г.).

Научные направления, связанные с Космосом, физика, химия, геология, биология, психология, медицина, педагогика, экономика – все науки интересовали учёного, обо всех он составил своё собственное мнение, отмечал их слабые места и недостатки. И.А. Ефремов – доктор биологических наук, основатель тафономии – предвидел будущее развитие многих научных разработок: создание голограмм (рассказ «Тень минувшего», 1943 г.), добыча полезных ископаемых на дне океана, подводное телевидение («Атолл Факаофо», 1944 г.), открытие месторождений алмазов в Сибири («Алмазная труба», 1942–1943 гг.), создание глобальных сетей связи, телекоммуникации («Туманность Андромеды», 1957 г.), существование генной памяти («Эллинский секрет», 1943 г.). Он предвидел рост международного терроризма («Лезвие бритвы», 1962–1963 гг.), при-

ближение экологической катастрофы («Час Быка», 1970 г.), возможность катастрофы нравственной – между 1998-2005 годами (переписка с американским профессором Э. Олсоном).

Искусство – отдельная большая тема в творчестве И.А. Ефремова. Все главные герои его произведений так или иначе соприкасаются с искусством, размышляют о нём. Читатель может мысленно очутиться в мастерских великого ваятеля Лисиппа и скульптора Рамамурти, послушать глубокие выводы – рассуждения Ивана Гирина о красоте, беседы Таис Афинской о прекрасном, постоять у картин «Дочь Гондваны» и «Дочь Тетиса»... В поразительном романе «Час Быка» – зеркальном изображении современной инфернальной жизни землян Ефремов писал: «Ведать искусством – это значит «охранять» олигархию от посягательства на её безраздельную власть над духовной жизнью. Они содержит лишь прислужников от искусства, восхваляющих их. Настоящее искусство – долгий труд. Для человека это щит, защита мечтой, не сбывающейся в природном течении жизни». Это на планете Торманс. У Фай Родис, живущей на обновлённой Земле, иное определение: «Мы называем искусство не щитом, а вехами борьбы с инферно». В «Туманности Андромеды» герои тоже размышляют о сути искусства: «Искусство стремилось к абстракции в подражании разуму, получившему явный примат над всем остальным. Но быть выраженным отвлечённо искусство не может, кроме музыки, занимающей особое место и также по-своему вполне конкретной. Это был ложный путь. На самом деле, искусство – отражение борьбы и тревог мира в чувствах людей, иногда иллюстрация жизни, но под контролем общей целесообразности. Эта целесообразность есть красота, без ко-

торой нет счастья и смысла жизни. Иначе искусство легко вырождается в прихотливые выдумки, особенно при недостаточном знании жизни и истории. Путь искусства – в преодолении и изменении мира, а не только его ощущение. Но не только внешнего мира, но и, главное, внутреннего мира эмоций человека».

Философские системы, мировоззренческие аспекты, в художественном преображении писателя, представлены в основном в романах «Таис Афинская» и «Лезвие бритвы». Они необыкновенно обогащают содержание произведений: читатель, с увлечением следя за сюжетной канвой, делает «передышки», знакомясь в увлекательной повествовательной форме с учениями орфиков, делосского философа, путешественника из Срединной империи, жреца храма Нейт – в «Таис Афинской»; с учением тибетских мудрецов, богатейшей индийской философией – в «Лезвии бритвы»; с научно-философскими идеями и практическими духовными наставлениями из Агни Йоги – в «Туманности Андромеды». Всё это ещё раз подтверждает, что Иван Антонович Ефремов был необыкновенно образованным человеком и глубоким мыслителем – со своим уникальным видением мира.

Писатель прекрасно понимал, что единственно верный путь для человечества – это путь Общего Блага, что творческий труд в полную силу – счастье для человека, также внешне простая, но внутренне богатая чувствами, осознанием красоты мира, полноценная, постоянно совершенствующаяся жизнь, устремлённая в Будущее, в Беспредельность Космоса.

Иван Антонович Ефремов – подлинный носитель Культуры, завещавший нам неуклонное и стремительное восхождение к высотам знания и духа, науки и искусства.

Иван Цыбин, г. Санкт-Петербург

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ НООСФЕРЫ В.И.ВЕРНАДСКОГО В ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. ЕФРЕМОВА*

История появления научно-философского понятия «ноосфера»

Начало 20-х годов. Учёный из далёкой и таинственной Советской России Владимир Вернадский читает в Сорбонне лекции по геохимии. Среди слушателей два молодых француза – Эжен Леруа и Пьер Тейяр де Шарден. А в 1927 году, создавая уже собственный курс лекций по философии, Леруа впервые введёт понятие «ноосфера». Не только термин, состоящий из двух греческих слов, но и определение – как качественно нового состояния биосферы, качественно новой движущей силы эволюции. В лекциях и в работе «Происхождение человечества и эволюция разума» Леруа отмечает, что идея ноосфера возникла под влиянием лекций Вернадского, в которых явление жизни на планете было рассмотрено как единое целое. «Среди огромной геологической литературы отсутствует связанный очерк биосферы, рассматриваемой как единое целое, как закономерное проявление механизма планеты, её верхней области – земной коры». Именно идея целостности всего живого, как и всего неживого, и сложной взаимосвязи живого и неживого, «косного» придала выводам Вернадского поистине революционный характер. Эта идея – целостности – натолкнула Эжена Леруа на вывод о том, что совокупность разумов всех людей, состоящая из индивидуумов, различных, подчас противоречащих друг другу, тем не менее, тоже может быть единым целым, наряду с литос-

ферой – совокупностью косной материи и биосферой – совокупностью живой – выступать как отдельный фактор эволюции, как составная часть бытия планеты Земля.

Понятие Ноосфера начинает использовать в своих философских трудах и Тейяр де Шарден, но в силу религиозных убеждений придаёт этой категории несколько иной характер. Сам Вернадский в то время не проявляет интереса к философской разработке идей Ноосферы, и приступает к этой теме, уже имея под рукой работы Э.Леруа, только во второй половине 30-х. «Я принимаю идею Леруа о ноосфере. Он развил глубже мою биосферу. Ноосфера создалась в постпиоценовую эпоху – человеческая мысль охватила биосферу и меняет все процессы по-новому, а в результате энергия, активная, биосфера увеличивается» (Вернадский В.И. Переписка с Б.Л. Личковым (1918 – 1939 г.). М., 1979, с. 181-182).

В 1937-38 гг. в основном написана основополагающая работа «Научная мысль как планетное явление», в которой Вернадский даёт развёрнутое определение понятия ноосферы, и определяет основное отличие ноосферы, как геологического и биологического фактора – мышление, целенаправленный сбор и анализ информации, планирование – способность, которой обладает только Разум. И «Несколько слов о ноосфере» – последняя из опубликованных при жизни автора статей.

Основные положения понятия «ноосфера»

Материя – живая и косная.

Время для косной материи идёт медленно, для живой

* Выступление на IX Ефремовских чтениях (г. Вырица, Ленинградская обл. 22 апреля 2006 г.).

— быстро. Косная материя остаётся неизменной, живая — эволюционирует, изменяется и развивается.

«Живая материя организуется в биосферу, причём организация — это явление более сложное, чем механизм, точно так же как подобие живых существ — не буквальное повторение». Совокупность живых организмов на планете можно рассматривать как единое целое, как фактор существования планеты и её развития.

В ходе эволюции часть живой материи достигает такого состояния, в котором основным фактором, определяющим её организацию, становится разум. По сути, Вернадский вводит, хотя и неявно, третий вид материи — мыслящий.

«Это переживаем мы и сейчас, за последние 10-20 тысяч лет, когда человек, выработав в социальной среде научную мысль, создаёт в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывшую. Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние — в ноосферу — перерабатывается научной мыслью социального человечества».

Для формирования ноосферы необходимо не только появление разумных существ. Это лишь её зародыш. Собственно ноосфера начинается с налаживания связей отдельных Разумов, с появления членораздельной речи и письменности как способов связи разумов в пространстве и времени, с развития средств быстрой передачи информации. «Событие, происшедшее в захолустном уголке любой точки любого континента или океана, отражается и имеет следствия — большие и малые — в ряде других мест, всюду на поверхности Земли. Телеграф, телефон, радио, аэропланы, аэростаты охватили весь земной шар. Сношения становятся всё более простыми и быстрыми. Ежегодно организованность их увеличивается, бурно растёт». Но этого недостаточно. Ноосфера не может существовать без адекватных представлений о мире. «...в ХХ в. одна единая научная мысль охватила всю поверхность планеты, все на ней находящиеся государства. Всюду создались многочисленные центры научной мысли и научного искания.

Это — первая основная предпосылка перехода биосферы в ноосферу». Для окончательного формирования ноосферы необходимо освобождение Творчества, ликвидация устаревших жёстких рамок и ограничений, создание возможности для раскрытия творческого, созидательного потенциала каждого человека. «Но научная работа требует благоприятной среды для развития, и это достигается широчайшей популяризацией научного знания, преобладанием его в школьном образовании, полной свободы научного искания, освобождения его от всякой рутинны, религиозных, философских или социальных пут. Это столь же необходимая предпосылка ноосферы, как и творческая научная работа.

XX век — век значения народных масс. Мы одновременно видим в нём энергичное, широкое развитие самых разнообразных форм народного образования. И хотя далеко не везде сняты путы, на которые указывалось, они неизбежно разлетятся с дальнейшим ходом времени. Огромно значение демократических и социальных организаций трудающихся, интернациональных их объединений, и стремление к получению максимального научного знания не может остановиться».

Элементы ноосферы — люди, являясь частью биосферы, решают задачи существования в биосфере иначе, поскольку обладают способностью видеть и моделировать состояние всей планеты, а не только узкого места своего обитания, и ещё обладают способностью анализировать и прогнозировать последствия своих действий во времени. «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются всё более и более широкие творческие возможности». Ноосфера ставит себе задачу, которая не вписывается в логику существования биосферы — сбор, накопление и осмысление ЗНАНИЯ. «Ноосфера — биосфера, переработанная научной мыслью». «Мы

можем говорить о науке, научной мысли, их появлении в человечестве — только тогда, когда отдельный человек сам стал раздумывать над точностью знания и стал искать научной истины для истины, как дело своей жизни, когда научное искание явилось самоцелью».

Развитие представлений о ноосфере в научно-философских литературных произведениях Ивана Ефремова

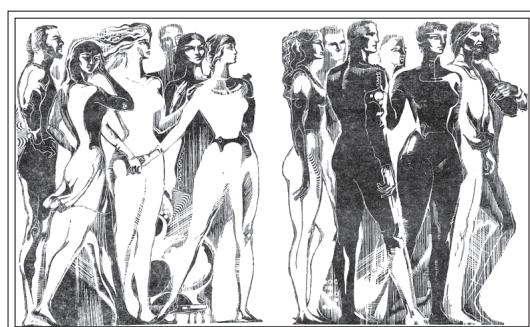
То, что созданная Вернадским философская категория во много раз шире масштабов одной или даже нескольких научных или философских работ, свидетельствует о гениальности сделанного открытия, так же, как прозорливость Эжена Леруа, ухватившего суть идеи своего учителя — его величайшая заслуга перед всей мировой наукой и философией. В своей основополагающей работе «Научная мысль как планетное явление» Вернадский глубоко исследует науку как философскую категорию и важнейшую составляющую ноосферы.

«Без их оценки с точки зрения добра и зла, не касаясь этической или философской стороны, научная работа, научная мысль констатируют новый факт в истории планеты первостепенного геологического значения. Этот факт заключается в выявлении создаваемой историческим процессом новой *психозойной* или *антропогенной геологической эры*. Но «без оценки добра и зла» можно только констатировать сам факт появления новой силы, наступления новой эры. Какой будет эта эра, в каком направлении будет действовать разумная сила планетарного, а, может, и космического масштаба? Какой эта сила должна быть, чтобы достичь поставленной ею же самой цели, и какой может быть эта цель?

Основой ноосферы является человек — разумный индивидуум. Для того чтобы понять роль и место самого человека в ноосфере, человека как Личности и как составляющей единого целого, определить условия устойчивого существования и развития ноосферы, прогнозировать путь её развития, нужно ввести критерии оценки мотивов поведения людей, простые и вместе с тем всеобщие.

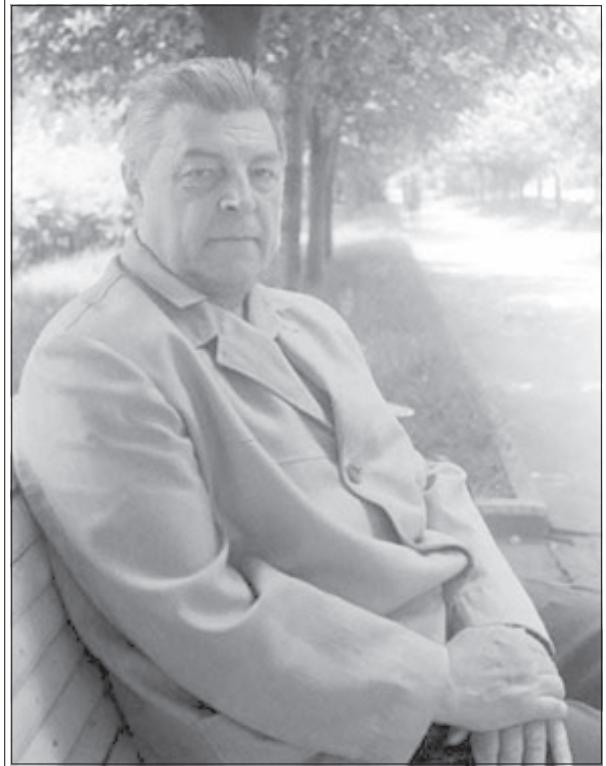
«Философия всегда основана на разуме и теснейшим образом связана с личностью. Философия никогда не решает загадки мира. Она их ищет. Она пытается охватить жизнь разумом, но никогда достигнуть этого не может...». Без философии нет науки, прикладные задачи невозможно поставить, не видя перед собой дальнюю и общую перспективу, дальше, чем может дать научный прогноз.

Иван Ефремов писал не научные трактаты по социологии. И не научные прогнозы развития конкретного общества — людей Земли. И не философский трактат о ноосфере. По крайней мере, свою задачу он, вероятнее всего, представлял себе иначе. Но можно, и, наверно, всё-таки нужно отойти от шаблонного восприятия его творчества как произведений художественной литературы. Впрочем, литературное произведение, если оно действительно значимо, всегда содержит философские элементы, и даже изложение философских взглядов и концепций. Важно отношение к произведению как к литературе или как научному, философскому труду, на основе которого можно формулировать строго научные и практические задачи. В романах

Галина Бойко. Иллюстрация к роману
И. Ефремова «Час Быка»

И. А. Ефремов. 1970 г.

«Туманность Андромеды» и «Час Быка» Иван Ефремов создал теоретическую модель ноосферы.

«Существование психической атмосферы стало известно ещё в ЭРМ, когда один из величайших учёных Земли, Вернадский, назвал её ноосферой. За тысячи лет до Вернадского к понятию ноосферы приблизились древние индийцы. Они дали даже более полное определение – небесная хроника Акаши. Она включала как бы историческую запись событий на планете, отражала чувства и достижения искусств. Вернадский считал ноосферу наполненной только нужными идеями и фактами, то есть информацией одной лишь науки». В модели Ефремова не только наука, но и «мысли, думы, мечты, идеи, образы накапливаются в человечестве и незримо присутствуют с нами, воздействуя на тысячу лет на ряд поколений».

Противопоставляя ноосферу Торманса и ноосферу Земли в романе «Час Быка», Ефремов сопоставляет два уровня развития ноосферы и тем самым показывает путь, который надо пройти для окончательного формирования ноосферы, для подлинного объединения разумов при сохранении и развитии каждой индивидуальной личности. На начальном этапе ноосфера связана как недостаточным уровнем развития технических средств передачи информации, так и недостаточной грамотностью основной массы людей, недостатком времени и сил для занятий творчеством, необходимостью поддерживать своё физическое существование. Структура такой ноосферы оказывается подобной пирамиде и определяется жёстким распределением ролей между людьми – не только в виде разделения труда, но и в разделении прав и возможности доступа к информации, принятия решений. Такая структура неизбежно приводит к подавлению творческого начала большинства людей, лишает их возможности самореализоваться и дать миру всё, что они могут. Но в то же время пирамidalная ноосфера вместе со всеми её противоречиями, несовершенством – необходимый этап эволюции новой силы. В процессе своего развития, подобно тому, как живой организм, развиваясь из зародыша, повторяет предшествующие формы жизни, ноосфера повторяет путь биосферы.

В рамках инфернальной ноосферы человек вынужден постоянно отстаивать своё право на существование, на некоторую долю ресурсов, на восприятие себя другими

людьми именно как разумного существа а не производящего-потребляющей единицы. Однако, поскольку невозможно силой заставить кого бы то ни было адекватно воспринимать мысли и чувства другого человека, равно как и свои собственные, борьба за признание оказывается борьбой за иллюзию признания. Люди, осуществляющие функцию управления, то есть аккумулирования информации и выработки решений, оказываются вынуждены использовать страх и ложь в качестве основных средства управления людьми, поскольку каждый человек, чувствуя враждебное настроение окружающих, стремится максимально отделиться, отгородиться, то есть разрушить ноосферу. Стремление власть предержащих частично подавить волю каждого человека, создать централизованную систему, подобную муравейнику, лишить людей свободной воли по сути уничтожает разум как таковой, в этом случае понятие ноосферы теряет смысл, поскольку объединяются не полноценные, творческие, развивающиеся разумы, а полумеханические существа, мыслящие как роботы. Всепроникающий страх каждого индивидуума, в том числе находящегося на вершине власти, аккумулируется в такой ноосфере, боязнь конкурентов извне приводит к самоизоляции системы.

«– Любой человек Земли так осторожен в своих поступках, что проигрывает в сравнении с властителями нашей древности. У него нет внешних признаков могущества, хотя на самом деле он как осторожно ступающий исполинский слон перед несущимся напролом перепуганным оленем.

– Владыка – и перепуганный? – рассмеялась Олла. – Одно противоречит другому.

– А следовательно, и составляет диалектическое единство, – заключила Фай Родис».

Пирамidalная структура подавляет и отсекает лишнее число индивидуумов, чей уровень развития оказался выше установленного для них места в Пирамиде, по закону Стрелы Аримана, вследствие чего ограничивается развитие как индивидуальное, так и всей ноосферы. То есть инфернальная ноосфера порождает неразрешимые противоречия внутри себя, по сути, борется сама с собой.

Однако если внимательно вчитаться в текст, можно найти один любопытный, хотя и очевидный вывод – даже на начальном этапе своего развития ноосфера не обязательно становится инфернальной, то есть целенаправленно давящей развитие людей, умножающей зло и горе. Выбор самих людей определяет, насколько пирамidalная структура будет давить, насколько отношения в человеческом обществе будут определяться законами дарвиновской внутренней борьбы.

«– Следует ли понимать так, что начавшееся развитие общества обязательно или переход в высшую, коммунистическую форму, или всеобщая гибель? И ничего другого? – продолжал он.

Формулировка неверна, Кими, – возразил учитель. – Нельзя приравнивать процесс общественного развития к двум чашам весов. Среди знакомых нам по Кольцу цивилизаций известны случаи быстрого и лёгкого перехода к высшему, коммунистическому обществу».

«– Бедность бывает разная, и материальная бедность планеты Ян-Ях ещё не гибельна. Потому что она найдёт выход в духовном богатстве. Но для этого нужна основа – библиотеки, музеи, картинные галереи, скульптуры, прекрасные здания, хорошая музыка, танцы, песни. И пресловутое неравенство распределения материальных вещей не последняя беда, если только правители не стараются сохранить своё положение через духовную нищету народа. Великие реформаторы общества Земли прежде всего учили беречь психическое богатство человека. Сберечь его можно лишь в действии, в активной борьбе со злом и в помощи собратьям, иными словами – в неустанном труде. Борьба же вовсе не обязательно требует уничтожения».

Путь развития ноосферы в любом случае идёт через отказ каждого человека от мелочной власти, от стремления подавлять себе подобных в конкурентной борьбе, имен-

но в условиях жесткой пирамидальной структуры. Объективным условием такого отказа становится вполне обозримая перспектива сползания общества в хаос, резкого ухудшения условий жизни если не своих, то ближайших потомков. Но формирование ноосфера означает как раз установление приоритета фактора субъективного – свободной воли человека – над объективным, над слепой игрой косной материи, стихийных сил природы. Человек должен осознать необходимость изменить определённым образом себя и своё отношение к окружающему миру, будь то участок земли, планета, Галактика или вся Вселенная, своё отношение к людям – и реализовать это изменение.

«— Мы только что говорили о самоуничтожении разобщённого мира, достигшего больших научных и технических познаний. Бывали периоды долгого смятения, убийственных войн, отбрасывавших человечество некоторых планет назад, в нищету и одичание. Начиналось новое восхождение, новая война – и так несколько раз, пока производительные силы планеты не истощались и технически не деградировали. Эту деградацию потомкам приходилось исправлять веками, несмотря на беспредельное могущество высшей общественной формы и помощь разума Великого Кольца». И даже «стабильный» Торманс подчиняется этому закону, законсервированность его на одном уровне развития – кажущаяся. Волнообразное чередование времён относительного благополучия и «Голода и Убийства» представляет собой тот же замкнутый круг Инферно, медленную и мучительную агонию. Сколько пройдёт таких циклов до окончательной гибели цивилизации? Может быть, только один.

Именно это – понимание законов вселенной и осознанный выбор всей возрастающего числа людей – Ефремов, в отличие от Вернадского, считает вторым шагом в развитии ноосфера. Широкое распространение научных знаний – необходимое, но недостаточное условие.

«Беда этого общества, что вся социальная борьба в естественном ходе исторического процесса спустилась на дикий бандитский уровень насилия, подобно племенной вражде, знавшей только цель захвата власти, еды, женщин. <...> Борьба за власть совсем упала из виду человека. Всё можно, власть позволена кому угодно – кто сумеет – возвыситься. Эти гнусные методы всепозволения внедрились везде и применяются в семье и научной лаборатории, в театре и магазине, не говоря уже об органах власти. И полностью утрачены честь и достоинство человека, ставшие теперь мишенью для уничтожения.

Это ужасное состояние безверия, скепсиса, непонимания пути порождает кроме всего ещё шизофrenия. По секретным подсчетам, на Тормансе около шестидесяти процентов населения – психически больные».

Есть ли надежда?

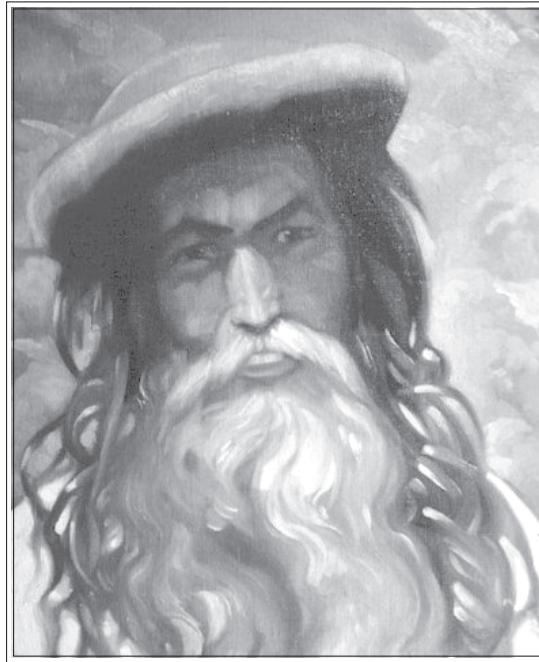
До тех пор, пока на планете есть разумные существа, пока «крышка инферно» не захлопнулась, окончательно подавив волю людей, – есть.

«В древнем мире, среди опасностей и унижения, сила любви, преданности и нежности необычайно возрастала именно на краю гибели, во враждебном и грубом окружении. Подчинение прихоти грубой силы делало всё мимолетным и неустойчивым. Судьба отдельного человека могла в любой момент измениться самым резким образом, обрекая на крушение его планы, надежды и помыслы, потому что в плохо устроенном обществе древности слишком многое зависело от случайных людей. Но эта древняя мимолетность надежд, любви и счастья, вместо того чтобы ослаблять, усиливала чувство.

Вот почему лучшее в человеке не могло погибнуть, несмотря на тяжкие испытания рабства Темных веков или эры Разобщённого Мира».

Но как сделать этот шаг?

Устами Фай Родис дан ответ. Бить по основанию пирамиды! Основа инферно – отсутствие знания, страх, неверие в себя и недоверие. Дать людям информацию. Создавать очаги доверия, дружбы, взаимопомощи. Дать людям возможность поверить в себя, осознать свою силу, и свою ответственность. Только так, постепенно увеличивая чис-

*С.Н. Рерих. Гур из Кулу (1939 г.) –
прототип гуру Свами Витаркананда
(Ефремов И.А. «Лезвие бритвы»)*

ло людей, способных сделать осознанный выбор, поддержать тех из них, кому будет доверено управление обществом, воспитание подрастающего поколения.

Интересно сопоставление ноосфер Земли разных эпох, олицетворением которых Ефремов выбрал своих героинь – Веду Конг и Фай Родис.

«Помимо этих внешне архаичных черт большей психофизической силы и крепости тела, Родис и внутренне отличалась от Веды Конг. Если к Веде любой потянулся бы безоговорочно и доверчиво, то Родис была бы ограждена чертой, для преодоления которой требовалась уверенность и усилие. Если Веда вызывала любовь с первого взгляда, то Родис – преклонение и некоторую опаску».

Это не возвращение к прошлому. Хрупкая беззащитная Веда Конг и сильная, имеющая опыт преодоления инферно Фай Родис.

Подобно зрелому человеку, ноосфера Земли эры Встретившихся Рук, пройдя виток спирали, вступает в очередную fazу своего развития – становится Учителем.

Список литературы

1. В.И.Вернадский. «Научная мысль как планетное явление». – Отв. ред. А. Л. Яншин, М, «Наука», 1991. <http://vernadsky.lib.ru>
2. В.И Вернадский. «Несколько слов о ноосфере». – Отв. ред. А. Л. Яншин, М, «Наука», 1991. <http://vernadsky.lib.ru>
3. И.А.Ефремов. «Туманность Андромеды». – М, «Молодая гвардия», 1959.
4. И.А.Ефремов. «Час Быка». – Петрозаводск, «Карелия», 1991.
5. Ф.Яншина. «Ноосфера В.Вернадского: утопия или реальная перспектива» – «Общественные науки и современность». 1993. № 1. С. 163-173. <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/06/30/0000164623/017ons1-93 - 0163-173.pdf>
6. И. И. Мочалов. «В. И. Вернадский и религия». http://atheismru.narod.ru/Atheism/People_of_science/Mochalov02.htm
7. Ю.Ф. Флоринская. «Понятие о ноосфере» <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1165451&uri=index.html>, <http://ecsocman.edu.ru/ons/msg/164623.html>

Этико-философские и психотехнические доминанты йогических учений средневекового Востока: анализ некоторых культурно-исторических тенденций развития

Согласно одной из распространённых исторических концепций, период восточного Средневековья начинается примерно в начале I тысячелетия нашей эры и заканчивается в конце XVIII века. Географическое распространение йогических учений в течение этого периода становится значительно шире. Философские доктрины и психотехнические методы йоги из Индии проникают в Китай, Тибет, Японию, другие регионы Центральной, Юго-Восточной и Юго-Западной Азии, в Южную Европу и Россию.

Изучая историческое развитие йоги, следует принять во внимание, что в индийской духовной культуре границы йоги и йогической практики оказались чрезвычайно размытыми. Для народов Индостана понятие «йога» имело почти такое же собирательное, интегральное значение, которое имеет для современного европейца понятие «культура». Сфера и проявления культуры чрезвычайно многообразны. Это и высокая элит-культура, народная культура, массовая культура, субкультура, псевдокультура и так далее. Подобным образом мы должны рассматривать и различные проявления культурного феномена йоги. Обстоятельные исследования свидетельствуют, что существует великое множество разновидностей йоги, которые отличаются друг от друга по исходным философским убеждениям, практическим методам, целям духовной практики, этическим особенностям, религиозным основам и принципам. Мирча Элиаде, например, выделял мистические, культивальные, эротические и магические разновидности йоги [40, с. 370]. Конечно, это лишь одна из условных классификаций, которая не исчерпывает всего многообразия йогических учений. Однако, следует согласиться, что всегда можно выявить определённую форму йоги там, где люди стремились к мистическим переживаниям, сакральному опыту или совершенному владению своим духом, сознанием или телом. Так, в частности, вся индийская религиозность теснейшим образом связана с йогой и её практическими методами. Везде, где мы сталкиваемся с индийскими религиозными доктринаами и мистицизмом, мы, вместе с тем, обнаруживаем и элементы или даже целые системы йоги. Вместе с тем, несомненно и то, что различные модификации йоги имели далеко не тождественную ценность в философском, моральном и социальном смыслах.

Классификация йогических учений не так проста, как это кажется на первый взгляд. В общем широком потоке йогических и парапсихологических учений и практик в формальном смысле можно выделить пять основных традиций. Первая – «популярные» (народные) и несистематизированные разновидности брахманистской и индуистской йоги, следующие религиозной традиции Вед. Вторая – индийская классическая йога («санкхья-йога»), опирающаяся на трактаты Патанджали и Вьясы. Третья – индийская небрахманистская йога (джайнистская йога, буддийская йога). Четвёртая – различные разновидности индийской мистической, магической, алхимической, эротической йоги (тантическая йога, хатха-йога, кундалини-йога, мантра-йога, канпхата-йога, сахаджа-йога и др.). И, наконец, пятая традиция – неиндийские разновидности йогической философии и практики (даосская йога, китайская буддийская йога, ти-

бетская буддийская йога, японская дзэн-буддийская йога, исламский суфизм, восточно-христианский исихазм). Отмеченные традиции йоги, конечно, появляются не одновременно. Самая древняя из них, вероятно, связана с Ведами и брахманизмом, а также с арийскими племенами, мигрировавшими с севера (Центральная Азия) в Южную и Юго-Западную Азию (Индостан, Иран и др.).

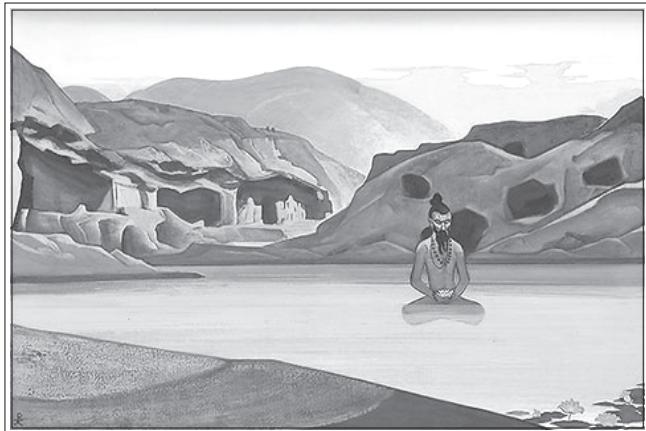
Развитие йоги в течение средневекового периода истории Востока происходило по всем пяти вышеуказанным линиям. К древним разновидностям брахманистской, магической и классической йоги примыкает влиятельная традиция буддийской йоги, а также усиливается реакция аборигенных культов, что приводит к расцвету тантризма и созвучных ему течений. Индуистская и буддийская йоги вместе с тантризмом начинают активно распространяться в сопредельных регионах – Китае, Тибете, Японии, Центральной и Западной Азии.

Работы Вьясы, Мишры, Бходжи, некоторые тексты упанишад развивают линию классической индийской йоги, как в доктринальном, так и практическом смыслах. В рамках классической йоги и вне её постепенно оформляются различные модификации и разновидности индуистской йоги, которых существовало достаточно много. Однако все они не имели такой стройной философской базы как санкхья-йога. Поэтому их часто называют «популярной» или «несистематизированной» йогой.

Наиболее значительные из популярных видов духовной йоги имели раджа-йога, бхакти-йога, джнани-йога, карма-йога. Главное их отличие – в основополагающем методе йогической практики [10]. Раджа-йога (ей соответствуют принципы системы йоги Патанджали) делает ставку на дисциплину тела, чувств и сознания, которые подчиняются контролю духа для осуществления высших целей йоги. Бхакти-йога (её исходные элементы были обозначены в «Бхагават-Гите» и вишнуистских текстах) на первый план выдвигает духовно-эмоциональный порыв и безграничную любовь-преданность Высшему Началу, отрешённость от плодов своих действий и посвящение их своему духовному Идеалу. Джнани-йога опирается на метафизическое познание истинной реальности и предполагает в качестве средства освобождения духовную мудрость (идея джнани-йоги звучат в системе санкхья и в философии Шанкары). Карма-йога в качестве методов избавления от кармической зависимости и достижения освобождения указывает деятельность и труд, исполнение своего долга, покорное следование своей карме (некоторые идеи карма-йоги звучат из уст Кришны в «Бхагават-Гите» [7]).

Раджа-йога предполагала высокий аскетизм, уход от мирской жизни и наставничество авторитетного гуру. Это был элитарный вид йоги, доступный в силу эзотеризма и аскетизма далеко не многим. Подобной элитарностью отличалась и джнани-йога. Она требовала глубоких философских познаний, понимания сокровенного смысла многих сакральных текстов-первоисточников, а значит и хорошее образование в духовных вопросах. Очевидно, что такое образование в древней и средневековой Индии было доступно только представителям высшей касты священнослу-

N. K. Periyah. Lotus 1933 г.

жителей – брахманам. Или, в крайнем случае, людям царской крови и военачальникам – кшатриям высокого социального положения. Поэтому самыми популярными, самыми народными видами духовной йоги явились бхакти-йога и карма-йога. Здесь не требовалось знание абстрактных философских доктрин, уход от мирской жизни, владение специальными психотехниками. Эти разновидности йоги можно было практиковать в повседневной жизни, исполняя свой религиозный долг в неразрывной связи с семейными и профессиональными обязанностями. В этом, вероятно, и заключался секрет популярности бхакти и карма-йоги.

Известны и другие модификации индуистской йоги, в которых, как правило, внимание акцентируется на отдельных элементах йогической практики. Например, мантра-йога, крия-йога, кундалини-йога. Однако наиболее известна и популярна среди подобных модификаций йоги была система *хатха-йога*, направленная на развитие тела человека, продление жизни и развитие паранормальных психофизических способностей. Эта особенность хатха-йоги не позволяет её рассматривать в качестве самостоятельной системы йоги, все истинные разновидности которой обращены к работе с сознанием и имеют куда более возвышенные духовные цели, нежели укрепление физического тела и исполнение факирских феноменов.

Техника хатха-йога при должном подходе являлась подготовительной ступенью в системе раджа-йоги и использовалась как вспомогательное средство для развития дисциплины и выносливости физического и астрального тел. В отрыве от высших ступеней йоги она превращается в простую гимнастику для тела, дыхательной системы и некоторых элементов психики. Именно такая гимнастика в большинстве своём распространена на Западе и по ней многие обыватели выносят свои суждения о йоге как таковой. Однако, по мнению авторитетных мастеров йогической науки, достижение высших целей духовной йоги средствами и методами хатха-йоги невозможно [17].

Как и когда появляется хатха-йога? Принимая во внимание отсутствие оригинальной историографической литературы в древней и средневековой Индии (по крайней мере, недоступность её для современной науки), а также тесное переплетение реальных фактов и мифологии, в данном случае установление точной хронологии предстает в качестве большой проблемы. Среди исследователей восточной культуры существует мнение, что основой традиции хатха-йоги явился утерянный средневековый трактат «Хатха-йога», авторство которого приписывается некоему полулегендарному йогу Горакхнатху. Несмотря на то, что второй его трактат – «Горакши-шатака» сохранился, каких-либо исторических фактов о личности Горакхнатха не известно. Если этот человек не миф, он мог жить в промежутке с IX по XII век [40, с. 303, 380].

Понятие «хатха» переводят как «разрушение» или «де-

структивное усилие». Если этот перевод адекватен подлинному смыслу, то, опираясь на духовную идеологию классической йоги, можно предполагать, что речь идёт о разрушении цепи зависимости человека от неких ограничивающих его обстоятельств (материального мира?). Однако в индийской культурной традиции существует и другая интерпретация понятия «хатха», в которой указывается на мистическое соединение Солнца и Луны – символов определённых процессов и энергий человеческого организма, – дающее состояние йоги.

Теоретической основой традиции хатха-йоги и близких ей йогических практик явились два вышеуказанных трактата Горакхнатха; работа Свами Сватмарамы под названием «Хатха-йога-прадипика», основанная, как полагают, на текстах утерянной «Хатха-йоги»; трактатベンгальского индуиста Гхеранды «Гхеранда-самхита» и большая работа неизвестного автора – «Шива-самхита», в которой просматриваются идеи веданты и тантризма. Во всех этих трактатах описываются различные аспекты йоги – асаны, пранаяма, техника очищения, мудры, паранормальные способности сиддхи.

Первоначально термин хатха-йога использовался, по всей видимости, для обозначения школы последователей Горакхнатха и связанных с ним идей физической йоги. Но со временем значение термина расширилось, и к хатха-йоге стали относить другие разновидности йоги, которые могли иметь собственные источники, но которые были созвучны хатха-йоге в основном – в стремлении к совершенству физического тела, к телесному бессмертию и развитию различных сиддхи. Поэтому сегодня понятие хатха-йога является собирательным и указывает на множество различных йогических учений и практик, имеющих общие цели и противостоящих целям и методам духовной йоги.

Течение последователей Горакхнатха не могло появиться без определённых культурно-исторических оснований. Оно, как и его теоретические работы, идейно опиралось на шиваизм, тантризм, некоторые древние шаманские обряды и аскетические практики. Далеко не всегда это влияние имело высокое духовное свойство. Скорее даже наоборот, ведь нередко шиваистские и тантрические культуры были склонны к чёрной магии, человеческим жертвоприношениям и сексуальным ритуалам.

Постепенно в народном сознании историческая фигура Горакхнатха, как и вся его школа, мифologизировалась и обрастала всевозможными легендами. Воины, ремесленники, землепашцы, торговцы, слуги-полурабы, чернорабочие и другие представители многокастового индийского общества были очарованы чудесами последователей школы хатха-йоги. Если духовное совершенство мудрецов не бросалось в глаза, а мастера классической йоги не стремились направо и налево демонстрировать свои сиддхи, то хатха-йоги показывали доступные им феномены открыто и охотно. В глазах суеверной, необразованной толпы обладатели таких феноменальных способностей выглядели чуть ли не богами. Такова, вероятно, была одна из причин популярности хатха-йоги. Другая состояла в том, что улучшение здоровья, обретение молодости, продление жизни, а может быть и надежда на физическое бессмертие, нередко привлекали простой люд больше, чем малопонятные метафизические цели классической или буддийской йоги в их чистом, неразбавленном земными желаниями виде.

Итак, йога в качестве метода духовного или физического развития человека использовалась последователями многих религиозных течений и философских школ древней и средневековой Индии. Индуисты, джайны, буддисты, приверженцы санкхьи и других течений индийской мысли прибегали к йогической практике для дисциплинирования тела и сознания, приобщения к высшей реальности, обретению духовной свободы и нирваны.

Однако, несмотря на это, в философском смысле традиция классической йоги (школа санкхья-йоги) вовсе не являлась господствующей. В культурном пространстве

Статуя Шивы в Бангалоре, Индия.

постклассической Индии развитие духовной мысли происходило в силовом поле противоборства двух главных идеино-философских традиций – ведической или индуистской мысли (объединяя философские течения, основанные на Ведах и тяготеющие к индуизму) и буддийской философии. Здесь философская школа классической йоги в определённом смысле явилась составной частью индуистской духовной традиции. Ведь она разделяла важнейшие метафизические положения Вед и индуизма. Вместе с тем, по методу духовной практики классическая йога недвусмысленно оппонировала религиозному ритуалу брахманизма и индуизма как его более поздней разновидности. Мастера йоги всегда презрительно относились к ритуалу и, в общем, не разделяли господствовавшее убеждение о том, что отправление обрядов и поклонение богам принесёт человеку освобождение от страданий, сансары и кармы. В этом смысле классическая йога оказалась созвучна этико-философскому учению Гаутамы Будды, хотя и имела с ним немалые доктринальные разногласия.

К индуистской традиции в средневековый период можно отнести следующие влиятельные течения и школы индийской философской и религиозной мысли – философию адвайта-веданты Шанкары, теистическое учение Рамануджы, дуалистическую философию Мадхвы, а также вишнуизм (культ бога Вишну), шиваизм (культ бога Шивы) и шактизм (культ богини Шакти). Философские доктрины этих течений (а они имели немало разновидностей) порой существенно расходились с метафизикой санкхья-йоги. Тем не менее, их сторонники в своей духовной практике в большей либо меньшей мере использовали элементы практической йоги.

Например, известные средневековые индийские духовные реформаторы Шанкара и Рамануджа были не только крупными мыслителями, но и выдающимися мастерами индуистской йоги. Так, в частности, в Индии существует интересное поверье, что благодаря духовной йоге святой мудрец Шанкара достиг высокой ступени совершенства духа и, получив освобождение, подобно другим великим йогам, обрёл бесплотное состояние и сверхчеловеческое могущество. Есть ли какие-либо реальные основания под такой легендой сейчас установить уже затруднительно. Но то, что философия Шанкары содержала в себе явную идеологию джнани-йоги (йоги познания), можно считать историческим фактом.

Вишнуистские течения тяготели к бхакти-йоге (йога

любви-преданности), нередко практиковали мантру-йогу (йога сакральных формул и заклинаний) и опирались на философские положения веданты. Одно из самых влиятельных течений средневекового вишнуизма было связано с именем популярного духовного гуру Чайтаньи (XV в.), идеи которого несколько позже получили философскую разработку у Дживы Госвами и Баладэвы. Высшей реальностью в вишнуизме был бог Вишну. Он воспринимался теистически, то есть как некое абсолютное существо, наделённое атрибутами личности. Главные из них – любовь и сила радости. Такое понимание высшей реальности требовало не столько бесстрастного аскетизма классической санкхья-йоги, сколько эмоционального отношения, личной любви-преданности, душевного порыва к Богу. Вот почему идеи бхакти-йоги среди последователей вишнуизма оказались очень популярны.

Последователи шиваизма и шактизма практиковали преимущественно тантрическую йогу и её разновидности, известные в настоящее время как кундалини-йога, садхжа-йога, крия-йога, мантра-йога, канхата-йога и др. Хатха-йога, как отмечалось выше, формировалась не без участия идей шиваизма и тантризма. Поэтому неудивительно, что она была востребована в кругах поклонников этих религиозных течений. Тантрическая йога в силу некоторых своих специфических особенностей (ритуальный секс и др.) вызывает у современных гедонистов и искателей восточной экзотики повышенный интерес. Поэтому рассмотрим её чуть подробнее.

Тантризм в качестве влиятельного религиозного течения средневековой Индии появляется на основе древних мифологических культов плодородия и жизни, существовавших, видимо, среди аборигенов еще в доарийскую эпоху. В середине первого тысячелетия нашей эры на западе и северо-западе Индии начинается активное возрождение тантрических культов. В этих местах индуизм имел весьма слабое влияние на коренное население. Поэтому неудивительно, что именно там аборигенные верования начали теснить духовные учения индоариев. В течение второй половины первого тысячелетия нашей эры тантризм широко распространяется по всей Индии и оказывает существенное влияние на индуизм, буддизм, джайнизм и всю индийскую культуру. В лоне индуизма тантрические идеи особенно глубоко проникли в умы приверженцев шиваизма и шактизма. Среди них и начала формироваться *тантрическая йога*, увлечение которой не обошло стороной и буддистов. Таким образом, говоря о тантрической йоге, мы не должны забывать, что она в различных модификациях существовала как в индуистской, так и в буддийской религиозных традициях.

Что означает слово «*тантра*»? Единого мнения на этот счёт до сих пор не сформировалось. Это слово буквально переводят как «нить ткани», «непрерывность», «развертывание», «нарастание». Однако, может быть, больше ясности даёт смысловая интерпретация понятия «*тантра*» – «то, что расширяет знание» [40, с.272]. В большинстве случаев орудиями «расширения знаний» служили некие религиозно-мистические тексты, ритуалы и тантрическая садхана (реализация) в виде йоги.

Чтобы понять идеиные истоки тантрической йоги, необходимо обратить внимание на основополагающие идеологические и философские положения тантризма. Они по своим акцентам противостояли религиозной идеологии Вед и буддизма, в которых освобождение нужно было искать через духовное преображение и отречение от материального. В тантризме всё наоборот. Его учителя полагали, что религия Вед уже не соответствует текущему историческому этапу – чёрной эпохе торжества материи и упадка духа (кали-юга). Следовательно, путь к освобождению должен идти из самой материи, через материю и земную плотскую жизнь. Что же это означает на практике? Прежде всего, отрицание аскетизма как важнейшего элемента духовного пути, характерного для всех классических

религиозных доктрин Древней Индии, в том числе и для йоги. В Древней Индии и до расцвета тантризма существовали духовные учения, отвергавшие крайний аскетизм как ненужное истязание плоти. Например, умеренность в аскетизме или *Золотой срединный путь* духовного совершенствования с самого начала отличали буддизм от классической йоги. Однако умеренность в аскетизме не предполагала полного отказа от него и разгула чувственных излишеств. А вот идеология тантризма перечёркивала исходные принципы как классической, так и ранней буддийской йоги. Всё, чего избегали духовные подвижники и мудрецы прошлого, получает не только одобрение, но и возводится в ранг истинного метода освобождения. Сексуальные обряды, употребление мяса и вина, наркотических средств, как считалось, способствуют «духовному» продвижению и обретению состояния бога Шивы или богини Шакти. Некоторые тантрические тексты подчёркивали, что путь к совершенству лежит через исполнение всех чувственных и иных желаний человека, даже если они противоречат традиционной морали и религиозным нормам («*Гухъясамаджа-тантра*»).

Конечно, в тантризме существовали разные течения и школы. И далеко не все из них отличались этическим нигилизмом и сексуальной распущенностью. Однако, тантрическая йога как явление в целом оказалась неким побочным плодом-мутантом на древе исторического развития индийской йоги, который по своей природе принципиально отличался от всех авторитетных йогических учений, восходящих к Кришне, Патанджали, Будде, Шанкаре, Майтрею и другим признанным мастерам и теоретикам йоги. Путь тантризма – это путь напряжённого чувственного наслаждения, которое используется в йогических целях. Однако ни Аватар Кришна, ни мудрец-йог Патанджали, ни благословенный учитель и реформатор Гаутама Будда не верили в то, что освобождение духа и власть над материей могут быть достигнуты практикой чувственных наслаждений, даже если они и применяются в религиозных целях. Крайне скептическое отношение к тантризму угадывается и в традиции современной Агни Йоги, основатели которой сомневались в духовной ценности тантрической садханы как пути к духу через материю.

В чём причина такого отношения к тантризму и тантрической йоге? Дело в том, что идеология тантризма почти всегда оказывала деструктивное влияние на моральный облик её последователей. А могло ли быть иначе, если ими отвергались многие испытанные краеугольные принципы духовного совершенствования, выдержавшие тысячелетнюю историческую проверку? К тому же тантризм был пропитан аборигенным шаманизмом и магическими культурами далеко не самого духовного свойства.

Современным горячим поклонникам тантрической экзотики полезно было бы принять во внимание, что тантризм не так безобиден, как это кажется на первый взгляд. Его последователи устраивали человеческие жертвоприношения не только в далёкие Средние века, но и в не так отдаленном от нас XIX веке. Тантрические колдуны любили охотиться за человеческими черепами, устраивать масовые сексуальные оргии и пиршества на кладбищах и местах кремации трупов. Неслучайно одну из сект тантриков-шивaitов называли *капаликами* – то есть носителями человеческих черепов, которые служили ритуальными сосудами в магических обрядах. Одним словом, далеко не редко приверженцы тантр заканчивали свой «духовный» путь не освобождением от мира форм, а чёрной магией, некромантией и самым гнусным колдовством у разрытых могил. Довольно часто вся эта «садхана» дополнялась диким каннибализмом, конечно, опять в ритуальных целях. Секты тантриков-людоедов, некромантов и колдунов были распространены не только в Индии, но и в Непале и Тибете. Так, одной из причин масштабных реформ средневекового тибетского буддизма явилась деградация буддийской дхармы под влиянием тантризма. Много столетий буддис-

ты – приверженцы *гелуг-па* («желтые шапки» – влиятельное течение в реформированном тибетском буддизме) были вынуждены противостоять колдунам и некромантам различных тантрических буддийских сект и древнего культа бон-по.

В Индии и Тибете многие из подобных приверженцев тантризма (агхоры, капалики, канпхаты) считали себя йогами. А многие наивные простолюдины и доверчивые западные путешественники им верили. В действительности всё это имело такое же отношение к духовной йоге, какое имеет вой бродячей собаки к оперному пению. Тантрическая йога в большинстве своих разновидностей являлась псевдойогой, её уродливой тенью и кривым отражением. Причины того сейчас ясны и понятны. Духовная традиция йоги долгое время испытывала мощное давление древней ритуальной магии, шаманизма и неразвитых религиозно-мифологических культов покорённых ариями нецивилизованных, малоразвитых народов Индостана. Такое давление время от времени трансформировало элитарные, духовные виды йоги и порождало уродливые феномены вроде тантрических религиозных культов с элементами йогической техники.

Большую роль в развитии и распространении йогической философии и практики сыграл буддизм. Несмотря на то, что его философские идеи порой существенно отличались от философии санкхья-йоги, психотехника и иные практические элементы йоги пользовались у буддистов пристальным вниманием. И это было не случайно. Этика-философское учение принципа-мудреца Сиддхарты из Капилавасту, более известного среди последователей как Гаутама Будда, содержало в себе существенную йогическую основу. Распространённая индийская легенда о жизни Гаутамы Будды повествует о том, что он много лет провёл в джунглях в состоянии глубокой йогической аскезы, умерщвляя плоть и укрепляя дух. Конечно, спустя две с половиной тысячи лет трудно сказать, что в легенде является историческим фактом, а что мифическим домыслом последователей. Однако вряд ли стоит сомневаться, что четвёртая Благородная Истина учения Будды – *восьмеричный практический путь избавления от страданий* – есть ничто иное, как видоизменённая система восьми вспомогательных средств классической йоги. Все основные элементы этой системы – этическая самодисциплина, умеренный аскетизм и психотехника управления сознанием – в полной мере присутствовали в буддизме.

Главное принципиальное отличие буддийской йоги от йоги классической состояло в её умеренности в аскетической практике. Будда провозглашает *Золотой срединный путь* духовного совершенствования, который проходит между двумя крайностями – чрезмерным аскетизмом и чрезмерным излишеством в исполнении естественных телесных потребностей. Собственный опыт духовных поис-

*Н. К. Перих. Конь счастья. 1925 г.
Из циклы «Майтрея»*

**Н. К. Рерих. Чарака Аюрвед. 1925 г.
Из сюиты «Майтрея»**

ков и йогической аскезы приводят Гаутаму Будду к убеждению, что крайности не способствуют успешному движению по пути совершенствования и освобождения. Эта идея, спустя столетия, проявится и в учении Агни Йоги, где крайний аскетизм как отрицание всего мирского и фанатичное умерщвление плоти будет отвергнут. Истинные достижения, по мнению Гаутамы Будды и его преемника Майтреи Будды, состоят не в истязаниях тела и внешних факирских феноменах, а в совершенствовании человеческого духа – то есть развитии высших качеств сознания (любви, милосердия, бесстрастия, свободы от чувственных привязанностей и аффектов, дисциплинированности мышления, справедливости, мудрости и др.). Преодолевая животную природу и развивая духовное сознание, человек приближается к освобождению – нирване.

Буддийская традиция впитала многие элементы древней индийской (возможно, классической) йоги. Однако наибольшее значение буддизм придавал *психотехнике*, которая понималась как средство или орудие контроля и развития сознания. В этом смысле буддизм явился истинно йогическим учением и противостоял ритуальной религиозности в брахманизме-индизме и метафизическим спекуляциям отвлечённых философских доктрин типа санкхьи. Никакие ритуалы, никакое отвлечённое метафизическое знание, учил Гаутама Будда, не принесёт человеку освобождение от страданий и не приблизит его к нирване, если он не будет заниматься регулярной практикой преодоления несовершенства собственного сознания. Все мудрые философские истины должны быть проверены на *собственном опыте* – тогда они приобретают неодолимую силу и впечатляющий вес для индивидуального сознания. Многие из них невозможно обосновать обыденным, мирским опытом. Тут требуется особый – *мистический опыт*, который раскрывает перед человеком скрытую, трансфизическую реальность и тонкие причины-следствия объективных явлений. Такой опыт даёт человеку только йогическая техника самосовершенствования, так как он не может быть результатом простых интеллектуальных усилий.

Было бы неверно понимать вышесказанное, как полный отказ буддистов от всякого гнозиса вообще и философского знания, в частности. Широко известно, что Будда не приветствовал метафизические дискуссии среди своих учеников. Однако причина такого отношения к абстрактной философии имела чисто практические основания. Разговор на метафизические темы может быть предметным и имеет смысл только тогда, когда ученик получил собственный мистический опыт и достиг определённой ступени развития сознания. В противном случае он не способен адекватно воспринимать метафизические истины, так как они выходят за рамки житейского опыта и обыденного сознания с его всевозможными догмами, суевериями и стереотипами. Вместе с тем, буддисты не разделяли убеждение санкхья-йогов в том, что освобождение достигается исключительно йогической психотехникой (медитацией).

Буддийская йога предполагала не только сам духовный путь, но и его *осознание*, что требовало духовного гнозиса – понимания законов высшей реальности, причин воплощённого бытия и методов освобождения.

Такое сложное, диалектическое взаимоотношение йогической психотехники и философского гнозиса в буддизме не могло не породить множество дискуссий среди последователей. Эти дискуссии приводили к формированию различных религиозно-философских течений и школ, которые тяготели либо к духовному гнозису, либо к йогической практике. Например, ценность пути философского знания отставал известный буддийский мыслитель Васубандху – автор популярного трактата «*Абхидахармакоша*». Метафизический гнозис, полагал он, так же потенциально способен привести человека к нирване, как и йогическая психотехника. К слову, подобная позиция встречается уже в «*Бхагават-Гите*», где Кришна убеждает Арджуну, что *метафизическое знание* (гнозис), *мистическое созерцание* (йога) и *практическая жизнь* с её повседневными действиями (карма) есть равнозначные пути к освобождению духа. Однако для Кришны все эти пути есть разновидности йоги, понимаемой в более широком смысле – как духовная практика самосовершенствования и освобождения через различные формы – знание, созерцание и аскетизм, исполнение своего кармического долга.

Иная расстановка акцентов характерна для влиятельного средневекового буддийского течения, получившего название *йогачара*. У его истоков стояли известные буддийские мыслители Майтрея, Асанга и его брат Васубандху (IV в.), который оставил хинаяну и способствовал становлению философии йогачары (виджняна-вады). Здесь происходит дальнейшее сближение йоги и буддийского учения. Последователи этой школы полагали, что достижение высшей истины и нирваны возможно лишь при активном использовании йогических методов самосовершенствования. Они придавали большое значение развитию сознания с помощью медитативной психотехники йоги, так как считали сознание основной формой реальности в космосе и главной созидающей силой. Таким образом, в вопросе духовного освобождения идеологи буддизма йогачары, за исключением Васубандху, позиция которого была не совсем однозначна, йогическую практику и йогический опыт ставили выше метафизических доктрин, хотя и не отрицали их значение совсем.

На что же была направлена психотехника буддийской йоги? По большому счёту она решала те же самые задачи, что и психотехника классической йоги. Кратко они могут быть сформулированы так: контроль сознания и бессознательной сферы психики, преодоление иллюзий личного сознания, обретение особого – сверхсознательного состояния. Различные ступени буддийской медитации и так называемые «*знания-достижения*» (дхьяны и самапатти) поразительно напоминают известные стадии *санъямы* (психотехники) и *самадхи* (концентрации) в классической йоге.

Буддийскому бхикшу (монаху) предписывались, например, такие дхьяны, как освобождение сознания от аффектов, соблазнов и внешних влияний; подавление рассудочных функций сознания и обретение концентрации; избавление от всех привязанностей и обретение чистого, свободного существования; объединение в сознании всех противоположностей и достижение высшего блаженства «чистого безличного сознания». Важнейшие самапатти это: осознание бесконечности пространства, бесконечности сознания, нереальности вещей, осознание нереальности как объекта мысли и прекращение всякого сознательного восприятия – то есть растворение в трансцендентной пустоте и достижение нирваны.

Во многом благодаря буддизму методы йоги в первом и начале второго тысячелетия распространяются по всему Востоку, а позже и за его пределы. Раньше чем в другие страны и регионы йога проникает в Китай. В современной литературе уже нередко используется устойчивое понятие

«китайская йога». Им, как правило, обобщенно обозначают йогические методики, получившие развитие в даосизме и различных разновидностях китайского буддизма, которые в некоторых своих аспектах оказались между собой достаточно близки.

Даоские мудрецы в отличие от конфуцианцев с самого начала становления даосской мысли уделяли большое внимание космическому миропорядку и месту человека в нём. Вместе с тем, даосизм впитал в себя древние китайские магические практики и алхимическое знание. Этого было вполне достаточно, чтобы со временем в лоне даосизма сформировалась оригинальная разновидность йогической практики со своими целями, философией и практическими методами. *Даоская йога* в большинстве своём была направлена на укрепление здоровья, продление жизни и развитие скрытых сил человеческого тела и духа. Достигалось это через специальные диеты и физические упражнения, сексуальное воздержание и методы управления внутренней энергией *чи* [23, 39]. Известно, что мастера боевых искусств, сановники и даже императоры пытались заимствовать у даосских мудрецов секреты их поразительных достижений. В этом аспекте даоская йога по своей идеологии напоминала хатха-йогу, так как была направлена не столько на трансцендентные духовные цели, сколько на прикладные физические достижения и паранормальные феномены.

Однако высшей целью даоской йоги являлись не сверхфизические феномены, а обретение *бессмертия*. Но вовсе не физического, как думали непосвящённые в эзотерические тайны даосизма китайские обыватели и западные исследователи, а духовного. Этот аспект в даосизме, как и в других мистико-философских учениях всегда оставался самым сокровенным. Поэтому отделить здесь историческую истину от многочисленных мифов и легенд, порой, оказывается крайне затруднительно. Китайцы верили, что даоские патриархи могли сохранять молодость и силу физического тела на протяжении нескольких столетий, что они могли летать по воздуху, ходить по воде, исцелять неизлечимые болезни и поражать дикого зверя или вооруженного воина сконцентрированной внутренней энергией. Кроме того, даоские монахи до сих пор рассказывают истории о том, как некоторые adeptы йоги возвращали в себе «*цветок бессмертия*» и достигали вечной жизни и невероятного могущества в земном и бесплотном мирах.

Впрочем, о подобных достижениях свидетельствуют не только устные рассказы и легенды исторического фольклора народов Поднебесной. В период с VIII по XVII век определённые феномены даосизма получили отражение во множестве манускриптов, вошедших в литературный корпус «*Дао цзан*» («Сокровищница даосских писаний»). По некоторым оценкам его общий объем составляет порядка 4500 томов. Среди них существует немало текстов так или иначе связанных с йогой и йогической алхимией. Например, большой интерес представляют работы признанного мастера даосской алхимии, философа и астролога, знатока древней китайской медицины Гэ Хуна, который жил в начале первого тысячелетия нашей эры.

На Западе алхимия широко известна как некое параноучное полумистическое течение в натурфилософии Средневековья и Возрождения, последователи которого стремились найти способы трансмутации неблагородных металлов в золото. Но это, как выясняется, внешняя – эзотерическая сторона алхимии, которая для её истинных adeptов не имела большой ценности. Существовала и другая, эзотерическая алхимия, объектом которой являлась человеческая природа как таковая. Внешняя физическая алхимия стремилась к получению «совершенного металла» – золота, а также к нахождению таинственного вещества – «философского камня», способного преобразовать любой металл в «совершенный». Внутренняя духовная алхимия была направлена на трансформацию земной человеческой природы в её «высшее совершенство». Такая алхимия

H. K. Perkh. Архам. 1932 г.

предполагала трансмутацию человеческой сущности, благодаря которой несовершенное становилось совершенным, низшее становилось высшим, смертное преображалось в бессмертное, а разумное человеческое животное, в конце концов, трансформировалось в одухотворённого богочеловека. Подобные цели преследовали все духовные алхимики – в Индии, Китае и Европе – независимо от их религиозной ориентации, связанной с индуизмом, буддизмом, даосизмом или мистическим христианством.

В широком смысле всякая духовная йога по своей сути является сокровенной алхимией, так как использует человеческий микрокосм как естественную лабораторию для преображения человека в высшее совершенное существо. В узком или специальном смысле алхимическими видами йоги можно назвать даосскую йогу, тантрическую йогу и некоторые разновидности хатха-йоги. Говоря о специальном смысле, мы предполагаем здесь использование определённых веществ и психофизических методов для достижения неких физических результатов. Например, для продления жизни и сохранения молодости. В даосской духовной практике психоэнергетическая алхимия выступала средством формирования «зародыша бессмертия», по мере роста которого ожидалось преображение человеческой природы.

Другая известная разновидность китайской йоги была связана с традицией китайского чань-буддизма, который сформировался на стыке индийского медитативного буддизма и даосизма. Китайский термин «чань» (японский аналог – «дзэн») представляет собой фонетическое изжение индийского понятия «дхъяна», которое переводят как «созерцание», «сосредоточение» или «медитация». Дхъяна считалась одним из ключевых элементов психотехники не только классической, но и буддийской йоги. У буддистов дхъяна выполняла важнейшую роль в развитии навыков самопогружения и внутреннего созерцания психических процессов. Погружаясь в глубины своего сознания, ученик стремился преодолеть его ограниченность, на личном опыте познать иллюзорность бытия и получить Озарение. Таким образом, чань-буддизм представлял собой китайскую разновидность классического индийского буддизма, в которой придавалось крайне важное значение практике медитации.

Буддийская йогическая психотехника начинает проникать в Китай примерно в начале первого тысячелетия. Её распространению помогли индийский буддист Кумараджива (V в.) и его китайский ученик Дао-шэн, которые перевели на китайский язык немало буддийских манускриптов. Несмотря на сей факт, известная восточная легенда связывает зарождение китайской традиции чань с миссионерской деятельностью патриарха индийского буддизма Бодхидхармы. Однако историки-ориенталисты, как правило, придерживаются не этой легендарной, а другой версии происхождения чань-буддизма. Согласно этой версии, ос-

N. K. Perkh. Lama. 1945 г.

новы чань заложил ученик пятого патриарха китайского буддизма Хун-жена, которого звали Хуэй-нэн (VII в.). Он возглавил так называемую Южную школу и в отличие от adeptов Северной школы полагал, что просветление не требует долгих медитаций и размышлений и нисходит в результате внезапного интуитивного импульса из глубин психического мира. Позже Хуэй-нэн станет шестым патриархом китайского буддизма, и его базовые идеи получат отражение в «*Сутре шестого патриарха*», которая будет канонизирована и значительно повлияет на дальнейшее развитие буддизма в Поднебесной.

Большинство школ чань-буддизма предписывали своим ученикам строгую дисциплину, аскетизм и практику медитации для развития интуитивного озарения, что в целом вписывалось в йогическую традицию. Однако на этом сходство йоги и чань-буддизма по большому счёту заканчивалось. По своим философским основам и практическим методам совершенствования человека эти традиции всё же значительно отличались.

Для классической и буддийской йоги характерно стремление вырвать человека из мира обусловленности и страданий в некое трансцендентное бытие, существующее вне исторического времени и физического пространства. В чань-буддизме это священное метафизическое устремление нередко подменяется прагматичной идеей жизни ради самой жизни, причём в этом – земном мире. Вероятно, это явилось следствием недостаточного понимания китайцами таких базовых положений индийской философии как *сансара*, *карма*, *майя* и *мокша* (*нирвана*). Кроме того, основополагающие идеи Учения Будды в чань-буддизме претерпели существенные искажения. Разумеется, это не могло не повлиять на миропонимание, цели и методы духовной практики приверженцев пути чань.

Интересно, что и идеология практического метода совершенствования в традиции чань-буддизма так же оказалась далека от классических принципов индийской йоги. Среди последователей чань считалось, что лучший метод совершенствования и достижения состояния Будды – это отсутствие целенаправленного совершенствования. А действия без цели и сконцентрированного усилия – предпочтительнее, чем целенаправленное движение. Здесь очевидно проявилось влияние философии даосизма с её краеугольной *идеей недеяния*, которое среди даосов всегда ценилось выше, чем активное действие. Однако йога во всех своих основных модификациях предполагала именно активные, целенаправленные, сосредоточенные усилия по достижению конкретных духовных целей через обуздание низшей природы человека. Во многом поэтому она успешно конкурировала с другими религиозными и философскими системами и, спустя столетия, до сих пор остается эффективной системой самосовершенствования человека.

Большую роль в развитии *буддийской йоги* сыграл Тибет, который в эпоху восточного средневековья постепенно становится идеино-философским центром буддийской мысли и духовной практики [11]. Тибетскую разновидность буддизма часто называют Ваджраяной или ламанизмом. По многим своим базовым идеям она в целом вписывается в традицию Махаяны – так называемого Северного буддизма, хотя и имеет свои некоторые культурные особенности. Ламанизм формируется в период с VII по XV век под влиянием индийского и китайского буддизма, а также древнего тибетского культа бон-по. Большое влияние на ламанизм оказали идеи тантризма, которые в этот период были крайне популярны среди народов Индостана.

В течение столетий в Тибете сформировался свой национальный корпус канонической буддийской литературы (Канджур – «*Собрание Откровений*» и Танджур – «*Собрание толкований*»), который в целом насчитывает более трехсот томов различных манускриптов. Многие трактаты в этом весьма ценном и малоизученном собрании сочинений индийских, китайских и тибетских авторов посвящены йогической практике. Среди них известны такие шедевры как «*Бардо Тхёдол*» (так называемая «*Тибетская книга мертвых*»); «*Биография Йога Миларепы*» Речунга; «*Драгоценные чётки*» – собрание йогических наставлений, приписываемое Двагпо-Лхардже (гуру Гампо-па); «*Йога Великого Символа*», составленная индийским буддистом Сарахой и получившая большое признание в Тибете; «*Йога шести доктрина*» – собрание работ различных авторов, посвящённое развитию скрытых возможностей человека; «*Йога перенесения сознания*» – изложение практики развития независимости сознания от физиологического организма [38], фрагменты книги «*Дзиан*» и комментарии из книг «*Kuу-те*», посвящённые различным аспектам космогенеза и антропогенеза [5].

Важную роль в распространении тибетской буддийской йоги в период с VIII по XV век сыграли индийские учителя и проповедники тантрического буддизма. Наиболее известны из них – Падма Самбхава, Атиша, Тилопа и Наропа. Их деятельность была продолжена талантливым учеником Наропы переводчиком буддийских тестов Марпой, затем учеником Марпы – выдающимся тибетским духовным подвижником, поэтом и переводчиком Милареспой. А позже и учеником Милареспы по имени Гампо-па, который известен как основатель влиятельного монашеского ордена Карджиут-па, и учеником Атиши по имени Домтон, выступившим основателем другого крупного тибетского монашеского объединения – Кадам-па. Большой вклад в развитие тибетского буддизма и йоги внёс выдающийся тибетский философ и реформатор Цонг к'апа (Цонхава).

Несмотря на то, что тибетский буддизм обозначают единым наименованием – ламанизм или Ваджраяна, он представлял собой довольно неоднородное явление. В его истории можно выделить несколько влиятельных религиозных течений, которые сменяли, органично сосуществовали или боролись друг с другом. Нередко их обозначают как монашеские объединения, ордены или секты. Далеко не все из них уделяли большое внимание йоге. А там, где йога была в почёте, её цели и методы, порой, значительно отличались.

Так, например, последователи ордена Кадам-па («Священные Учением») вели строгий аскетичный образ жизни, использовали медитативную психотехнику, изучали этику и метафизику буддизма. Особо ценились йогические методы духовной практики среди последователей ордена Карджиут-па («Передающие Слово»). И это было не случайно, ведь у его истоков стоял ученик великого тибетского йога и мистика Милареспы. Среди сторонников течения Гелуг-па («Приверженцы путей добродетели»), получивших прозвище «желтые шапки» большое внимание уделялось философским аспектам буддизма. Из элементов йоги практиковались различные разновидности медитаций (дхьяны) и акустические формулы (мантры).

Большую связь с йогой имело и одно из самых ранних тибетских религиозных течений *Нынма-па* («Приверженцы древних»), более известное как «красные шапки». У его истоков стояли индийские последователи тантрического буддизма и, в частности, известный средневековый гуру Падма Самбхава. Само название этой секты указывало на «древние танtry» со всеми вытекающими отсюда особенностями духовной практики – отсутствием аскетизма и строгой дисциплины, сексуальными обрядами и магическими ритуалами. При Падме Самбхаве и его ближайших учениках это течение еще сохраняло некое духовное содержание. Однако прошло не так много времени как оно стало стремительно отклоняться от благих буддийских ценностей и, в конце концов, породило появление многочисленных тантрических сект «левой руки». Вместо буддийской дхармы и духовной йоги в них процветали злобное колдовство, шаманизм, некромантия, ритуальный секс и прочие мрачные инфернальные явления, далекие от воззванных идеалов и целей классической йоги и учения о спасении от страданий Гаутамы Будды.

Как и в Индии, в тибетском буддизме тантрическая идеология оказала разрушительное воздействие на моральный облик её приверженцев, превратив многих из них в чёрных магов и колдунов, использовавших свои оккультные познания в самых корыстных целях. «Жёлтые шапки» во главе с Далай-ламой и Тэши-ламой при поддержке духовно созвучных течений тибетского буддизма многие столетия были вынуждены противостоять подобным сектам колдунов, шаманов и псевдойогов. В период реформ Цонхавы многие тысячи последователей ритуального колдовства и тёмного шаманизма, дискредитировавшие духовные идеалы буддийской дхармы, были высланы за пределы Тибета.

Тем временем идеи и практика йоги продолжали распространяться по азиатским странам. Одним из направлений такой культурной миграции явилась западная Азия, где господствовало христианство и нарастало влияние ислама. В период Средневековья йога проникает в культурное пространство этих религий, и их последователи начинают использовать её элементы в своей духовной практике.

Среди различных течений ислама, вероятно, самое сильное влияние йоги на себе испытал *суфизм*. Как известно, это неортодоксальное мистическое направление зарождается в недрах раннего ислама в VII–VIII веках в качестве реакции на официальный ислам, лидеры которого политическим завоеваниями и материальному процветанию стали уделять внимания больше, чем духовному совершенствованию и религиозным целям, освящённым авторитетом Мухаммеда и сурами Корана. Подобно индийским йогам арабские суфи не отвергали религиозный кульп и иные формальные установления исламского вероучения. Вместе с тем, они полагали, что ритуальные богослужения, показная набожность и многочисленные обряды в духовном совершенствовании имеют весьма незначительную ценность по сравнению с личным внутренним опытом мистического преображения и приобщения к духовной сущности Аллаха.

Сейчас уже невозможно установить, откуда и каким образом йогическая техника появилась в исламе. Легко предположить культурное влияние индийских духовных традиций на сопредельные регионы. Действительно, вполне возможно, что элементы техники йоги проникли в арабский мир вместе с индийскими путешественниками или проповедниками. Нельзя исключить и обратное, то есть арабские контакты с культурой Индостана – торговые караваны, военные экспедиции, исламских миссионеров, отшельников-скитальцев, некоторые из которых вполне могли заимствовать у индийских йогов психотехнические упражнения и адаптировать их к исламской традиции.

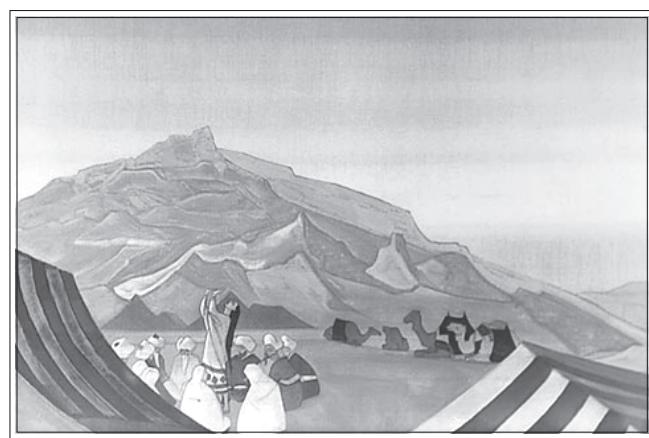
Вместе с тем, мы бы не стали исключать и внутренний генезис некоторых элементов йоги в самой исламской ре-

лигии, а точнее среди мистически ориентированных её приверженцев. В этом нет ничего удивительного, так как законы управления внутренней психической реальностью и сама эта реальность во все исторические эпохи, во всех культурных регионах оставались неизменными. Современные исследования подтверждают гипотезу о том, что за внешним покровом различных сакральных культов и религий психические технологии приобщения человеческого сознания к тонкому духовному бытию или к иной реальности имели больше сходства, чем различий. И если религиозные культуры выступали некой внешней формой, исторической оболочкой религиозности конкретного народа, то йога являлась внутренним методом, технологией духовной трансформации и связи с Высшим Началом, независимо от того, как его называли люди – Брахман, Вишну, Шива, Будда, Христос или Аллах. Разумеется, мы имеем в виду здесь йогу как универсальный метод духовной практики, но не как конкретную религиозно-философскую традицию.

Итак, какие же элементы духовной практики в лоне суфизма напоминают йогическую технику? Это, например, использовали *медитации* с постоянным повторением имени Бога и других сакральных формул (*психотехника зикр*). Целью этого упражнения являлось развитие высокой степени концентрации на божественной сущности Аллаха или духовного наставника и достижение экстатического состояния для мистического объединения с ним. Суфийский зикр можно назвать исламской разновидностью индийской *джасана-медитации* или *мантра-йоги*, основанных на длительном повторении имени Бога или мистической формулы (мантры). Подобные упражнения применяли индийские йоги-вишнуиты, последователи тантрического шиваизма, индийские и тибетские буддисты, а также приверженцы других индийских религиозных и мистических течений, использовавших элементы йоги.

Соответствовали йогической традиции и такие элементы как *аскетизм*, практика концентрации внимания на духовном партнёре-наставнике (*таваджжух*), психотехника сохранения духовной связи от вмешательства посторонних мыслей и желаний (*муракаба*), рецитация канонических духовных текстов (*хатт*), а также стремление к достижению внутреннего озарения и мистического слияния с Богом [33].

Подобные упражнения выступали эффективными орудиями духовной практики и позволяли суфийским мастерам добиваться впечатляющих результатов в совершенствовании человеческой природы и приобщении её к Высшему Бытию. Возможно, не все поклонники ислама с нами согласятся, но мы полагаем, что мистическая сущность суфизма и его йогическая психотехника убедительно доказали своё духовное превосходство над ритуальной религиозностью, которая довольно часто оставалась лишь внешней формой жизни верующего, но не затрагивала глубины его сознания и подсознания. И это, к сожалению, характерно не только для ислама, но для всех религиозных традиций

N. K. Perkh. O грядущем. 1933 г.

Н. К. Рерих. Миларепа внемлющий.
Из серии «Знамёна Востока». 1925 г.

от истоков исторического процесса до наших суетных дней.

Духовная истина становится действенной только тогда, когда она осознана, прочувствована, пережита и растворена как соль в океане – в глубинах внутреннего мира человека. Целенаправленное преображение внутреннего мира, оказывается, требует знания методов определённой психотехники, которую можно сравнить с крепким отточенным инструментом для обработки гранитной глыбы.

К числу известных средневековых теоретиков и мастеров суфизма принадлежали Аль-Мишири, Аль-Басри, Абу аль-Мухасиби, Абу Язид, Джунайд, Халладж и другие исламские мистики. Чуть позже, в XII–XIII веках идеи суфизма поддержали такие крупные арабские мыслители как Газали, Сухраварди, Ибн аль-Араби. Однако, несмотря на это, отношение к суфизму в исламском мире оставалось сложным. После известных философских трактатов Газали, обосновывавших значение личного мистического опыта, суфизм перестал подвергаться гонениям и уже не испытывал такого давления как рациональная арабская философия – *фалсафа*. Но ортодоксальные исламские теологи нередко воспринимали суфийские братства как скрытую угрозу и видели в мистической философии и практике суфизма мощного оппонента догматическому исламу и его религиозным институтам.

Если суфизм можно считать определённой разновидностью йоги в лоне культурно-религиозной традиции ислама, то исихазм представляет собой нечто подобное в религиозной традиции восточного христианства. Некоторые исследователи религий воспринимали исихазм не иначе как «*краеугольный камень православной духовности*» [6]. И надо согласиться, что к тому были определённые основания. Исихазм, подобно исламскому суфизму, явился внутренним мистическим наполнением внешней формы христианской религии. Не случайно к нему прибегали многие христианские монахи, аскеты и подвижники – то есть те последователи Учения Христа, которые ставили перед собой величественные духовные задачи и преследовали далеко не мирские цели. В отличие от них миряне, как правило, удовлетворялись исполнением только определённых культовых предписаний – посещением церкви, молитвой, соблюдением постов и праздников, внешних атрибутов христианской жизни. Одним словом, здесь религиозное чувство сводилось к управлению обрядов, которые далеко не всегда захватывали душу человека и проникали в его сердце. Именно поэтому его поступки могли значительно отличаться от христианских идеалов. Конечно, настоящие подвижники не могли удовлетвориться обрядоверием, лишенным глубокого мистического содержания и действенных методов духовного делания. В этом смысле исихазм появляется как альтернатива догматическому книжному богословию с одной стороны и народному обрядоверию, с другой.

Понятие «исихазм» происходит от греческого «исихия»,

что означает «безмолвие», «покой» или «отрешённость». Без всяких преувеличений практику исихии можно воспринимать как внутреннее созерцание или медитацию. Её характерные элементы – строгий аскетизм, отречение от внешнего мира и его суеты, контроль дыхания и «умная» или «сердечная молитва» – то есть многократное мысленное (в уме, в сердце) повторение определённой сакральной фразы (молитвы). Историки полагают, что подобная практика в христианстве сложилась под влиянием древних египетских и синайских аскетов, которые жили в пустынях уединённо подобно индийским отшельникам и, вероятно, были знакомы с элементами йоги.

Вообще, элементы йоги могли появиться в христианстве не только извне. Нельзя исключить, что они могли быть изначально присущи этой религии ещё со времён Иисуса Христа. Среди последователей современного этического гностисма (теософия, Живая Этика) и некоторых исследователей распространено убеждение, согласно которому Иисус Христос посещал Индию и Тибет и изучал там духовную философию и мистическую практику, в том числе, возможно, и йогу. Обратим, например, внимание на традиционное христианское крестное знамение. Проводимое определённым образом сложенной комбинацией пальцев руки, оно удивительно напоминает технику индийской мудры. *Мудра* – это некий священный знак или символ, выполняемый с помощью определённой комбинации рук, пальцев, жестов или положений тела. Эти телесные знаки имели двойное назначение. Во-первых, они выполняли функцию ритуального языка для общения человека с Высшими Силами. Во-вторых, они способствовали сосредоточению внутренних токов через замыкание энергетических каналов организма. Если Христос был в Индии, он вполне мог об этом знать и научить подобным мудрам своих апостолов. Со временем крестное знамение становится устойчивым элементом христианских религиозных обрядов.

Долгое время центром и оплотом исихазма была близневосточная гора Синай. На его становление повлияли такие ранние восточно-христианские мыслители, как Григорий Нисский, Евагрий Понтийский, Иоанн Лествичник. Никифор Затворник в трактате «*О душевной страже*» разработал учение о специальном дыхании, которое должно сопровождать внутреннее безмолвие или молитву для наполнения внутреннего мира «божественным присутствием». Григорий Синаит в XIV веке систематизировал и развил это учение. Григорий Палама вносит ценный вклад в богословское обоснование практики исихии и обосновывает большое значение «сердечной молитвы» в дискуссиях с другими византийскими теологами.

Первоначально исихазм развивался среди византийских христиан. После поражения Константинополя в 1453 году центром исихазма остались Афонские монастыри. Оттуда он постепенно начал распространяться по славянским землям. Известные русские религиозные мыслители и духовные подвижники Сергий Радонежский, Феодосий Печерский, Нестор Летописец, Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, Максим Грек выросли на идеях восточного мистического христианства, пропитанного исихазмом. Позже элементы исихазма проникли во многие православные монашеские общины и использовались в качестве психотехнического средства для достижения духовного очищения от всего мирского, приобщения к божественной жизни и общения с Высшими Силами.

Итогом развития йоги в период Средневековья явилось значительное расширение культурного региона распространения йогических методов духовной практики. Изменяясь под влиянием тех или иных философских и религиозных доктрин, йога сохраняет свои базовые элементы психотехники и привносит в религиозную жизнь практический метод управления стихией внутреннего душевного мира человека.

Теперь с высоты столетий мы отчётливо видим, что йогические учения на протяжении многих исторических периодов демонстрировали удивительную жизнеспособ-

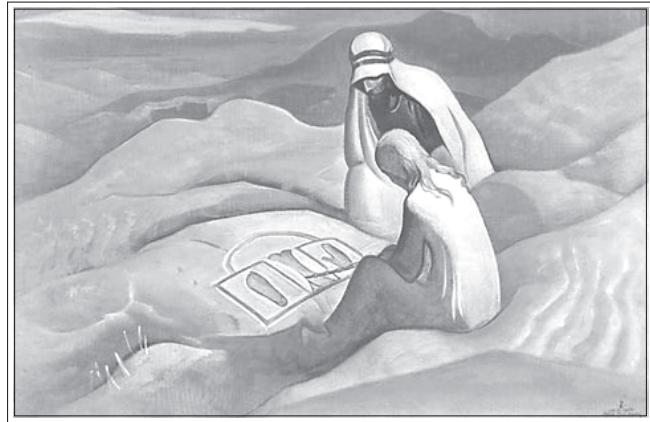

ность. Они оказывались востребованы в самых различных культурных регионах мира и легко адаптировались ко многим религиозным и философским учениям. Как правило, йога не ломала устоявшиеся формы мировоззрения, но привносила в них практический метод духовного или психофизического совершенствования человека. В этом смысле йога кардинально отличалась от некоторых традиционных религий и философских систем, которые провозглашали возвышенные духовные цели, но, порой, оставляли своих приверженцев без эффективных средств их практического осуществления.

Как известно, некоторые западные учения, например, марксизм, предлагали своё универсальное практическое средство достижения духовных идеалов под названием «революция». Но это был внешний путь, к которому мудрецы Востока относились, как правило, скептически. Результаты социалистических экспериментов XX века показали, что они во многом были правы. Самая совершенная внешняя форма устройства общественной жизни превращается в свою противоположность без должного внутреннего, то есть морального, гражданского, интеллектуального, религиозного развития человека. Без политической и религиозной терпимости, без уважения законов и достоинства других людей, без ответственности за жизнь своих близких и судьбу всего человечества, без понимания истинных целей своего бытия человек не сможет воплотить в реальность даже самое привлекательное в своих идеологических декларациях общественное устройство. Вместе с тем, не следует забывать, что традиционная йога всегда имела скорее не социально-политические, а космические или трансцендентные цели. Она давала человеку не столько земной, сколько высший смысл существования и вдохновляла его на непрестанное самосовершенствование в этом несовершенном, страдающем мире. Возможно, тут и следует искать причины её исторической живучести и культурной востребованности на протяжении веков. Этот глубокий аспект йогической философии современной науке ещё только предстоит понять и осмыслить.

Литература

1. Аблеев С.Р. Йога: Мистическая философия и духовная практика освобождения в классической индийской йоге. – М., 2004.
2. Анагарика Говинда. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма. – СПБ., 1993.
3. Ауробиндо. Йогическая садхана. – Л., 1990.
4. Берзинь А. Общий обзор буддийских практик. – СПБ., 1993.
5. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина: В 2 т. / Пер. с англ. Е.И. Рерих. – М., 1992.
6. Бросс Ж. Духовные учителя / Пер. с фр. – СПБ., 1998.
7. Бхагават-Гита // Махабхарата. Рамаяна. Библиотека всемирной литературы. /Пер. с санскрита С. Липкина, В. Потаповой. – М., 1974.
8. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. – М., 2001.
9. Великий йог Тибета Миларепа. – Самара, 1994.
10. Вивекананда С. Практическая веданта (избранные работы). / Пер. с англ. – М., 1993.
11. Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя Летопись (История буддизма в Тибете, VI–XV вв.) / Пер. с тибет. Ю.Н. Рериха, пер. с англ. О.В. Альбедиля и Е.Ю. Харьковой. – СПб., 2001.
12. Гюнтер Г.В., Трунгпа Ч. Заря тантры. – СПб., 1993.
13. Дэвид Ниль А. Маги и мистики Тибета / Пер. с фр. – М., 1991.
14. Дюмулен Г. История Дзэн-буддизма. Индия и Китай. – СПб., 1994.
15. Ермаков М.Е. Мир китайского буддизма. – СПб., 1995.
16. Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классические буддийские практики. – СПб., 2001.
17. Живая Этика – Агни Йога: В 3-х т. – Самара, 1992.

*Н. К. Рерих. Знаки Христа. 1924 г.
Из серии «Знамёна Востока»*

18. Исаева Н.В. Шанкара и индийская философия. – М., 1991.
19. История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – М., 1986.
20. Классическая йога / Пер. с санскрита, введение, комментарий и реконструкция системы Е.П. Островской и В.И. Рудого. – М., 1992.
21. Конзе Э. Буддийская медитация. – М., 1993.
22. Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. – М.: Восточная литература, РАН, 1994.
23. Лю Гуань Юй. Даосская йога / Пер. с англ. – Бишкек, 1993.
24. Островская Е.П., Рудой В.И. О специфике историко-философского подхода к изучению индийских классических религиозно-философских систем. – Методологические проблемы изучения истории философии зарубежного Востока. – М., 1987.
25. Письма Махатм (1880-1884) / Пер. с англ. – Самара: ТГРО, 1993.
26. Радхакришнан С. Индийская философия: В 2-х т. / Пер. с англ. – М., 1993.
27. Рамачарака. Раджа-йога. – СПб, 1914. – М., 1991.
28. Смирнов Б.Л. Философские тексты Махабхараты. – Ашхабад, 1977. – Вып.1, кн. 2.
29. Спираль познания: Мистицизм и йога. – М., 1992.
30. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб., 2005.
31. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. – СПб.: Евразия, 1998.
32. Хазрат Инайят Хан. Учение суфиеv / Пер. с англ. – М., 1998.
33. Хисматулин А.А. Суфизм. – СПб., 1999.
34. Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия /Пер. с англ. – М., 1994.
35. Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения / Пер. с тибет. А Кутявичус; ред. А. Терентьев. Т. 1-5. – СПб., 1994-2000.
36. Шивананда Свами. Кундалини йога / Пер. с англ. - СПб., 1993.
37. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. – М., 1988.
38. Эванс-Вентц В.И. Тибетская Йога и тайные доктрины. В 2-х т. / Пер. с англ. – Киев, 1993.
39. Элиаде М. Азиатская алхимия / Пер. с румын., англ., фр. – М., 1998.
40. Элиаде М. Йога: Бессмертие и свобода / Пер. с англ. – СПб., 2004.

На пути к новой синтагме*

Три стадии признания научной истины:
первая – «это абсурд»,
вторая – «в этом что-то есть»,
третья – «это общеизвестно».

Эрнест Резерфорд (1871–1937).

В статье анализируются ситуации поиска и смены парадигм в науке, а также формирования новой синтагмы. Анализ проводится по ключевым понятиям физики, математики и философии на примере генезиса этих понятий.

Большая Советская Энциклопедия даёт следующее толкование: «синтагма – (от греч. *sintagma*, буквально – вместе построенное, соединённое)». Словарь Брокгауза и Эфрона: «синтагма, греч., название сочинения, дающего систематическое обозрение предметов одной научной или практической области».

Актуальность и исторический ракурс проблемы. Классически к рассмотрению динамики смены парадигм подошёл известный американских учёный Т.Кун /1/. Актуальность его работ, а также работ другого исследователя этой проблемы – И. Лакатоса, – прошла проверку временем и сейчас важна как никогда вследствие того, что есть все основания полагать, что очередная научная парадигма проходит свою смену. Более того, от правильного выбора направления развития зависит факт самого существования человека на земле. На „Днях СПб философии” в 2006 году академик В.А.Зубаков высказал мысль о том, что необходимо не только (и не столько) смена парадигмы, как поиск новой синтагмы. И здесь очень важны позиции всех наук и всех методологических подходов, исторически известных человечеству, чтобы наиболее объективно вести поиск и действовать все здоровые силы на выход из системного кризиса, в котором оказалось человечество. Самое интересное то, что, имея разные методологические подходы, традиционная наука и так называемая эзотерическая, приходят к одному и тому же выводу по многим вопросам современности (в частности о том, что традиционная наука называет системным кризисом человечества). Кроме этого, развитие и сам генезис понятия эзотеризма как науки лежит в ракурсе смены парадигм. Приведём ряд аргументов в пользу того, что это и есть, возможно, новая синтагма человечества.

Следует сказать, что понятие «эзотеризм», после информационной вседозволенности, последовавшей за развалом СССР, а также из-за безответственных публикаций, продолжающихся и в настоящее время, выработал у широкой научной общественности в целом негативный взгляд на это высокое понятие. Однако, на скрытый смысл, который и выражается самим словом «эзотеризм», это никак не повлияло и именно этот смысл стараются найти во все века истинные исследователи этой традиции. И многие достигли результатов, которые во многом не удается повторить даже сейчас. Приведём лишь один яркий пример – таинственные открытия в области энергетики великого сербского изобретателя Николы Теслы. Сегодня ему посвящаются книги, статьи, фильмы, и всё же с позиций традиционной науки непонятно, как всё, что он сделал, работает, как он смог создавать свои уникальные приборы без компьютера и моделирования и многое другого, привычно-

го для современного инженера. Кроме всего прочего он пользовался так называемой неклассической физикой, в которой есть место вселенскому эфиру. По сути, это был эзотерический подход, который работал и работал превосходно! Все изобретения Н. Теслы работали и работают оптимальным образом (т.е. задачи оптимизации решались неклассическим способом). Елена Петровна Блаватская – великая наша соотечественница, признанный авторитет среди последователей этико-философского гностиса, – писала об эзотеризме, что «тот факт, что где-то ходят поддельные деньги лишь подтверждает, что где-то есть и настоящие». Понимаем, что это не есть строгое математическое доказательство (это не дедуктивный метод, а индуктивный), но без индукции невозможно доказать и базовые теоремы средневековой математики.

Генезис и традиции смены парадигм. Сходство позиций Куна и Лакатоса определяется рядом их общих черт, среди которых: утверждение принципиальной теоретической нагруженности эмпирических фактов; стремление опереться на историю науки как на эмпирическую основу методологии, смещение центра внимания со структуры научного знания к его развитию, понимаемому вовсе не как простое накопление фактов и теорий, но как последовательность кардинальных изменений облика науки, а также самих стандартов и идеалов научной рациональности; отказ устанавливать жесткие демаркационные, разграничительные линии между наукой и ненаукой; признание существенной роли метатеоретических социокультурных факторов в процессе смены тех или иных господствующих научных представлений новыми /1/.

Размышляя о векторе развития науки, как бы раздвигая её рамки, В. Кузнецова в предисловии к новому переизданию исследования Томаса Куна отмечает: «Постпозитивизм идеино завершается концепцией методологического анархизма Пола Фейерабенда, который в своей посвящённой Лакатосу книге «Против ...метода» (1975), отталкиваясь от принципа несопоставимости парадигм Куна, провозгласил эпатирующий тезис «всё пойдет», «всё дозволено», «всё сгодится»: поскольку рост знания происходит в результате полиферации, размножения теорий и подходов, то необходимо отстаивать позицию последовательного плурализма как в самой науке, так и за её пределами, приветствуя появление и распространение, а также взаимовлияние и взаимодействие самых различных, самых безумных и экзотических идей. Наука, понимаемая как по сути дела анархическое предприятие, ничем принципиально не отличается от других социокультурных традиций и практик, а, следовательно, и не имеет перед ними никаких преимуществ. Поэтому наука должна быть отделена от государства, подобно тому, как ранее от государства была отделена церковь; государство не должно выделять науку и не должно оказывать ей исключительную поддержку, но должно предоставить равные возможности также религии, мифу, магии и т. п.» /2/. Таким образом, многие элементы эзотеризма, ранее считавшиеся ненаучными, вполне согласуются с современным мировоззрением и, по нашему мнению, должны быть введены в научный оборот.

Гипотеза эзотерического подхода. Однако, мы полагаем, должен быть баланс между новым и старым. Если отдать предпочтение только одному, скажем старому, то нового не будет вообще, и наоборот, если только новому, то без критики можно далеко зайти. Поэтому через призму

* Выступление на VII Международной междисциплинарной научной конференции «Этика и наука будущего», март 2007г., г. Москва. <http://roerich.com/delfis/>

знания нужен критический анализ этого нового. Так известно, что в основе метода мозгового штурма на первом этапе решения научных проблем лежит правило: выдвигать любые, даже самые экзотические идеи. И только когда полный список составлен, тогда начинается критический анализ. Генезис этого понятия представлен в эпиграфе нашей статьи. В первом сборнике данного издания (издание СПб-Донецк) была статья д.ф.н. С.Р.Аблеева «О новой научной картине мира» /3/, которая была критически воспринята редактором. Полагаем, что это был тот первый этап в понимании, о котором Э.Резерфорд писал, что «это абсурд», но только на первом этапе. Постараемся показать на основе принятой теории научных революций Т.Куна (который, к слову, многократно в своей книге упоминает слово «эзотерический» в весьма положительном контексте), что данный подход, по крайней мере, не лишён смысла, а по большому счёту и составляет ту самую синтагму, о которой речь ниже. По всей видимости, этот второй выпуск научного сборника должен ознаменовать второй этап понимания, или словами Э.Резерфорда «в этом что-то есть», т.е. по крайней мере, новые научные тенденции можно воспринимать как гипотезу.

Неизбежность смены парадигм. По определению Т.Куна парадигма (дисциплинарная матрица) выступает как совокупность знаний, методов и ценностей, безоговорочно разделяемых членами научного сообщества. Он говорит о возможности выделения следующих стадий её развития: допарадигмальная наука, нормальная наука (парадигмальная), экстраординарная наука (внепарадигмальная, научная революция). В допарадигмальный период наука представляет собой эклектическое соединение различных альтернативных гипотез и конкурирующих научных сообществ, каждое из которых, отталкиваясь от определённых фактов, создаёт свои модели без особой апелляции к каким-либо внешним авторитетам. Однако со временем происходит выдвижение на первый план какой-то одной теории, которая начинает интерпретироваться как образец решения проблем и составляет теоретическое и методологическое основание новой парадигмальной науки. Парадигма определяет спектр значимых научных проблем и возможные способы их решения, одновременно игнорируя не согласующиеся с ней факты и теории. В рамках нормальной науки прогресс осуществляется посредством кумулятивного накопления знаний, теоретического и экспериментального усовершенствования исходных программных установок. Вместе с тем, в рамках принятой парадигмы учёные сталкиваются с рядом «аномальных» (т.е. не артикулируемых адекватно в рамках принятой парадигмы) фактов, которые после многочисленных неудачных попыток эксплицировать их принятым способом, приводят к научным кризисам, связанным с экстраординарной наукой. Эта ситуация во многом воспроизводит допарадигмальное состояние научного знания, поскольку наряду со старой парадигмой активно развивается множество альтернативных гипотез, дающих различную интерпретацию научным аномалиям. Впоследствии из веера конкурирующих теорий выбирается та, которая, по мнению профессионального сообщества учёных, предлагает наиболее удачный вариант решения научных головоломок. При этом приоритет той или иной научной теории отнюдь не обеспечивается автоматически её когнитивными преимуществами, но зависит также от целого ряда внеучастных факторов (психологических, политических, культурных и т.п.). Достижение конвенции в вопросе выбора образцовой теории означает формирование новой парадигмы и знаменует собой начало следующего этапа нормальной науки, характеризующегося наличием чёткой программы деятельности и искусственной селекцией альтернативных и аномальных смыслов. Исключение здесь не составляет и тот массив знаний, который был получен предшествующей историей науки /1/.

Видимость кумулятивной преемственности в развитии

*«Бог – строитель Мира». Франция XIII в.
Миниатюра книги*

знания обеспечивается процессом специального образования и учебниками, интерпретирующими историю науки в соответствии с установками, заданными господствующей парадигмой. В силу этого достаточно проблематично говорить о действительном прогрессе в истории естествознания. Усовершенствование и приращение знания отличает только периоды нормальной науки, каждый из которых формирует уникальное понимание мира, не обладающее особыми преимуществами по сравнению с остальными /1/.

Вот что пишет Т.Кун: «Те же самые проблемы и та же ориентация придали единство большей части по преимуществу исторических и на первый взгляд очень различных исследований, которые я опубликовал после окончания моей гарвардской стажировки. Несколько из этих работ было посвящено важной роли, которую играют те или иные метафизические идеи в творческом научном исследовании» /1/. Итак, видно, что метафизика, лежащая в основе эзотерики, играет существенную роль в работе исследователя, по крайней мере, она вдохновляет и даёт идеи для её реализации. Жизнь сложнее схем, в ней есть много такого, как говорил Шекспир, что и не снилось нашим мудрецам! Не парадоксы ли Н.Тесла он имел ввиду?

Под парадигмами Т.Кун подразумевает признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений. Но многое уже не вмещается в эту модель, по крайней мере, это и приведенные феномены Н. Теслы, и эфирные машины Джона Кили, и турбинные двигатели Виктора Шауберга и многое другое.

Золотое сечение как доверительный интервал. Мы полагаем (выдвигаем это как гипотезу), что традиционная (в терминах Т.Куна – нормальная наука), должна состоять с новшествами в соотношении золотого сечения. Это некий прообраз доверительного интервала, которым пользуются для отсечения недостоверных данных в технике. Нормальная наука, например, часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают её основные установки. Тем не менее, до тех пор, пока эти установки сохраняют в себе элемент произвольности, сама природа нормального исследования даёт гарантию, что эти новшества не будут подавляться слишком долго. Иногда

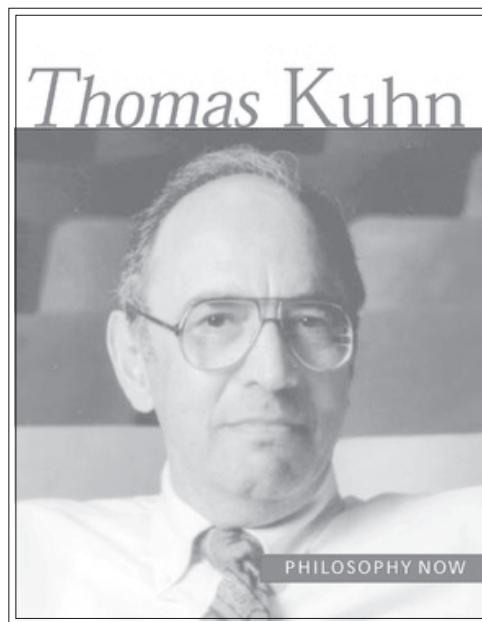

проблема нормальной науки, проблема, которая должна быть решена с помощью известных правил и процедур, не поддаётся неоднократным натискам даже самых талантливых членов группы, к компетенции которой она относится. В других случаях инструмент, предназначенный и сконструированный для целей нормального исследования, оказывается неспособным функционировать так, как это предусматривалось, что свидетельствует об аномалии, которую, несмотря на все усилия, не удается согласовать с нормами профессионального образования. Таким образом (и не только таким) нормальная наука всё время сбивается с дороги. И когда это происходит – то есть когда специалист не может больше избежать аномалий, разрушающих существующую традицию научной практики, – начинаются нетрадиционные исследования, которые, в конце концов, приводят всю данную отрасль науки к новой системе предписаний, к новому базису для практики научных исследований. Исключительные ситуации, в которых возникает эта смена профессиональных предписаний, Т.Кун рассматривает как научные революции. Они являются дополнениями к связанный традициями деятельности в период нормальной науки, которые разрушают традиции /1/.

Эзотерический этап как признак зрелости научной теории. Т.Кун убеждён: «Формирование парадигмы и появление на её основе более эзотерического типа исследования является признаком зрелости развития любой научной дисциплины» /1/. Нужно отдать должное тому факту, что то, что сейчас понимается под эзотерикой в обыденном сознании, или то, что о ней пишет жёлтая пресса, подчас формирующая общественное мнение, весьма пёстрое, не отражает действительности. Мы придерживаемся того мнения, что развитие этого направления должно идти сугубо научными методами и иметь целостную систему анализа и синтеза, что и пытаются осуществить учёные в целом ряде Интернет-проектов, научных конференций, семинаров и созданных на их основе Ассоциаций. Ярким примером такого творчества, на наш взгляд, может служить деятельность международной неправительственной ассоциации «Этика и Наука Будущего» (<http://ethics.roerich.com/>), учредителями которой выступили такие уважаемые ВУЗы как МВТУ им. Н.Э.Баумана, Институт востоковедения РАН, институт математики им. М.В.Келдыша, институт географии РАН, Донецкий национальный технический университет и другие (<http://roerich.com/delfis/index.html>). Защищён целый ряд диссертаций по наследию великой семьи Перих – признанных авторитетов во многих направлениях научной деятельности, и в частности, в этико-философском гностике. Таким образом, научные конференции и философские диссертации, защищаемые в Московском и Санкт-Петербургском Университетах (Н. Самохина, Е.А.Трофимова, С.Р.Аблевев) и Институте философии РАН (Д.А.Шаров) – всё это убедительно говорит о весомом месте, занимаемом Е.И. и Н.К. Перихами, в общем строении мировой философии и культуры в целом. Подбор диссертаций на эту тему (наследие семьи Перих, Е.П.Блаватской и их Учителей) приведён в <http://aipe.roerich.com/russian/ims/diser.html>, включая первую докторскую диссертацию по этому направлению С.Р.Аблевева.

Т.Кун убеждён, что в результате исследований образуется некоторый фонд фактов, часть из которых доступна простому наблюдению и эксперименту, а другие – являются более эзотерическими и заимствуются из таких уже ранее существовавших областей практической деятельности, как медицина, составление календарей или металлургия. Иными словами, они пришли к парадигме, которая оказалась способной направлять исследование всей группы в целом. Трудно найти другой критерий (если не считать преимущества ретроспективного взгляда), который бы так ясно и непосредственно подтверждал, что данная отрасль знаний стала наукой.

Какова же тогда природа более профессионального и

Томас Самуэль Кун

эзотерического исследования, которое становится возможным после принятия группой учёных единой парадигмы? Если парадигма представляет собой работу, которая сделана однажды и для всех, то спрашивается, какие проблемы она оставляет для последующего решения данной группе? Эти вопросы будут представляться тем более безотлагательными, если мы укажем, в каком отношении использованные Т.Куном до сих пор термины могут привести к недоразумению. В своём установившемся употреблении понятие парадигмы означает принятую модель или образец; именно этот аспект значения слова «парадигма», за неимением лучшего, позволяет Т.Куну использовать его. Но, как вскоре будет выяснено, смысл слов «модель» и «образец», подразумевающих соответствие объекту, не полностью покрывает определение парадигмы.

Именно наведением порядка, соответствующего определённой модели, занято большинство учёных в ходе их научной деятельности. Вот это и составляет то, что Т.Кун называет нормальной наукой. При ближайшем рассмотрении этой деятельности (в историческом контексте или в современной лаборатории) создаётся впечатление, будто бы природу пытаются «втиснуть» в парадигму, как в заранее сколоченную и довольно тесную коробку. Цель нормальной науки ни в коей мере не требует предсказания новых видов явлений: явления, которые не вмещаются в эту коробку, часто, в сущности, вообще упускаются из виду. Учёные в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими /4/.

Т.Кун утверждает, что концентрируя внимание на небольшой области относительно эзотерических проблем, парадигма заставляет учёных исследовать некоторый фрагмент природы так детально и глубоко, как это было бы немыслимо при других обстоятельствах. И нормальная наука располагает собственным механизмом, позволяющим ослабить эти ограничения, которые дают о себе знать в процессе исследования всякий раз, когда парадигма, из которой они вытекают, перестаёт служить эффективно. С этого момента учёные начинают менять свою тактику. Изменяется и природа исследуемых ими проблем. Однако до этого момента, пока парадигма успешно функционирует, профессиональное сообщество будет решать проблемы, которые его члены едва ли могли вообразить и, во всяком случае, никогда не могли бы решить, если бы не имели парадигмы. И, по крайней мере, часть этих достижений всегда остается в силе /1/.

Очевидно, что существуют правила, которых придерживаются все учёные-профессионалы в данное время, тем не менее, эти правила, сами по себе не могут охватить всё то общее, что имеется в различных видах нормального исследования. Нормальная наука – это в высокой степени детерминированная деятельность, но вовсе нет необходимости в том, чтобы она была полностью детерминирована определёнными правилами. Вот почему Т.Кун предпочёл ввести в качестве источника согласованности в традициях нормального исследования принцип общепринятой парадигмы, а не общепринятых правил, допущений и точек зрения. Правила эти, по его мнению, вытекают из парадигм, но парадигмы сами могут управлять исследованием даже в отсутствие правил /1/.

Значение кризисов для методологии. Неудача в стремлении разрешить новые проблемы часто разочаровывает, но никогда не удивляет. Ни проблемы, ни головоломки не решаются, как правило, с первой попытки. Наконец, всем этим примерам свойствен ещё один признак, который подчёркивает важную роль кризисов: разрешение кризиса в каждом из них было, по крайней мере, частично, предвосхищено в течение периода, когда в соответствующей науке не было никакого кризиса, но при отсутствии кризиса эти предвосхищения игнорировались.

Значение кризисов заключается именно в том, что они говорят о своевременности смены инструментов.

Отметим здесь только один момент, касающийся этого вопроса. Почти всегда люди, которые успешно осуществляют фундаментальную разработку новой парадигмы, были либо очень молодыми, либо новичками в той области, парадигму которой они преобразовали. И, возможно, этот пункт не нуждается в разъяснении.

Таким образом, должен, очевидно, возникнуть конфликт между парадигмой, которая обнаруживает аномалию, и парадигмой, которая позднее делает аномалию закономерностью.

Как показал Т.Кун, парадигмы вообще не могут быть исправлены в рамках нормальной науки. Вместо этого, как мы уже видели, нормальная наука, в конце концов, приводит только к осознанию аномалий и к кризисам.

Странная роль учебников. Предположим как само собой разумеющееся, что знания о науке и любителя, и специалиста основываются – как ни в одной другой области – на учебниках и некоторых других видах литературы, примыкающих к ним. Однако учебники, будучи педагогическим средством для увековечения нормальной науки, должны переписываться целиком или частично всякий раз, когда язык, структура проблем или стандарты нормальной науки изменяются после каждой научной революции. И как только эта процедура перекраивания учебников завершается, она неизбежно маскирует не только роль, но даже существование революций, благодаря которым они увидели свет. Если человек сам не испытал в своей жизни революционного изменения научного знания, то его историческое понимание, будь он учёным или непрофессиональным читателем учебной литературы, распространяется только на итог самой последней революции, разразившейся в данной научной дисциплине /1/.

Таким образом, считает Т.Кун, учебники начинают с того, что сужают ощущение учёных истории данной дисциплины, а затем подсовывают суррогаты вместо образовавшихся пустот. Характерно, что научные учебники включают лишь небольшую часть истории – или в предисловии, или, что более часто, в разбросанных сносках о великих личностях прежних веков. С помощью таких ссылок и студенты, и учёные-профессионалы чувствуют себя причастными к истории. Однако та историческая традиция, которая извлекается из учебников и к которой таким образом приобщаются учёные, фактически никогда не существовала. По причинам, которые и очевидны, и в значительной степени определяются самим назначением учеб-

Имре Лакатос

ников, последние (а также большое число старых работ по истории науки) отсылают только к той части работ учёных прошлого, которую можно легко воспринять как вклад в постановку и решение проблем, соответствующих принятой в данном учебнике парадигме. Частью вследствие отбора материала, а частью вследствие его искажения учёные прошлого безоговорочно изображаются как учёные, работавшие над тем же самым кругом постоянных проблем и с тем же самым набором канонов, за которыми последняя революция в научной теории и методе закрепила прерогативы научности. Неудивительно, что учебники и историческая традиция, которую они содержат, должны переписываться заново после каждой научной революции. И неудивительно, что, как только они переписываются, наука в новом изложении каждый раз приобретает в значительной степени внешние признаки кумулятивной.

Замалчивая такие изменения и стремясь представить развитие науки линейно, учебник скрывает процесс, который лежит у истоков большинства значительных событий в развитии науки. Поскольку учёные – люди благородные, тот или другой аргумент в конце концов убеждает многих из них. Но нет такого единственного аргумента, который может или должен убедить их всех. То, что происходит, есть скорее значительный сдвиг в распределении профессиональных склонностей, чем переубеждение сразу всего научного сообщества.

Зачем, в конце концов, студент-физик, например, должен читать работы Ньютона, Фарадея, Эйнштейна или Шредингера, когда всё, что ему нужно знать об этих работах, изложено значительно короче, в более точной и более систематической форме во множестве современных учебников?

В большей степени, чем это делается в других творческих областях, учёный приходит к выводу, что наука развивается по прямой линии к современным высотам. Короче, он рассматривает историю своей науки как прогресс. У него и нет никакой альтернативы, пока он остаётся в рамках своей области. Т.Кун говорит, что неминуемо эти замечания будут наводить на мысль, что член зрелого научного

сообщества напоминает персонаж из книги Оруэлла „1984 год”, ставший жертвой истории, переписанной властями. Более того, подобное предположение не является таким уж нелепым. В научных революциях есть потери, так же как и приобретения; а учёные склонны не замечать первых /1/.

Учебники, по мнению Т.Куна, создаются только в итоге научной революции. Они являются основой для новой традиции нормальной науки. Поднимая вопрос об их структуре, был явно упущен один момент. Что представляет собой процесс, посредством которого новый претендент на статус парадигмы заменяет своего предшественника? Любое новое истолкование природы, будь то открытие или теория, возникает сначала в голове одного или нескольких индивидов. Это как раз те, которые первыми учатся видеть науку и мир по-другому, и их способность осуществить переход к новому видению облегчается двумя обстоятельствами, которые не разделяются большинством других членов профессиональной группы. Постоянно их внимание усиленно сосредоточивается на проблемах, вызывающих кризис; кроме того, обычно они являются учёными настолько молодыми или новичками в области, охваченной кризисом, что сложившаяся практика исследований связывает их с воззрениями на мир и правилами, которые определены старой парадигмой, менее сильно, чем большинство современников /1/.

Эту ситуацию, на наш взгляд, иллюстрирует дзенская притча о чашке чая. Вот она:

Нан Ин, японский мастер дзен, принимал как-то у себя профессора университета, пришедшего расспросить его о дзен. Нам Ин разливал чай. Налив гостю полную чашку, он продолжал лить дальше. Профессор смотрел на льющийся через край чай и, наконец, не выдержав, воскликнул:

— Она же полна! Больше не входит!

— Вот как эта чашка, — ответил Нан Ин, — и вы наполнены своими мнениями и суждениями. Как же я могу показать вам дзен, пока вы не опорожните свою чашку? /5/

Взгляд на проблему молодых или закон отрицания отрицания. Так Уайтхед хорошо уловил неисторический дух научного сообщества, когда писал: «Наука, которая не решается забыть своих основателей, погибла». Тем не менее, он был не совсем прав, как считает Т.Кун, ибо наука, подобно другим предприятиям, нуждается в своих героях и хранит их имена. К счастью, вместо того чтобы забывать своих героев, учёные всегда имеют возможность забыть (или пересмотреть) их работы. Так, благодаря учебникам, мы знаем о Ньютоне как о великом учёном физике и математике. Свои работы в этом отношении сам Ньютон расценивал весьма сдержанно, зато главными своими трудами считал толкование Библии, в частности «Толкование на книгу пророка Даниила». В эпиграфии ему, в частности написано: «Он прославил в своём учёнии Всемогущего Творца. Требуемую Евангелием простоту он доказал своей жизнью. Пусть смертные радуются, что в их среде жило такое украшение человеческого рода». <http://www.alhimik.ru/great/newton.html>. Другой великий физик — А.Эйнштейн всегда имел на своём рабочем столе книгу Е.П. Блаватской «Тайная Доктрина» — синтез науки, религии и философии (фундаментальный труд по философии антропокосмизма). «Племянница Эйнштейна во время своего пребывания в Индии в 1960-х годах специально посетила штаб-квартиру Теософского общества в Адьяре. Она объяснила, что ничего не знает ни о теософии, ни о самом обществе, но решила побывать здесь, потому что на рабочем столе её дяди постоянно лежала Тайная Доктрина госпожи Блаватской <...>. О том же сообщает Джек Браун в статье «В гостях у профессора Эйнштейна» /6, 7/.

Дарвин особенно прочувствованно писал в конце книги «Происхождение видов»: «Хотя я вполне убеждён в истине тех воззрений, которые изложены в этой книге в форме краткого обзора, я никоим образом не надеюсь убедить опытных натуралистов, умы которых переполнены мас-

сой фактов, рассматриваемых ими в течение долгих лет с точки зрения, прямо противоположной моей... Но я смотрю с доверием на будущее, на молодое возникающее поколение натуралистов, которое будет в состоянии беспристрастно взвесить обе стороны вопроса» /8/. А Макс Планк, описывая свою собственную карьеру в «Научной автобиографии», с грустью замечал, что «новая научная истинка прокладывает дорогу к триумфу не посредством убеждения оппонентов и принуждения их видеть мир в новом свете, но скорее потому, что её оппоненты рано или поздно умирают и вырастает новое поколение, которое привыкли к ней» /9/.

Хотя некоторые учёные, особенно немолодые и более опытные, могут сопротивляться сколь угодно долго, большинство учёных так или иначе переходит к новой парадигме. Обращения в новую веру будут продолжаться до тех пор, пока не останется в живых ни одного защитника старой парадигмы и пока вся профессиональная группа не будет руководствоваться единой, но теперь уже иной парадигмой /10/.

Роль математической веры. Интересный факт, но в беседах с математиками часто можно слышать такую фразу, что «сначала я понял, что теорема верна, а потом её доказал». Так же сама постановка доказательства аксиомы заводит в тупик — ведь её доказать нельзя! То есть она верна — мы это понимаем, но доказать не можем... Таким образом, мы принимаем утверждение аксиомы на веру. А сама аксиома является основанием математических доказательств. Т.Кун считает, что «кто принимает парадигму на ранней стадии, должен часто решаться на такой шаг, преубеждая доказательством, которое обеспечивается решением проблемы. Другими словами, он должен верить, что новая парадигма достигнет успеха в решении большого круга проблем, с которыми она встретится, зная при этом, что старая парадигма потерпела неудачу при решении некоторых из них. Принятие решения такого типа может быть основано только на вере. Это одна из причин, в силу которых предшествующий кризис оказывается столь важным. Учёные, которые не пережили кризиса, редко будут отвергать неопровергнутое очевидность в решении проблем в пользу того, что может легко оказаться и будет легко рассматриваться как нечто неуловимое. Но самого по себе кризиса недостаточно» /1/.

Научное сообщество представляет собой необычайно эффективный инструмент для максимального возрастания количества проблем, решаемых благодаря изменению парадигмы, и увеличения точности их решения.

Поскольку масштабной единицей научных достижений служит решённая проблема и поскольку группа хорошо знает, какие проблемы уже были решены, очень немногие учёные будут склонны легко принимать точку зрения, которая снова ставит под вопрос многие ранее решённые проблемы. Природа должна сама первая подрывать профессиональную уверенность, указывая на уязвимые стороны прежних достижений. Кроме того, даже тогда, когда это случается и появляется на свет новый кандидат в парадигму, учёные будут сопротивляться его принятию, пока не будут убеждены, что удовлетворены два наиболее важных условия. Во-первых, новый кандидат должен, по-видимому, решать какую-то спорную и в целом осознанную проблему, которая не может быть решена никаким другим способом. Во-вторых, новая парадигма должна обещать сохранение в значительной мере реальной способности решения проблем, которая накопилась в науке благодаря предшествующим парадигмам. Новизна ради новизны не является целью науки, как это бывает во многих других творческих областях.

Какие же это проблемы, которые позволяет решить эзотерический подход? Во-первых, аксиологический — поиск смысла жизни, из которых вытекают решения всех других проблем. Интересно, что в период Карибского кризиса президент США Джон Кеннеди сказал крылатую фразу:

«У меня есть тысячи специалистов, которые могут построить пирамиду, но нет ни одного, кто сказал бы, стоит ли её строить». Этим он подчеркнул, что мир нуждается в системных аналитиках, мудрецах, способных взглянуть на проблему целиком, не ограничиваясь одним аспектом. Современная наука как никогда нуждается в таких мудрецах, чтобы определить устойчивую траекторию развития человеческой цивилизации. А вот что говорит Е.И.Рерих: «Человечество не может превратиться в **роботов цивилизации**, оно не существует и нескольких столетий. Высшие центры жизни замолкнут и оявятся на отмирании лучших способностей к прогрессу нашего внутреннего существа. Должно осознать, что без корней и основ ничто стоять не может, потому Основы Культуры, Гуманизма должны быть охранены в первую очередь в каждой стране, которая хочет жить и процветать. Итак, судьбы многих стран, а может быть, и существование всей планеты – в руках самого Человечества» /11/.

Второй – решение тех задач, что накопились и не решены в рамках старой парадигмы: феномены Розы Кулешовой, Н.Тесла и т.д. (вдумчивый читатель сможет без труда продолжить этот ряд). Эти и другие феномены легко объясняются эзотерическим подходом о котором в Гранях Агни Йоги говорится: «Древние знания должны превратиться в научные формулы».

Принципиально новый подход к знанию. Т.Кун писал, что: «Мы не обладаем прямым доступом к тому, что знаем, никакими правилами или обобщениями, в которых можно выразить это знание» /1/. Нужно отметить, что в эзотерическом подходе (которым к слову пользовался Н.Тесла), это знание получается другим путём. Удивительный факт, что известные столпы науки вообще не имели образования (то есть получили свои знания иным способом – читай „езотерическим путем“) – это и К.Э.Циолковский и известный предсказатель прошлого века Эдгар Кэйси. А традиция эта лежит в веках: такие прозрения были у Якова Беме, сапожника, или у Уильяма Блэйка, полуграмотного гравёра; у необразованных пророков Иезекииля и Иоанна Богослова, с его страшным Апокалипсисом /12/. Не этот ли, но уже экологический Апокалипсис стоит у ворот человечества сейчас?

Здесь мы коснулись одного из основных и вместе с тем наиболее неоднозначных явлений религиозной, оккультной и мистической жизни. Это наблюдаемый на протяжении всей обозримой истории феномен восприятия человеком всевозможного рода информации (сообщений, рекомендаций, наставлений), поступающей из некоего незримого источника, который расценивается самим воспринимающим самым различным образом – от собственного подсознания, или высшего «Я», до бесплотных духов (темных и светлых) и богов, вплоть до Единого Творца и Вседержителя. Таким образом, это явление истолковывается исключительно сообразно мировоззренческим установкам и склонностям человека в соединении с характером контакта и содержанием получаемых откровений /13/. Этот источник профессор В.В.Пак, именем которого названа кафедра математики в ДонНТУ, называл «космическим банком данных» или Богом /14/. Истинно сказано, что «малое знание уводит от Бога, а большое ведет к Нему».

Баланс веры и знания. Среди наиболее плодотворных критериев научного исследования будут, например, точность предсказания, особенно количественного предсказания; равновесие между эзотерическим и обычным предметами исследования; число различных проблем, которые удалось решить данной теории.

На протяжении столетий знанием считалось то, что доказательно обосновано (proven) – силой интеллекта или показаниями чувств. Мудрость и непорочность ума требовали воздержания от высказываний, не имеющих доказательного обоснования; зазор между отвлеченными рассуждениями и несомненным знанием, хотя бы только мыс-

лимый, следовало свести к нулю. Но способны ли интеллект или чувства доказательно обосновывать знание? Скептики сомневались в этом ещё две с лишним тысячи лет назад. Однако скепсис был вынужден отступить перед славой ньютоновской физики. Эйнштейн опять всё перевернул вверх дном, и теперь лишь немногие философы или учёные всё ещё верят, что научное знание является доказательно обоснованным или по крайней мере может быть таковым /15/ .

Выводы. Метафизика Востока оказаласьозвучна новым научным тенденциям. Необходимо ввести понятие эзотеризма в современное естествознание. Изучать эзотерические науки нужно не менее тщательно (если не более) чем традиционные. На наш взгляд, решение остройших проблем современности лежит в подходах, иллюстрируемых именно этико-философским гноэзисом. Объединение нынешнего научного взгляда на мир с эзотерическим даст новую синтагму человечеству, которая выведет его из системного кризиса и, по сути, даст не много ни мало – возможность выжить.

Завершить эту статью хотели словами известнейшей нашей соотечественницы – Е.П. Блаватской, о будущем науки: «Будущее открывает перед нами самые грандиозные перспективы. Ибо пробил уже час начала великого циклического возвращения к мистическому мышлению. Со всех сторон нас окружают воды океана универсальной науки – науки вечной жизни, таящие в себе забытые затонувшие сокровища ушедших поколений» /16/.

Литература:

1. Т.Кун. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2003.
2. Кузнецов В. Понять науку в контексте культуры // Т.Кун. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2003.
3. Аблеев С.Р. О новой научной картине мира // Мудрость Дома Земля. О мировоззрении ХХI века. Экогое-софский альманах, вып. 4-5. Под ред. В.А.Зубакова. Санкт-Петербург – Донецк, 2003; - <http://www.roerich.com/zip2/almanah.zip>
4. Хомич Е.В. История философии: Энциклопедия /Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.
5. Притчи человечества (все известные традиции)/Сост. В. В. Лавский. – Мн.: Лотаць, 2001. – 608 с. <http://www.roerich.com/zip/pritchi.zip>
6. Кренстон С., Уильямс К. Е.П.Блаватская: жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. – Рига-Москва: ЛИГАТМА, 1996.
7. Мельников С.Г. Всеволод Соловьев и Владимир Соловьев о Блаватской и теософии // Адамант, №3, 2006. – <http://lomonosov.org>
8. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. – СПб.: Наука, 1991.
9. Plank M. Scientific Autobiography and Other Papers. – N.Y., 1949.
10. B. Barber. Resistance by Scientists to Scientific Discovery. – «Science», CXXXIV, 1961, p.596-602.
11. Рерих Е.И. Письма в Америку. Т.3. – М.: Сфера, 1996. http://www.roerich.com/zip/fosdik_3.zip
12. Мельников Л.Н. Виртуальная реальность и космическое сознание // Дельфин, №2(46), 2006. [http://roerich.com/delfis/2006_2\(46\).djvu](http://roerich.com/delfis/2006_2(46).djvu)
13. Попов Д.Н. Урускати // Е.И.Рерих. Письма в Америку. В 3-х т. (1929-1955). Т.1. – М.: Сфера, 1996.
14. Пак В.В. Инженер, математика и другие: Простые методы математического моделирования природных и техногенных процессов / Донецкий государственный технический университет. – Донецк, 1995. – 224 с.
15. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Т.Кун. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2003.
16. Блаватская Е.П. Иная сторона жизни. – М.: Сфера, 2005.

*Заповедь новую даю вам, да любите друг друга;
как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга.
По тому узнают все, что вы Мои ученики,
если будете иметь любовь между собою.*

Евангелие от Иоанна

ЛЮБОВЬ

В 1184 году умирает грузинский царь Георгий III, оставив на троне девятнадцатилетнюю дочь Тамару. Последние пять лет она была его соправительницей, и люди более или менее успели привыкнуть к мысли, что впервые править ими будет красивая и очень умная женщина. «Правильного сложения, — пишет современник, — тёмный цвет глаз и розовая окраска белых щёк, застенчивый взгляд, манера царственно вольно метать взоры вокруг себя, приятный язык, весёлая и чуждая всякой развязности, услаждающая слух речь и чуждый всякой порочности разговор».

Единственным недостатком новой царицы был её юный возраст — феодалы и воеводы тут же ринулись в борьбу за власть, а некоторые из них, объединившись с купечеством, предъявили требование об ограничении монархии, передаче законодательной власти парламенту и даже начали писать конституцию; на тридцать лет раньше, чем английские бароны.

Но Тамара оказалась сильнее, чем король Джон, и чем могло показаться её противникам. Дело кончилось мирным соглашением, по которому она обязалась отстранить от государственной службы всех чиновников незнатного происхождения и выйти замуж, чтобы поскорее родить наследника; но за иностранца, дабы какая-нибудь из противоборствующих семей не возымела над ней излишнего влияния.

Стали искать жениха, и тут, как говорит летописец, явился тифлисский эмир и сказал: «Я знаю сына великого князя Андрея, государя Русского, которому повинуются 300 царей в тех странах. Потерявши отца в молодых летах, этот князь был изгнан дядею своим Савалтом (то есть, Всецелом и, на самом деле, братом), убежал и находится теперь в половецком стане». Эмир говорил о внukе Юрия Долgorукого и сыне Андрея Боголюбского, Георгие. Двору князь понравился, и вельможи уговорили Тамару Георгиевну немедленно отдать ему руку, что она и сделала в 1185 году, скрепя протестующее сердце...

Среди подданных царицы было много русских, живущих на Кавказе, и князь, конечно, был наслышан о «золотом веке» Грузии. Но такого великолепия встретить не ожидал. Архитекторы одной из красивейших стран мира довели её природу до подлинного Преображения. Поэзия принималась всерьёз и на самом высоком уровне. Наука, философия и просвещение переживали грандиозный расцвет. Школы были устроены по образцу византийских, и сорок лучших учеников ежегодно отправлялись в Афины и на святую гору Афон, довершать образование в духовной академии Иверского монастыря. С одним из недавних её выпускников Георгия Андреевича не могли не познакомить.

Он был не слишком знатен, владел небольшим замком в Месхетии, но зато писал очаровательные песни и хвалебные стихи, принося их в дар своей правительнице. Его звали Шота Руставели. Как и многие, он был безнадёжно влюблён в царицу, страдал оттого, что ей пришлось выйти за первого встречного, но ещё больше переживал о горькой участи своего друга Давида Сослани, который вырос вместе с Тамарой, любил её больше жизни и, как прекрасно знали все близкие, ответно был любим.

*Есть любовь высоких духом,
отблеск Высшего Начала,
Чтобы дать о ней понятье, языка земного мало.
Дар небес, она нередко, нас, людей, преображала
И терзала тех несчастных, чья душа её взлекала.
Объяснить её не в силах ни мудрец, ни чародей,
Понарасну пустословы утомляют слух людей.
Но и том, кто предан плоти, подражать
стремится ей,
Если он вдали страдает от возлюбленной своей.
Называется минджуром у арабов тот влюблённый,
Кто стремится к совершенству, как безумец
иступлённый.
Ведь один изнемогает, к горным высям устремлённый,
А другой бежит к красотке, сластолюбец
развращённый...*

Георгий Андреевич неплохо зарекомендовал себя в ратном деле, но скоро открылись в его поведении некоторые бесчинства, а именно, слабость к вину и, что гораздо ужаснее, содомский грех. Каноническое право в таких случаях может констатировать, что семья распалась, и разрешить невинной стороне повторный брак. Но, всё же развод был тогда в диковинку, поэтому князю предложили почётную ссылку: щедро одарили деньгами и посадили на корабль в Царьград. Тут могла вмешаться и дипломатия. В Грузии тогда существовала своеобразная презумпция невиновности, и важной особенностью судебной процедуры была система испытаний. В зависимости от тяжести преступления, обвиняемый должен был пройти через пытку калёным железом, или кипятком, или через публичное раскаяние — посадить себе на спину истца и громко произнести: «Господи, покарай меня на этом месте, если я виновен!» Понятно, что с родичем киевских князей, такой скандал никому был не нужен.

А может быть ещё и так, что в Византию Юрия отправили в надежде на покаяние?.. Ясно только, что человек он был слабый, поскольку им немедленно воспользовалась оппозиция. Начальники нескольких городов и даже провинций объявили его законным владельцем престола, нашли способ договориться с греками, и вскоре, сопровождаемый солидной дружиной, русский князь приплыл обратно. Началась гражданская война, состоявшая, по сути, из двух крупных битв. В первом сражении Юрий проиграл, был взят в плен, но помилован и возвращён Константинополю, возможно, в обмен на официальное отречение от каких-либо притязаний и на трон, и на жену. После этого он имел, мягко говоря, бестактность явиться во второй раз для того, чтобы снова быть битым и покинуть страницы истории уже навсегда.

В 1189 году царица Тамара вышла, наконец, по любви, за своего полководца и главного виновника этих побед — осетинского принца Давида Сослани.

*Венценосцы получили их могущества оплот —
Семь подвластных царских тронов,
Умножающих почёт,
Испытали утешенье и забвение невзгод.
Только муки переживший наслажденье их поймёт!*

*Мастер Георгий. Царица Тамара.
Успенский храм Вардзия. 1180 г.*

Вскоре после свадьбы Давида и Тамары, чтобы ободрить, успокоить и сплотить народ, взволнованный междуусобицей Руставели попросили написать поэму. Стремление к единству было ему сродни; Шота с радостью рассказывает о царевне Тинатин, которую мудрый отец сделал своей соправительницей, и с горечью — о несчастной красавице Нестан-Дареджан, которую родители и двор насильно выдают за чужеземца. Первая готовится к счастливому правлению вместе со своим возлюбленным рыцарем Автандилом; вторая — попадает в плен к колдунам, а её несчастный жених Тариэль, облачившись в тигровую шкуру, начинает искать её по свету.

Два пути, и совершенно немыслимый для средневековых устоев выбор поэта — в пользу Любви. И чтобы его обосновать, поэту надо совершить революцию.

Трудно сказать, был ли Шота знаком со «Словом о полку Игореве», созданным в те же годы (в принципе, мог слышать, потому что на Афоне был и русский монастырь, где тоже переживали из-за княжеских раздоров), но он начинает свою сагу точно так же — вопреки всем куртуазным традициям, поверх престола — к Богу. В первых же строчках Руставели говорит читателю, что его ждёт не панегирик, а библейская притча и призыв подражать самим высоким идеалам. Он цитирует «Песнь песней Соломона» и 44 Псалом. Одну из самых известных молитв Давида, потому что её всегда читают на Богочестных праздниках, которая называется «Песнь о Возлюбленном».

Вся слава дщери Царя внутри; одежда её шита золотом; в испещренной одежде ведётся она к Царю; за нею ведутся к Тебе девы, подруги её, приводятся с весельем и ликованием, входят в чертог Царя. Вместо отцов Твоих, будут сыновья Твои; Ты поставишь их князьями по всей земле. Сделаю имя Твоё памятным в род и род; посему народы будут славить Тебя во веки и веки.

Конец XII века был эпохой эпических рыцарских романов — один за другим, почти одновременно, появились французская «Песнь о Роланде», испанская «Песнь о моём Сиде», «Парцифаль» Кретьена де Труа, потом — «Ланце-

лот», «Тристан и Изольда» и немецкая «Песнь о Нибелунгах». Но лучшие истории разворачиваются прямо на страницах жизни — с Ричардом I Львиное Сердце бьётся Юсуф Салах-ад-Дин. Доблесть и мужество двух этих витязей затмевали обаяние рыцарей круглого стола и вызывали равное уважение и в христианском, и в мусульманском мире. В 87-ом египетский султан разбивает крестоносцев в знаменитой битве у горы Хиттим, отнимает у них величайшую святыню — Крест Господень — и берёт Иерусалим.

В 91-ом английский король возвращает приморские крепости и расчищает проход к Святому Граду. Правда, из-за брожений в собственных рядах, не может его взять, и в 92-м Ричард с Саладином подписывают мирный договор.

Непосредственным участником и очевидцем этих событий был Шота Руставели. Как царский визирь он много раз ездил с миссией на Святую Землю, и наверняка сыграл не последнюю роль в установлении сложных дипломатических отношений Грузии с новой палестинской властью. Невероятно эрудированный, блестящее знающий восточную культуру политик, он отстаивал здесь и государственные интересы, и церковные. В Иерусалиме жила большая грузинская диаспора, центром которой была Голгофа и монастырь Креста Господня, возведённый над местом, где, по преданию, выросло Честное Древо. Здесь было мощное учёное братство, богатое традициями, крепкими духовными связями, своей богословской школой и великолепной библиотекой. Для поэта — это клад; для сановника — огромное поле для добрых дел. В монастырскую летопись Шота Руставели попадает ктитором — человеком, пожертвовавшим много средств на поддержание и украшение древней обители.

Он возвзвал: «Великий Боже, Господин и

*Царь вселенной,
Воздающий по заслугам неразумной твари бренной,
Повелитель горных стражей,
Свет души неизречённый,
Укрепи во мне желанье послужить
Любви нетленной!»*

Всё лучшее, что можно было взять из воспитательной приключенческой литературы запада, Шота включает в свою философскую сказку: динамику повествования, начало страсти, интригу. Его героини — подлинные леди: олицетворение нежности, преданности, тонкости, и вместе с тем, глубины ума и стойкости. Его витязи — рыцари без страха упрёка; воплощение всего лучшего, чем наделил человека Создатель, — искренности, благородства, отваги, галантности, нерушимой дружбы, веры и любви.

Но всю языческую мистику и поиски магических эликсиров, дающих безграничную власть и вечную молодость, Руставели оставляет тамплиерам и всем прочим орденам, которые, утратив Крест Спасителя, так и не поняли, что Его сила даётся не тому, кто хочет повелевать миром, а тому, кто хочет его нести за Христом. «Разве ты не читал, о царь, — говорит в своём знаменитом завещании Автандил, почти словами святого Павла, — как апостолы пишут о Любви. Что они говорят о Ней? Знай это и уразумей!»

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит.

*Первое послание святого апостола
Павла к Коринфянам.*

Через 10 лет по вступлении на престол Тамаре удалось, наконец, сплотить грузинские земли, доставшиеся ей по

Шота Руставели

наследству, и она начинает наступать. Следующее десятилетие проносится, как ураган побед. Давид Сослани бьёт персов, сарацин, турок и иногда даже византийцев. Освобождая исконные территории армян и свои древние владения, его армия водружаает знамёна Багратионов от Чёрного до Каспийского морей. Слава Тамары и Давида простирается так далеко, что на Руси, несмотря на известную неловкость с Юрием Андреевичем, слагают былины об иверской царице Динаре. А когда крестоносцы захватывают Константинополь, греческий царь Алексей просит помочь у Тбилиси, и Грузия помогает ему основать Трапезундскую империю, просуществовавшую 250 лет.

Народ обожает свою мудрую правительницу и зовёт её «светоносной матерью» или царём, подчеркивая её державный гений подобному тому, как большую поэтессу у нас всегда величают поэтом. Примерно так же к Тамаре обращались султаны Египта и Сирии: они называли её «Великим монархом, храбрецом, защитником своих рыцарей и веры в Иисуса, священным лидером христианских герояев и другом из друзей».

Но вот в 1204 году к границам Грузии подходит небывалая и очень серьёзная беда. Несколько сельджукских стран объединяются в коалицию, возглавляемую персидским шахом Нукардином. Перевес сил таков, что противник просто не считает нужным вступать в переговоры и выдвигает заведомо невыполнимый ультиматум: Тамара вместе со всеми своими подданными должна отречься от Христа и стать женой шаха...

Летописец со слезами описывает, как царица смиренно провожала своих воинов; босая и простоволосая, долго шла за ними, укрепляя и благословляя, а потом поспешила в Метехский храм над Курой и стала молиться Божией Матери: «Ты – Владычица, а я – только лишь последняя раба Твоя. Сама защищи удел Твой!»

Битва состоялась близ Баскани, в верховьях реки Аракс. Это был священный бой. Не против ислама – грузины за долгие века угнетения выстрадали удивительную веротерпимость; дед Тамары, царь Дмитрий из уважения к своим подданным-магометанам мог ходить на пятничную службу в мечеть, а Руставели поместил действие глубочайшей христианской поэмы в арабский мир. Но в том историческом сражении Давид Сослани повёл братьев против ненависти, безумной, чёрной злобы, оголтелого язычества и всех сил дьявольского зла, сбившихся в полчища Нукради-

на. Повёл умирать за самое дорогое: за Жизнь, за Правду Божию, за красоту добра. И победила Любовь. Грузия на голову разбила врага и прогнала его по четырем персидским провинциям, включая Ирак.

Эта великая сеча стала кульминацией «Витязя» – взятием сатанинской крепости колдунов каджей и освобождение возлюбленной Тариэля Нестан-Дареджан. После этого, как после Армагеддона, когда всё тленное исчезает, наступает Царство Любви и эпилогом звучит знаменитое пророчество Исаии о Христе.

Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьёт нечестивого. И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его – истина. Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их.

Наверное, из этого откровения о жизни будущего века родилось и название поэмы – «Вепхисткаосани», по-грузински – «Витязь в барсовой шкуре», Рыцарь Христовой Любви.

В 1207 году умирает славный Давид, и Шота, «горько плачущий о нём», пишет эпилог поэмы, обессмертившей любовь Сослани и прекрасной Тамар. Царица, часто говорившая, что «нагой родилась из утробы матери, нагой же хотела бы и представать пред Вечным Судией», стала понемногу отходить от дел, всё больше времени проводить в храме и, наконец, совсем переселилась в свой любимый горный монастырь – Вардзия, над украшением и укреплением которого много потрудился её отец.

Здесь на берегу Куры, в этом огромном пещерном городе прошло их с Давидом детство. Все было дорого ей, но особенно память о муже. Тамара велела высечь в скале «Большую» церковь и рядом с ней очень маленьку скромную келью, в которой она и провела последние годы жизни, молясь за родину, мужа и детей. Вполне вероятно, что где-нибудь в этой священной горе, на монашеском каменном погосте, который после всех землетрясений и войн трудно теперь отыскать, покоятся её святые останки.

Хотя, по одному из народных поверий, её похоронили на Святой Земле, в монастыре Честного Креста Господня, рядом с могилой одного из самых известных иноков этой обители, которого до принятия пострига звали Давидом Сослани. В 1207 году он умер для мира, но продолжил писать стихи под псевдонимом Шота Руставели.

Учёным ещё предстоит проверить, насколько эта трогательная легенда имеет отношение к действительности. Несомненно другое – здесь плод самой искренней, благодарной любви потомков к человеку, подарившему миру «Витязя в тигровой шкуре». Поэму, которую до сих пор в грузинских сёлах целиком знают наизусть и не выдают ни одну уважающую себя невесту, не дав ей в приданое «Вепхисткаосани». Потому что в ней – всё самое главное, что надо знать молодым о жизни.

Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершённое, тогда то, что отчасти, прекратится. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

Первое послание святого апостола Павла к Коринфянам.

БИБЛИОГРАФИЯ

Митрополит Сурожский Антоний. «Любовь Всепобеждающая».

Лэнг Дэвид. «Грузины. Хранители святынь». М. 2004.

Нуцубидзе Ш.И. «Руставели и восточный ренессанс». Тбилиси. 1967.

Руставели Шота. «Витязь в тигровой шкуре» (пер. Н. Заболоцкого). Тбилиси. 1975.

СУДЬБА РУССКОГО ЯЗЫКА

В России и за рубежом 2007 год объявлен Годом русского языка. Во всём мире ценят и любят русский язык. Сегодня в мире русский язык является родным для 288 миллионов человек. Год русского языка в мире – это гораздо больше, чем проведение дней культуры России в той или иной стране. Год русского языка – это крупная мировая акция, в рамках которой можно говорить обо всём – о языке, культуре, экономике, политике, о России в целом. И в то же время Год русского языка важен и для нас, потому что это повод ещё раз обратиться к русской культуре, к её истокам, ведь язык – это образ нации.

Николай Константинович Перих

Русский язык

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

На склоне лет сердечно выразился Тургенев о русском языке. Истинно великому народу дан и великий язык. Звучен язык Вергилия и Овидия, но ведь не свободен он, ибо принадлежит прошлому. Певуч язык Гомера, но и он в пределах древности. Есть соревнователь у русского языка – санскрит праотец. Но на нём даже в Индии уже не говорят. А ведь русский язык жив. Он живёт для будущего. Он может обогащаться всеми новыми достижениями и сохранять свою певучую прелест. Он не останется в пределах Пушкина, ведь слишком много нового вошло в жизнь и требует своего выражения. Тем более нужно подтвердить основную красоту русской речи. И для всех славянских наречий русский язык остается кормилом.

Но скажут ли достаточно в русских школах о красоте своего языка? Скучные правила пусть придут после, а сначала, от первого дня, пусть будет сказано о красоте русской речи, о богатстве, о вместимости, о подвижности и выразительности своего родного языка. Нужно знать иностранные языки. Чем больше, тем лучше. Познавая их, русский человек ещё более утвердится в осознании, какой чудесный дар ему доверен. В ответственности за чистоту и красоту своей речи человек найдёт лучшие средства, как выразить вновь сложенные понятия, которые стучатся в новую жизнь.

Язык видоизменяется с каждым поколением. Только в суете быта люди не замечают этих пришельцев. Но пусть будут они достойны великого языка, данного великому народу. Многие отличные определения оказываются временно загнанными, ибо их твердят, не придавая истинного смысла. Во времена душевных смятений человек уже не может осознать всю красоту им произносимого. В стонах и воплях нарушается песнь. Но пройдёт боль, и человек опять почувствует не только филологически, но сердечно, какое очарование живёт в красоте речи. Прекрасен русский язык, и на нём скажутся лучшие мысли о будущем.

Лист дневника № 90, 1939 г.

Русский язык, как никогда, сейчас распространён. Как никогда, переводятся русские писатели, исполняются русские пьесы и симфонии, и в музеях утверждаются русские отделы. Какое же в этом рассеяние? Совсем не рассеяние, а совсем другое, гораздо более благозвучное и многозначительное. Если русским доверяют народы, поручая блюсти ответственные места, то и мы укрепляемся в доброжелательстве к народам. Из всенародного сотрудничества вырастает строение. Оно будет прекрасным.

По лицу земли. 1935

Преуспевает народ русский во многом, пора ему подумать и о красоте языка. Именно этому великому народу дано и величественное слово ПОДВИГ. Ни в одном ином языке нет такого понятия во всей его возвышенности и поступательности. Подвиг дан тому, кто может устремляться во имя общего блага. Русский народ уже много раз доказал свою бескорыстие и потому он удостоен и подвига. В подвиге народ сберегёт свои сокровища. Среди красот он утверждает и красоту языка. Подобно санскриту, русский язык особенно пригоден для выражения возвышенных понятий. Зачем брать в долг, когда собственная захороненная казна неисчерпаема. Красота языка есть великое искусство. Возвышенно мыслящий может и сказать прекрасно.

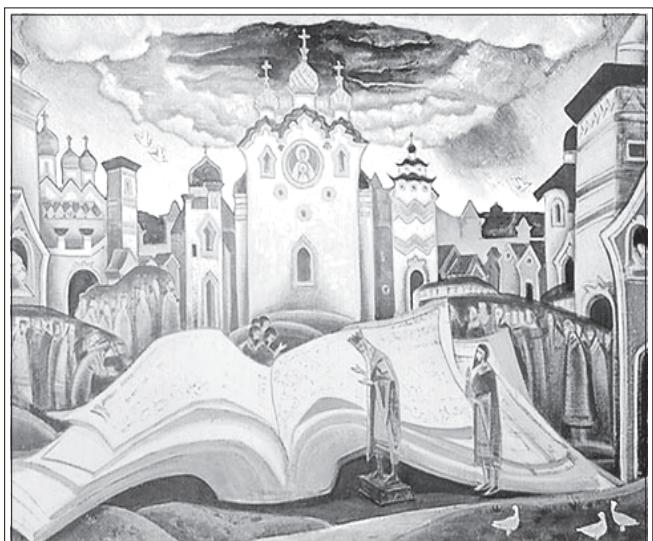
Уберегите. 1940

В песне – душа народа. Самые лучшие, самые исконные лады не стареют. Народ хочет возвысить сознание своей в истоках искусства. Творчество часто налаживается под песню. Труд освещён песней. И друзья народа хотят знать пути прекрасные, на которых складывался облик сердечный и доброжелательный.

Дружество. 1942

Вот Тургенев напоминал о красоте русского языка. Кажется, общеизвестное, но напомнить нужно было. Да и теперь не мешает повторять этот «труизм». Пострадал русский язык, много где искалечен. Забыть-то легко, а вспомнить трудно. Вообще, словари зла разрослись, а словари добра скорчились.

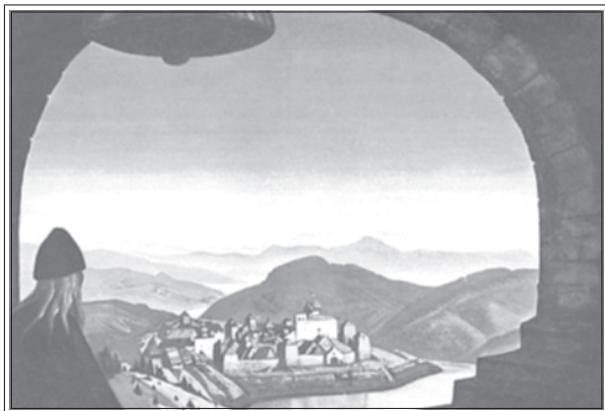
Листы дневника. Т.3. 17 октября 1946

Н.К. Перих. Голубинная книга. 1922 г.

«К умной трезвости духовной»

Н.К. Перих. Земля Всеславянская. 1931 г.

Что понимал Филиппок?

Евангельское Слово, которое со времён апостолов пишется с большой буквы, это совсем не то, чем мы пользуемся в повседневном общении. Более того, в понимании отцов Церкви многоглаголание составляет один из серьёзных человеческих грехов. Болтовня, суесловие, чесание языка и другие «дурно пахнущие мёртвые слова» (Н.Гумилёв) не имеют отношения к тому высокому понятию, которое несёт в себе смысл высшей истины. Не зря в народе нашем сложилась поговорка: «Слово – серебро, молчание – золото», а монахи, в том числе и преподобный Андрей Рублёв, нередко принимали на себя обет длительного молчания. Одним из таких молчальников современности является известный в миру поэт Иеромонах Роман.

Когда же слово приобретёт черты Слова? Во многих случаях мы можем констатировать, что этот душеспасительный подвиг исстари брала на себя великая русская литература и была на уровне своих обязательств. По мнению Гоголя, струи самородного ключа нашей поэзии пробивались и пробиваются в наших песнях, в наших пословицах и «в самом слове церковных пастырей – слове простом, не-красноречивом, но замечательном по стремлению стать на высоту того святого бесстрастия, на которую определило взойти христианину, по стремлению направить человека не к увлечениям сердечным, но к высшей, умной трезвости духовной». Будучи глубоко православным верующим, Гоголь указывает на слово христианских пастырей, но вряд ли стоит сомневаться, что духовные отцы других конфессий России также напутствовали своих прихожан на высокие дела и свершения. Сходные идеи проповедовал и другой современник Гоголя – профессор Степан Шевырев: «В Слове... выражается душа народа».

Это понимал на своём наивном уровне и деревенский мальчишка Филиппок из толстовского рассказа, самостоятельно отправившийся в школу для того, чтобы научиться грамоте. И сельский учитель не прогнал будущего читателя, а распознал, к чему тот неуклонно стремится, и показал буквы нашей азбуки, данной нам святыми Кириллом и Мефодием.

Таким образом, именно письменное слово, закреплённое буквами на бумаге, приобретало в культуре России особый сакральный смысл. Желающих поговорить о чём-либо, так сказать, мастеров разговорного жанра у нас хоть отбавляй. А серьёзная литература пребывает в некой резервации, особенно в коммерческих издательствах, на телевидении и в книжных магазинах. Поэтому проведение Года чтения представляет собой ответственнейшуюнаци-

нальную задачу, и если мы упустим этот шанс, наверстать упущенное будет поздно.

Щебетанье щегла и колпак колдуна

Классик австрийской литературы А.П.Гютерслу однажды сказал, что «язык обладает проклятой склонностью к правде». Склонность к правде, в общем, понятна. Дело в том, что на протяжении эпох во всей мировой литературе существовала и самореализовывалась глобальная тенденция соответствия жизни и правдивого отражения действительности. То, что мы называем реализмом. Некоторые понимают реализм чересчур примитивно: дескать, это буквалистское следование внешнему ходу вещей. На самом же деле реализм есть максимально полное отражение бытия во всех его формах и проявлениях, выявление тех сторон мира, которые соответствуют Божественному Замыслу.

А вот это сделать уже трудно. Для полного и подлинного реализма требуется несгибаемое мужество, честность, готовность идти до конца, несмотря на все препоны и препяды. А ведь сильные мира сего не желают видеть жизнь такой, как она есть. Быть правдивым опасно, но необходимо. Именно поэтому Гютерслу назвал склонность языка к правде «проклятой», а Василий Шукшин выдвинул формулу, которая до сих пор понятна не всеми: «Нравственность есть правда». Литература обязана говорить правду, иначе она перестанет быть литературой, по крайней мере – народной литературой <...>

Разумеется, что многие беды и болести художественного слова обозначились не сегодня и не вчера. Ещё в 20-30-е годы вместе с коммунистической идеологией и эстетикой в наше общество были занесены микробы порчи языка. Немыслимые сокращения и аббревиатуры, канцеляризмы и нелепые неологизмы заполнили пространство устной и письменной речи (свидетельства этого можно увидеть, например, в прозе А.Платонова и М.Булгакова, М.Зощенко и Л.Добычина). Опасный крен наблюдался и в сфере поэтической стилистики: всевозможные сбрасыватели классики с корабля современности торопились внедрить в стихотворный обиход наскоро смоделированные и изобретённые блоки. Но уже в середине XX века зазвучали голоса в защиту первородного русского слова:

*И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?
Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.
Тот, кто жизнью живёт настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.*

Николай Заболоцкий. «Читая стихи»

Настоящая литература должна возвратить себе ту значимость и роль, какие были у неё в 70-80-х годах, когда писателей считали учителями жизни, а на встречи с Ю.Бондаревым или С.Залыгиным в студию Останкино набивались полные залы, и рейтинг передач был запредельным. Но что же для этого нужно сделать в рамках того же Года Чтения?

Литературная газета. – 2007. №12.

Польза красоты и красота пользы

Я ещё застал время, когда мезенские девки-хороводницы пели на вечорках:

...Да вынимала да петербургское сукно,
Да я кроила да всё прикраивала
Ай да ко кафтану, да приговаривала:
«Ай да уж ты будь, кафтан,
не долог, не широк,
Ай да по подолику расструбистый,
Да по серёдке да пережимистый,
Да по плечикам будь охватистый,
Да молоду князю прилюбистый...
Да чтоб легохонько ему
на конике сидеть,
Да хоробренъко на коничке скакать...»

Отчего так необоримо в народе движение к живому слову, откуда в человеке живёт неискоренимая страсть к украшательству речи? Нет бы стремиться к простоте, достичь той краткости, когда, казалось бы, хватает одного коренного слова, чтобы выразить чувство. Некоторые критики и призывают к этой краткости, видя в ней будущее. «Но ведь иная простота хуже воровства». И подпоркой подобному мнению развелось нынче множество подельщиков литературы, кого раньше и на порог Союза писателей не пускали, а они нынче балом правят, да ещё пытаются, через губу разговаривают с именитым в прошлом писателем, де, старый ты огрызок, твоё время минуло, не суетись под ногами со своей «художественней стяпнёю». У подобных подмастерьев выпала из книг живая жизнь, а значит, и выпало живое слово. Это что, подобные «письмоводители» станут охранять русское слово? Да они, как компьютерные мыши, обгадят его, повыгрызут со всех сторон да и, пересмешничая, переменят на «латинский»...

Украшение жизни – вообще свойство русского человека, он не хочет прозябать в скучности чувств: его земляная натура, его биологические привычки продления рода постоянно натыкаются на препятствия духа, живой его души, неумираемой и бунтующей. И неслучайно ведь «косьё в землю, а душа в небеса». Извечный конфликт, противоборство красоты и пользы, но именно «деревенщина» достиг гармонии, высшего равновесия, найдя пользу красоты и красоту пользы. Он не сыпал Закона Правды, домогаясь и размышляя над ним, но отыскал пользу красоты и красоту пользы. Крестьянин творил красоту по сердечно-му желанию, он дышал ею как воздухом, зачастую и не понимая значения слова «красота». «Хорошо, и всё тут». Отсюда и нежелание его говорить в простоте, постоянное украшательство речи, отсюда в такой цене баюнки и сказочки, отсюда в такой чести мастерица красно сказать и жалостно выпить, отсюда такое богатство песенное и былинное (более двухсот томов). Всё оно изошло из сердечной жажды испить из святого родника. Я знал женщин, которые говорили лишь присловьями, нимало не понуждая себя, не насилия придумкою. «Красно укращенное слово» – это сердечный праздник.

Много ли в городском обиходе понятий слова «лёд»? Ну, два-три, и голова наша споткнётся. Ведь так легко обойтись этим запасом. Но только у Белого моря подобных родственных слов более пятидесяти, а по всей Руси Великой станет и далеко за сто. Для ветра в Поморье нашлось у народа сто пятьдесят сравнений... Для снега – шестьдесят пять образов. (Но, увы, большинство этих слов упрятано суровыми охранителями языка в убогое диалектное стойло). Значит, живёт в русском человеке неясное томление усложнять, богатить язык. Сам народ добивается в своей речи той «эссенциозности», за которую критика частенько хулит писателя, считая это недостатком литературного пись-

ма: де, слишком кудревато, непонятно, надо в словарь лезть. Народ бежит от словесной простоты, видя в ней сокрушение душе, тайную проказу, душевную погибель, ту сердечную немоту, когда победу торжествует самое низкое, казарменное, нищее слово. (Что и видим на нашем телевидении, подавшем под власть «образованца» и ростовщика). Само красноукрашенное слово, его винная возбуждающая крепость имеют воспитательную сердечную силу, которой в большинстве и бывает достаточно, чтобы подвигнуть, возбудить душу. Мысль часто уступает дорогу чувству слова, его оттенкам, красотам и энергии, ибо нравственность, порядок жизни вырастают именно из чувства, из правды чувств, из философии чувств, которые хранятся, консервируются и передаются в поколениях через слово. Слово – живая благодатная эссенция чувства, отсюда и тяга к красноукрашенному слову...

А пространственная, полноводная и вместе с тем вольная, как река, фраза наша, откуда она? И неуж кто решит, что она явилась к нам с Запада, как некий дар иной культуры? Да нет же, это наше богатство, доставшееся в наследство из тьмы веков. В насыщении метафорой, в музыкальном, вольном сочинении слов, в глубоком дыхании и песенном ритме строки нам открывается характер народа, раскованность его натуры, когда тебя не понукают и не гонят под плетью, как раба, на галеры, но есть возможность в доверчивой беседе не только высказать чувство, но и выпить его. «Слово о полку Игореве» не поэма в назидание, но ритмическая многообразная повесть, писанная в духе того времени, в его обычаях, одна из многих погибших, чудом восставшая из пепла.

В эти же примерно годы Даниил Заточник пишет князю своему: «Ибо я, княже господине, как трава чахлая, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не ограждён я страхом грозы твоей, как оплотом твердым... Ибо, господине, кому Боголюбове, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы черней; кому Лачеозеро, а мне на нём живе, плач горький; кому Новегород, а у меня в доме и углы завалились, так как не расцвело счастье моё».

Бот и плачет, будто жалуется на невыносимость жизни, но каков строй его послания, сколько духовности и вместе с тем твёрдости натуры. И не прочитывается ли за этими строками будущий огнепальный Аввакум с его постоянно задавленной истерзанной гордыней и мукой за Русь?..

Кто решит, зачем понадобилось затворнику так изучарашать свой плач, превращая его в цветник? Да потому лишь, что тогда верилось в необычную, бесконечную жизнь слова, в его красоту, его притягательность и целиительную силу, а русский язык ещё не знал препон и не чуял грядущей затяжной борьбы за своё существование на родной земле. Тут недалеко и до причета, до того языческого плача-просьбы к богам, из которого родилась обрядовая песня. Сложная цветная метафора, её сгущённость – не от ложной напыщенности сердца, не от безделья и не от тупости ума, но от глубокой веры, переполнявшей душу затворника.

Язык – народ, слово – его душа. Душа писателя переливается в его строку; письмо и душа – два сообщающихся сосуда; чем полнее душа, тем полнокровнее слово. От простого к сложному – путь всякого мастера. Но не наоборот, как пытаются нас уверить казённые «охранители» языка.

...Истоки наших творческих желаний, как и сам характер, надо искать в исторических корнях. Так и строй нашего письма имеет сугубо национальную историческую основу и не подлежит переделке.

Литературная газета. – 2007. №10.

Борис Николаевич Абрамов

ПОБЕДА ДУХА

Вот стоит Человек, а вокруг него беснуется толпа. Он стоит совершенно спокойно и с чувством глубокого сострадания и жалости смотрит на озверевших людей. Толпа беснуется, рычит, в него летят плевки и камни и сыплются удары. Вой, визг, свист, улюлюканье, крики; зверь вырвался из клетки, зверь беснуется и изрыгает потоки проклятий, хулы и ненависти на одиноко стоящего Человека.

А вот другая картина. Стоит притихшая, безмолвная толпа; головы низко опущены, скорбь придавила к земле; молчат. А над ними, на трибуне, беснуется человек – их тиран и повелитель. Он угрожает и сыплет проклятиями. Он творит суд и расправу. Одних посыпает на казнь, других в рабство, третьих на позор и разорение. В бешенстве злобы он неистовствует, а они молчат, они беззащитны, им нечего говорить, и не для чего.

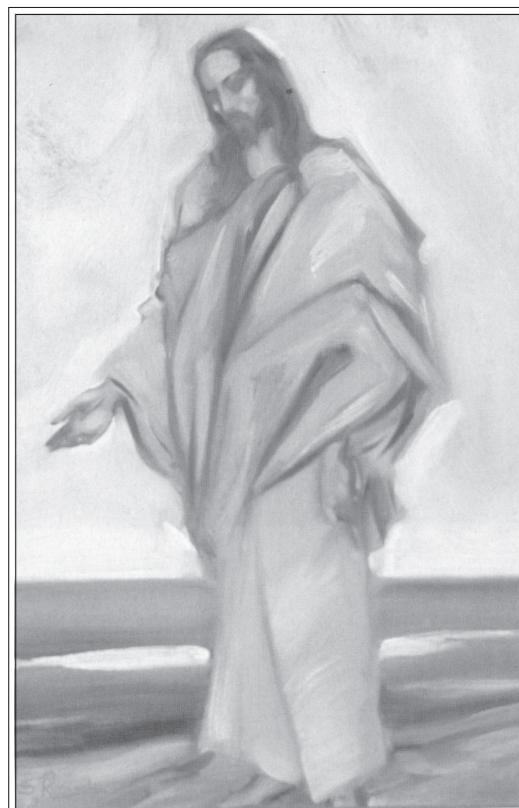
Что же произошло в том и другом случае?

Случай первый: мир внешний, материальный мир, обрушился на Человека, тысячи злобных энергий устремились на него, чтобы раздавить и растерзать его, чтобы смести его с лица земли. Но если он может и имеет право сказать: «Идёт князь мира сего, но не имеет во мне ничего», то весь вихрь злобных энергий останется при толпе, и толпа пожнёт весь мир соответствующих этим энергиям следствий. А Человек? Человек остался свободен, он и его сущность ничего, абсолютно ничего не потеряли в этом страшном поединке. Он остался свободен, незапятнан, он не породил страшных следствий. От него не протянулись и не были им порождены страшные нити разрушения. Он победитель мира, жизни и себя.

В то время как во втором случае весь ужас страшных следствий ложится на голову обезумевшего тирана, породившего ряд тяжких причин, платить по которым и испытывать до дна которые будет он сам.

Итак, совершенно неважно, как устремляется на нас окружающий мир. Любят ли нас или ненавидят, хвалят или осуждают, хорошо вокруг или плохо, больны ли мы или здоровы, повторяю – не это важно, а важно то, как реагирует наше сознание на окружающее. И если оно не вовлекается и не реагирует в унисон на вихрь внешних отрица-

тельных энергий, то оно остаётся свободным. И не то важно, что входит в человека, ибо нельзя оградиться от внешнего мира, но важно, необычайно, неизмеримо важно то, что исходит от человека. За первое он не ответствен и не порождает кармы, а лишь исчерпывает её. За второе ответствен он, как активно порождающий карму и утверждающий бесконечный ряд следствий каждой от него исходящей мыслью, словом и действием.

C.H. Perkh. Христос у моря Галилейского. Эскиз.

Альфред Петрович Хейдок

МАЙЯ

Как знакомо это слово всем, углубляющимся в Учение Агни-Йоги.

«Майя» – это иллюзия, как будто всё очень ясно. Но истинный, я бы сказал, «страшный» смысл Майи раскрывается лишь при дальнейшем знакомстве с сокровенной историей человеческой культуры. По мере углубления раскрывается потрясающая картина человечества, укутанного, как в клубы чёрного дыма, в Майю, где оно мечется и терзается, обманутое Майей, то есть ложными концепциями, ложными, но манящими целями, которые издали кажутся такими правильными и красивыми...

«...Многое строится совершенно реально, лишь гонимое миражем. Майя иногда может быть сильнейшим двигателем.» (Аум, § 125).

Её приятно считать иллюзией, самообманом, чем-то кажущимся, ненастоящим. Мы окружены ею и живём в ней, не сознавая этого.

В раннем детстве я увидел над собою голубой купол Неба и самую высокую его точку прямо над своею голо-

вой. Края этого купола спускались совсем недалеко от меня, казалось, за дальними холмами. Сосед-балагур даже уверял меня, что женщины, живущие у самого края горизонта, после того как поработали над бельём вальками, засыпывают их на ночь за край неба. И я этому верил.

Когда же мать посадила меня в телегу и повезла к девушке, живущему в десяти верстах от нас, я крепко надеялся, что поездка приблизит меня к краю Неба, но когда увидел, что вершина Неба по-прежнему оставалась прямо над моей головой, а край Неба ничуть не приблизился, был жестоко разочарован. Приносить разочарование – свойство Майи.

В том же возрасте я любил, лежа на спине в траве, устремлять взор на гряды плавающих в Небе облаков. Они принимали причудливые формы, образовывали фантастические горы, кручи и долины, построенные из нежной ваты. Я мысленно скакал по этим горам и кувыркался по кручам с огромной высоты на нижележащие пуховики, зная, что не разобьюсь. Это было так восхитительно, и ныне, когда со-

временный самолёт заносит меня в облако, где серый туман застилает иллюминатор, мне жаль разбитой мечты детства, жаль красивой Май и кувыркающегося в облаках мальчика.

Солнце всходило и заходило, и я верил, что оно двигается, а Земля неподвижна; я верил, что изливающее сияние голубое небо бездонно и нет ему конца. Но школьный учитель на уроке географии обескуражил утверждением, что те весёлые, бесчисленные огоньки, которые вечерами загорались на небе и гасли утром, – вовсе не огоньки, а громадные миры.

Опустошение моих детских представлений, которые были так красивы и поэтичны, завершили космонавты, указав, что голубизна неба всего лишь слой атмосферы, за которым начинается чёрная бездна Космоса.

Но существуют иллюзии, которые, благодаря своей обманчивой очевидности, трудно искоренить из человеческого сознания. К таким относятся Пустота, Тишина и Смерть. Эта Троица не менее обманчива, чем уже перечисленные проявления Майи, хотя и кажутся незыблыми. Но не будем голословны.

Вы сидите один в комнате: взор ваш скользит по знакомым предметам и видит между ними большое пустое пространство. Вы согласны, как говорится, дать голову на отсечение, что в комнате кроме вас никого нет, но ясновидящий, если таковой был приглашён, увидел бы в этой комнате многих существ, имеющих как человеческие, так и другие формы. Может быть, там, где стоит Ваша кровать, он увидел бы цветущий куст и другие подробности пейзажа. Это формы Тонкого Мира, окружающего нас, отношение с которым может быть охарактеризовано словом «взаимопроникание». Только ограниченность зрения наших физических глаз не позволяет нам видеть этот окружающий и пронзывающий нас мир. Он становится видимым для людей с частично или полностью раскрытым духовным зрением. Таких людей не так уж мало, в частности, к ним принадлежала Евгения Сергеевна, моя жена. Находясь вместе со мной в комнате, она иногда приглашала меня полюбоваться дивными цветами, которые она видела в Пространстве перед собою. Я устремлял взор в указанном ею направлении, но ничего там не видел, так как обладал только обычным, так называемым нормальным зрением. Это не галлюцинация, ибо такие цветы могут быть извлечены из Пространства и могут стать доступными пяти чувствам присутствующих. Такой именно случай описан в книге Елены Петровны Блаватской, в первом томе «Разоблачённой Изиды».

В постоялом дворе странствующая буддийская монахиня увидела в руках Елены Петровны только что сорванные цветы. Монахиня выразила сожаление, что без надобности загублены земные цветы, тогда как можно пользоваться цветами Тонкого Мира. В доказательство своих слов она села на землю и стала производить какие-то движения в Пространстве, сопровождая их молитвами, и цветы появились, и монахиня передала их Блаватской.

В книге известного французского писателя и исследователя индийской древней литературы Луи Жаколио «Чудеса факиров» имеются ещё более впечатляющие примеры. Связанный долгой дружбой с Луи Жаколио, факир вызывал в комнате писателя целый дождь цветов, которые слоем покрыли пол. В добавление он ещё вызвал душистый ароматный дождь и многое другое.

Существование миров, взаимопроникающих друг в друга, где материя отличается частотою своих вибраций, – факт, который должен усвоить каждый желающий приблизиться к Истине.

Ограниченностю наших пяти чувств позволяет нам ви-

деть лишь ничтожную часть окружающей нас Вселенной, тайны которой мы призваны и должны постепенно раскрывать, находя в этом процессе раскрытия счастье познания. Эту ограниченность нужно устранять расширением сознания, включающим не только изощрение уже имеющихся у человека органов восприятия и связанных с ними способностей, но и раскрытием в себе новых органов и новых возможностей. Расширенному сознанию доступно видеть невидимое, слышать неслышимое. Такими обладателями расширенного сознания являются Великие Учителя Шамбалы, далеко опередившие нынешнее человечество в раскрытии своей духовной мудрости. Они хранители Истины, в нужное время снабжающие человечество новыми философиями, религиями и научными открытиями. Мои высказывания в настоящем очерке основаны на Учении Живой Этики, данном Великим Учителем Шамбалы – Майтреем, на которое я ссылаюсь как на незыблемый Авторитет. В подтверждение сказанного мною о Пустоте и невидимом Пространстве привожу точную выписку из книги *Беспределность* (§80), входящей в серию Живой Этики.

«Безмолвие может быть полно голосов, и темнота может быть полна света. Потому тот, кто будет считать Пространство ненаполненным, тот не будет представлять себе ту мощную жизнь явленного Безмолвия как высшую Речь Космоса и невидимость как явленный Глаз Космоса. Нерушим закон Космоса, и даже люди приняли Безмолвия Глас. Там, где речь видимая бедна, там гласность сердца утверждает безмолвие. Космос в своей безмолвности являет речь сердца, и уловим Космический Глас.

Чуткость и настороженность могут помочь явить служ Гласу Безмолвия. Красота Космоса выражается безмолвенно. Красота Безмолвия выражается во всех высших проявлениях жизни. Научимся слышать Безмолвие! Беспределность Космоса породит явление Безмолвия».

Этот параграф, как вся эта удивительная Книга, глубоко насыщен мудростью и раскрывается в своей полноте лишь тому, кто устремляется и ищет. Чтобы помочь такому искателю, мы внесём пояснение термина «Голос Безмолвия» и добавим комментарии, раскрывающие глубину этого параграфа. Комментарий этот сообщён упомянутым «Голосом Безмолвия».

«Безмолвие (физическое) может быть полно (тонких и огненных) голосов, и темнота (для физического глаза) может быть полна (надземного) света».

Совершающий постыдные действия и считающий, что он делает это без свидетелей, – ошибается. Множество невидимых свидетелей наблюдают, сочувствуют или негодуют, пока кто-то пребывает в иллюзии одиночества.

Совершающие героические деяния часто полагают, что никто никогда об этом не узнает и никто никогда не оценит их самоотверженность.

«Пространство видит и слышит», – совсем неотвлечённо утверждает Учитель.

Нужно идти в полном сознании того, что мы живём как актёры на сцене: они не видят множества зрителей, скрытых в темноте зрительного зала или смутно различают лишь передние ряды. Но не только наши внешние поступки наблюдаются – все побуждения, предшествующие им, вся борьба, весь комплекс чувств и мыслей наблюдается и оценивается большим количеством присутствующих, относительно случайно связанных с нами и кровно заинтересованных.

Как же расценивать тот факт, что среди последователей имеется немало таких учеников, которые знают и безусловно верят сказанному: «Вижу тебя среди дня и ночи» – и всё же совершают мерзкие поступки!..

Пространство не только являет собою зрительный зал, но также хранит записи нашего действия, желания и мысли. И эти записи несравненно более совершенны, чем любой рекорд самого современного магнитофонного рулона.

Пространство, в котором мы живём, не только не пусто или не наполнено, но оно, как свидетельствует Учение, переполнено. Оно переполнено глазами злобными и добрыми, злорадствующими, осуждающими, подстрекающими, но оно также полно глазами предостерегающими, страдающими, переживающими наши слабости и ошибки, силящимися помочь нам там, где возможно. Там, в глубине внешнего безмолвия, бушуют сильнейшие громоверхие энергии, там складывается наша судьба, там решаются основные повороты нашей жизни. Там сталкиваются в смертельном поединке наши прошлые мерзкие накопления и наша нынешняя воля, рождённая высшими притяжениями. Там, в глубинах безмолвия, звучат призывающие голоса Зовущих, и Голоса Безмолвия могут быть услышаны и при жизни на Земле. Для этого и дана Великая Огненная Йога, чтобы восстановить утраченную расами, развилими интеллект, связь с Иерархией Света, с Матерью Мира, чтобы человечество могло вернуть утраченную улыбку Владычицы Жизни. Какое же открытое Свету сердце не затрепещет, услышав потрясающую весть о возращении людям всех возможностей, заключённых в их шестом принципе – упадхи (носителе) великой Атмы! Воистину – наступает эпоха небывалая! Огненные волны, волны пространственного огня наполняют Буддхи и спешат на помощь Высшему Манасу, ведущему смертельный бой со своим непокорным собратом Манасом низшим. Наводняя последний энергиями подземных страстей, четвертый принцип, или астрал, не хочет выпустить человечество из своих объятий. Тонкая нежность Венеры – Буддхи – скрещивает свой магнитный меч с магнитными мечами Марса, и луч последнего «будет залит лучами Свати» (Венеры).

Ужасный скрежет мечей и леденящие душу вопли и стенания, взрывы чистых зарниц Огня и вспышки оранжевого, красного и чёрного пламени совсем не отвлечённость для уха открытого Гласу Безмолвия, и глазу, открыто му Невидимости Космоса.

От Тонкого, ближайшего к нашему плану мира до самых высоких миров восходит наш слух к восприятию высших вибраций. От самых близайших, доступных интеллекту истин до высочайших откровений, уже не вмещающихся в чашу рассудка, но доступных восприятию сердца, – до самых беспредельных высот, страница за страницей, раскрываются нам тайны Космического Безмолвия. После Огненных звёзд и вспышек Света.

«Услышишь Голос Учителя Незримого», и этот Голос из Великого Безмолвия, как мощный поручень, устремит человечество на высоты духа.

«Речь Космоса» – «Сладковзвучный Голос Кормилицы Вак» непосредственное восприятие учения из первоисточника сделает относительно ненужными для подвижника священные книги.

Порадуемся за тех, кто научился слышать Голос Безмолвия, Голос Беспредельности, Голос Великой Матери и Её Иерархии. Заканчивая путь блужданий, монада его находится на верном и близком пути возвращения в своё космическое лоно.

Космос во всех своих сферах представляет собою горнило кипящей жизни. Нет такой точки Космоса, где могла бы приютиться абсолютная пустота. И, тем не менее, сияющее звёздами Небо представляется человеку безмолвным, а Пространство перед его глазами в ночной спальне кажется абсолютным мраком. Это происходит не потому, что

существует пустота, а потому что в человеке отсутствуют те органы, которые могли бы воспринять тот диапазон волн, в пределах которого бушует жизнь определённых слоёв материи. Именно поэтому эти сферы остаются незримыми, неслышими, неощущимыми. С ростом и утончением сознания расширяется диапазон слуха и глаза. Сознание растёт беспредельно, и органы восприятия могут расширять приём информации беспредельно. Не может ухо человеческое вместить всю беспредельную мощь звучания Космоса. По мудрости построения эволюции такое восприятие исключается, ибо такое восприятие привело бы к мгновенному разрушению. По мере роста сознания растёт и объём информации: по мере роста органов восприятия и их утончения увеличивается Видимость и Слышимость космических светов и звучаний.

Тайна, безмолвие и невидимость охраняют рост сознания. И всё же растущий человек может видеть и слышать гораздо больше того, что он видит и слышит. Особенно много он может чувствовать и понимать сердцем. С развитием сердечных центров человек начинает слышать громы высших центров и видеть могучие видения высших духов.

Отметим сгущение мрака перед вспышкой надземных светов. Отметим нарастание тишины перед проявлением великих звучаний.

Известный Вам йог восторгался красотою безмолвия тибетских гор и жалел о времени, когда оно будет нарушено звучанием радио. Так же перед наступлением великих звучаний все несовершенные шумы должны замолкнуть. Это верно во всём диапазоне человеческих восприятий. Не может человек услышать высшие откровения, если мысли его будут погружаться в суетолоку жизни. Он должен найти в себе силы уйти от неё, прежде чем приобщиться к волнам Высшей Космической Жизни. Он должен научиться слышать Безмолвие, представляющее собою высшую речь Космоса или, как говорили, «Божественный Глас».

Космическое Пространство переполнено «радиостанциями», излучающими высокую информацию. «Приёмники» этих «радиоволн» находятся во владении каждого человека. Но прежде чем эти «приёмники» космической мысли начнут работать, к ним необходимо подвести ток высших энергий, и этот ток рождается в высоких и широких чувствах, в тех чувствах, которые призваны заменить чувства эгоистические. Токи высших планов Бытия питают приёмники станций Пространства.

Конечно, если существует Беспредельность, то всегда будет существовать зона Безмолвия и Невидимости, ибо всегда будет нечто непознанное, неувиденное, неуслышанное. Легко понять, что высшие звучания Космоса должны оставаться неслышими даже для развитого уха, и высшие звучания Космоса потому могут быть названы Глазом Безмолвия, но как понять, что высшее явление незримости называется Глазом Космоса?

Высшие сияния будут теми достижениями, которые стоят на учёте ближайших будущих завоеваний человеческого духа. Про них можно сказать, что они пока что невидимы, и это значит, что видение их надвигается. «От малых искр до огненных видений» – так намечается развитие зрения Агни-йога.

Кто больше видит, тот больше душою и разумом. У того и аура светоноснее. «Всевидящее око» есть символ Высочайшей Иерархии. Приближение высшей ауры вызвало страшное потрясение у такого Великого Духа, каким был Преподобный Сергий. Всевидящее Око обычно изображалось заключённым в треугольник – символ Святой Единородной и Нераздельной Троицы, символ Огня или Бога, как было разъяснено выше.

Б.А. Смирнов - Русецкий. Без названия. 1976 г.

Там, где многие полагают безмолвие, можно слышать высокую информацию, и там, где предполагается полная пустота и отсутствие чего-либо, способного осветить эту тьму, может находиться Источник Высочайшего Света. Зрение и слух – в нас самих, в наших приёмниках, работающих на высоких токах.

Нет ни темноты, ни безмолвия! Космос беспределен во всех измерениях, и потому если Космическая жизнь беспределна, то и звуковые, и световые проявления её также не могут иметь предела. Нет предела достижения человеческого восприятия, но на данный момент этот предел имеется. На данный день человеческое восприятие ограничено определённым пределом, за которым начинается безмолвие и темнота. Однако по мере роста и утончения сознания безмолвие наполняется новыми необычными звучаниями, и в темноте вспыхивают новые необычные света. Не ошибёмся, назвав эти проявления высшими по сравнению с достигнутыми. Так на пределе достижений перед новым шагом в Беспределность материи мы становимся лицом к лицу с безмолвием и темнотой, и всё наше знание, которое ещё вчера казалось нам столь всеобъемлющим, начинает казаться настолько ничтожным, что вместе с философом мы готовы воскликнуть: «Я знаю только то, что я ничего не знаю».

Но тот, кто осведомлён о главном Законе Космоса – Беспределности всех его проявлений, – остановится на пороге безмолвия и затрепещет предчувствием нового откровения. Сердцем своим, чувствованием, прежде всех восприемников затрепещет от приближения новых звучаний и новых огней, от приближения тех новых энергий, которыми человеческое существо восходит на новую, высшую ступень восприятия. Гром, как символ наиболее мощного звука, и молния, как проявление наибольшей вспышки огня Пространственного, представлялись яснослышащим и ясновидящим символом Высшего Божества или его персонифицирующих сил. Громы говорили с автором Апокалипсиса, и как молния ожидался приход последнего Учителя. Цвет, звук и аромат – эти краеугольные камни синтеза жизни исходят, в конечном итоге, из её сознательных центров. Все высшие звучания и огненные проявления, конечно, связаны с приближением иерархических сил. Отсюда и выражение «от первых искр до огненных видений» – от первых редких слов, фраз до постоянно звучащего Голоса Безмолвия – Голоса Учителя Незримого. Отсюда утверждение Оригена: «Глазами сердца видим Бытие».

Именно глазами и ушами сердца, в котором заключены наивысшие силы Огня – наивысшие силы духа, мы, прежде всего, ощущаем приближение высших космичес-

ких сил. Центр всех жизней – Космическое Сердце, естественно, прежде всего, ощущается сердцем и лишь после этого делается достоянием прочих центров.

Все мечтают слышать Голос Учителя или Голос Беспределности, но не знают, как приступить к этому. Учение указывает: «Чуткость и настороженность могут помочь явить слух Гласу Безмолвия». Конечно, прежде всего, нужна подготовленность сердца и сознания. Мысль человека является родство мысли пространственной, и зов возлюбленного непременно принесёт ответ возлюбленной. Восхищение Красотой Безмолвия непременно принесёт, как в открытое окно, голос восхитившего.

Ограничение «видимой» речи рано или поздно заставит обратиться к речи сердца, и такая молитва сердца достигнет скорее всего Сердца Вселенной.

Восхищение Красотой Космоса, восхищение Красотой Беспределности выражается безмолвно.

Все высшие проявления жизни при попытке выразить восхищение ими внешними средствами упираются в потолок возможностей, за которым начинается Речь Безмолвия, за которым начинается несказуемое.

Конечно, Беспределность не может быть выражена предельными средствами. Где же те сосуды, которые могут вместить все океаны Земли? Что же сказать о беспределном океане Огня?

Предостережение:

Слышание Голоса Безмолвия или Голоса Учителя Незримого является высоким достижением высоконравственного, устремлённого искателя Истины, установившего духовную связь с избранным Иерархом. И обычно требует долголетней подготовки. Но жизненный опыт и практика дают нам примеры, когда малосведущие и не отличающиеся нравственной чистотой люди начинают слышать какие-то голоса, выдающие себя за великих учителей и высоких духовных наставников. Это голоса лжеучителей, лже-пророков, пребывающих в Тонком Мире, а иногда и в физическом, желающие привлечь к себе слушателей, чтобы использовать их для своих тёмных, разрушительных целей.

В своих сообщениях они часто проявляют невежественность, сообщают обманчивые сведения, чем и выдают свою принадлежность к тёмным силам. Иногда они проявляют некоторое знание и даже некоторое предвидение недалёкого будущего.

Не смешивайте голоса астральных лжецов с Голосом Безмолвия, Голосом Космического Разума!

Нигде Майя, облекшаяся в обманчивую очевидность, не проявляется с такой потрясающей силой, как в явлении так называемой смерти. Сколько отчаяния, рыданий и слёз проливаются над умершим! Какой холодный ужас испытывают многие люди перед приближением к смерти, считая её пределом своего существования, полным разрушением и уничтожением! И всё это лишь потому, что они или не знают о существовании своей бессмертной души, или не верят в неё и отождествляют себя со своим физическим телом. Это те, кто твердят: «Человек живёт только один раз». Говоря это, они произносят величайшую ложь.

Освободить человека от ужаса смерти может только познание Истины, что при смерти душа человека не умирает, а переходит в Тонкий Мир, откуда по истечении некоторого срока снова возвращается на Землю в теле новорождённого ребёнка.

Прав поэт, восклицающий:

*Сотни раз мы умирали
И рождались сотни раз.
Смерть в Космической скрижали –
Лишь обманчивый мираж.*

Подкрепим сказанное словами Высочайшего Авторитета из книги «Беспредельность» (§ 70):

«Как тяжкий рок висит над человеческим сознанием мысль о смерти. Как неминуемая чаша стоит призрак смерти, и, пройдя весь жизненный путь, дух приходит к заключению, что здесь нужно кончать явление жизни. Таково хождение духа, разобщённого с Космосом.

Не зная начала и видя лишь конец, дух разобщённый проходит жизнь беспечно. Но заслужить каждый может Бессмертие, приняв в сознание Беспредельность. Неустрашимость перед концом и устремление к Беспредельности даст духу то направление к сферам Космической неограниченности. Утвердитесь в принятии Бессмертия и в каждое действие вложите искру творчества космического огня. И рок тот беспощадный превратится в один зов космической жизни. Наш великий справедливый закон участниками мировых явлений вас избрал! Осознайте бессмертие и космическую справедливость! Уготовлена каждому прекрасная ступень. Найдите путь мышления Бессмертия!»

К вышеприведённому параграфу «Беспредельности» дан следующий комментарий.

«Ужас смерти – тяжкая Карма за её разобщение с Космосом. Грубые материалисты, решающие, что они живут только раз и что поэтому необходимо урвать у жизни как можно больше наслаждений, в погоне за этим призраком идут на преступления перед законами Космическими и человеческими, ввергая себя в тюрьмы и болезни, а то просто лишают себя жизни на эшафоте или в госпиталях».

Но главное, такие прожигатели, заглушившие голос духа, теряют чувство ответственности и создают себе тяжёлую Карму. Вместо накоплений, они растрачивают и то, что было накоплено прежде. Как свиньи, зарывшиеся в землю в поисках пищи, люди, утратившие связь с Космосом, люди, отошедшие от йоги, зарываются в землю в поисках наслаждений. Еда, питье, половые утехи, накопление материальных ценностей, тщеславие, роскошь – все эти «цели» существования, так свойственные дегенерирующим поколениям уходящей расы, являются беспечальными блужданиями для духа, идущего путём подвига самоусовершенствования, путём умножения и утончения духовных сил. Всё это – распыление, растрата, накопление кармических ударов. Все они под постоянным гнётом надвигающейся неумолимой гибели. Сколько страданий, сколько мрачных мыслей порождаются ужасом смерти! И все они могут и должны быть сняты, как паутина, у того, кто примет в сознание своё беспредельность и вместе с нею – своё бессмертие. С этого принятия и должен начинаться истинный путь. Готовность принятия полной чаши Учения немыслима без утверждения в сознании непоколебимого верования своей беспредельности, своего бессмертия и неустрашимости перед окончанием пути, каким бы страшным этот конец ни казался! Многие цепляются за Учение именно потому, что оно обещает бессмертие. Это приносит им утешение, но всё же многие из них пугливо оглядываются на надвигающийся ужас и плохо верят в обещания Авторитетов. Многие полагают, что религии созданы для утешения перед ужасом смерти.

Ученик должен не только утвердиться в своём бессмертии, но во все свои действия, во всё своё творчество вносить искру творчества космического Огня, единого для всей Вселенной, того огня, частицу которого каждый носит в себе и которая с непреложной убеждённостью гарантирует неуничтожимость нашей Сущности и её бессмертие. Когда ученик начинает жить не только своею текущей временной жизнью, он начинает жить своими будущими жизнями. Он говорит, например: «Как бы я хотел в, своей будущей жизни быть композитором», а многие начинают ос-

мысливать своё существование на высших планетах и даже думать о том времени, когда они сами начнут творить Миры. Вместо бесконечного трепета перед беспощадным Роком и оплакивания кончины близких, человек проникается радостью перед возможностью обновления своих дряхлеющих и рассыпающихся форм.

Волей Великой Кармы каждый ученик Агни-Йоги избран участником мировых событий построения Новой Расы. Великая многотысячелетняя работа развернута перед ним, и совершенно непристойно предаваться ему ужасу перед обновлением.

Нужно верить в Космическую справедливость, уготовавшую каждому из подошедших лучшую, несравненно более прекрасную ступень, путь к которой лежит через ворота смерти. Пусть эти ворота будут для вас не воротами в страшную бездну, но радостным восхождением на новую прекрасную ступень. Если кто боится разлуки с близкими, то там он встретит ещё более близких. Если кто жалеет оставленный дом, то там он обретёт свой настоящий дом. И нет большего счастья ни здесь, ни там, чем счастье испытания полной чаши.

Путь Учения есть путь мышления дальних миров.

Путь Учения есть путь бессмертия.

Путь Учения есть путь осознания своей беспредельности.

«Человек рождается вечно, в особенности же в момент так называемой смерти» (*Озарение*).

«Смерть не более чем стрижка волос», – говорит Учение Живой Этики. Чтобы истина этих слов, а также всего ранее сказанного по этому поводу не остались голословными утверждениями, надо познавать, накапливать знания до тех пор, пока первоначальная, смутная вера не превратится в незыблёмо верование.

Недостаточно один или два раза прочитать книги серии Агни-Йоги или, скажем, «Тайную Доктрину» Е. П. Блаватской – их нужно изучать, усваивать и применять, памятуя, что степень понимания есть степень овладения духовными силами, к которым Учение Живой Этики является ключами.

«Читайте Учение, вникайте как можно глубже в смысл читаемого и думайте, что можно применить. Выбирайте мудро – по силам и возможностям – без умаления и преувеличения своих сил. Но если сердце затрепещет – «смогу ли?» – дерзайте! Кто больше применит, тот больше и преуспеет. Главное – работайте, избегая праздных рассуждений».

И ещё: «Чем глубже понимание Учения, тем мощнее мысль понимающего».

Думая о себе, надо отождествлять себя не с физическим (видимым) телом, а со своей бессмертной душой, частицей вечного космического Огня Беспредельности.

Великий дух, покинувший нашу землю в середине текущего века, оставил нам следующие слова: «Если бы люди знали Истину, если бы они могли убедиться, что для светлого и устремлённого духа момент смерти есть момент величайшего блаженства, то страх смерти оставил бы их навсегда».

Другой Великий дух сказал: «Смерть – самое естественное явление всегда кажется противоестественным. Явление самое ожидаемое – всегда врывается неожиданно. Радость освобождения духа из темницы материи всегда воспринимается как горе. Когда же, наконец, рассеется это почитание смерти?! В нашей стране, по причине безбожия, как нигде процветает культ смерти. На скорбь по случаю смерти опираются все наши произведения как на са-

мое сильное чувство. И даже само почитание героизма превращается в почитание смерти. Перед памятниками, где пылает «Вечный огонь», проливаются слезы о погибших героях! Люди, как попугаи, повторяют: «Вечная Память», «Вечная Слава», имея в виду сохранение подвига в народной памяти. На камне стараются вырезать имена героев, понимая, что материя камня куда прочнее материи народной памяти. Но славные дела, действительно, живут вечно. Все подвиги притягиваются к бессмертному Буддхи и разделяют его бессмертие. Воистину, никогда не угасает огонь, зажжённый подвигом. Лампада Героя не угасает в Пространстве. И страх перед смертью, и скорбь окружающих проистекают оттого, что все понимают в духе, что великий дар совершенствования – дар жизни, дар свершения подвига – не состоялся, и круг завершился напрасно. В духе, если он не оторвался от человека, все понимают, что жили или живут недостойно, что венец подвига мог украсить чело каждого уходящего от земли.

Так пусть каждая смерть напоминает нам о возможности подвига и о мрачном состоянии духа, растратившего священный огонь на базаре жизни».

И ещё: «...странно слышать о страхе смерти от человека, которому давно известно, что смерти нет, что это только смена состояний, и если эта смена происходит при тяжких обстоятельствах, то в этом наша вина и всё это послужит на пользу, ибо исключит эти обстоятельства в будущем.

Конечно, тяжкая сторона разлуки в переживаниях реальна, но сама-то разлука в действительности есть Майя. Двоє, находившиеся в комнате и ощущавшие друг друга при свете, не видят друг друга, когда погасает свет, но разве разлука происходит? Можно зажечь ещё больший свет, и источник его в нас самих. Благо тем, кто зажёг его заранее».

Голос Безмолвия сказал: «Всё, что имеет начало, должно иметь и конец. Человек, получивший жизнь, тем самым приготовляется к смерти. Каждый из нас рано или поздно должен умереть. Люди делают большую ошибку, забывая об этом, и живут так, как будто они никогда не умрут. Так поступают даже те, кто вступает в преклонный возраст. Неизбежная гибель тела, с которым (только) большинство людей себя ассоциирует, порождает мучительный страх смерти, концепцию бессмысленного существования, пессимизм. Именно поэтому люди стараются не думать о смерти, хотя умирающие вокруг постоянно напоминают об этом, и особенно сильно смерть напоминает о себе, когда умирают близкие. Между тем сказано: «Смерть не больше чем стрижка волос». Как вы понимаете эту фразу?

Твёрдый путь должен начинаться с познания этой проблемы.

Проблема смерти раскрывается с осознания семеричности своей природы. Итак, запомним: плотное (или физическое) тело, эфирный двойник, астрал, низший разум (или интеллект), Высший Разум, Буддхи и седьмой принцип – Атман. У каждого народа различные принципы имеют своё название, в различных философских системах порядок их претерпевает изменения: некоторые из них сливаются, например Высший и Низший разум сливаются в Манас или просто Разум; эфирный двойник разделяется на эфирный принцип и прану. Все такие мутации имеют свои причины и объяснения, но мы для философской цели примем приведённую выше.

Люди хорошо знакомы с физическим принципом, но всё же даже для самой передовой науки он содержит в себе множество потрясающих тайн! Огромное большинство не имеет о нём никакого понятия, немногие могли его наблюдать, но если кто-то не верит в привидения, то он уже

на пути к познанию, ибо в сознание его уже заброшено представление, хотя и негативное. Но астрал можно наблюдать и изучать, даже не видя его, так же, как интеллект и Высший Философский Разум.

Человек умирает три раза: когда умирает его плотное тело, когда умирает эфирный двойник, когда он покидает астрал, вместе с которым исчезает и Низший Манас. Далее человек пребывает в непреходящем теле, состоящем из Атмана плюс Буддхи плюс Манас.

Предостережение:

После прочтения вышеупомянутого материала, может быть, кому-то придёт в голову мысль, что окружающая нас жизнь со всеми её тревогами и заботами не заслуживает серьезного к ней отношения, так как всё это иллюзия – Майя, не имеющая реального существования, растворяющаяся, как мираж, в потоке времени. Такая мысль даже может уменьшить в человеке чувство ответственности и тем нанести вред процессу самоусовершенствования.

По этому поводу Голос Безмолвия сказал: «Всё в этом проявленном Мире является иллюзией, ибо всё временно. Учение советует не привязываться к дыму растворяющихся форм. Но из этого не следует делать заключения, что эти формы надо презирать и относиться пренебрежительно к переживаемому моменту: именно эти преходящие формы и этот момент прохождения через них дают великие возможности для роста и совершенствования духа, ради которых и существует Майя. Иллюзия есть рычаг совершенствования. Когда ступень, на которую дух поднимается с помощью этого рычага, достигнута, он должен быть отброшен за ненадобностью и, чтобы не загромождать Пространство, рассеиваться в том, из чего возникают новые формы, новые рычаги. Но люди хватаются за дым и в этом движении нередко падают назад».

Майя – это всё временное, непостоянное, преходящее... Это река жизни с её треволнениями, радостями и горестями, сменяющими друг друга.

Но как быть, когда волны Майи угрожают нашему благополучию и самой нашей жизни?

Тогда надо скрываться в Башне Духа. Под такою Башнею мы подразумеваем наше бессмертие, непреходящее Это – наше Высшее «Я», представляемое триадой: Атма, Манас (высший), Буддхи. Надо переносить своё сознание в своё высшее «Я», отождествлять его с ним; какими словами при этом пользоваться – дело выбора каждого.

Мой друг-поэт уверял себя:

*Я древнее, чем самые древние горы;
Я бессмертен, как То, из чего возникают миры.
И, на звёзды бросая влюбленные взоры,
Умленно шепчу: «Братья мои милые вы».*

Великий философ Вивекананда для осуществления тождественности со своим Высшим «Я» рекомендовал твердить себе формулу: «Я нерождённая, бессмертная, блаженная, всеведущая, вечно прекрасная душа».

И ещё: «Ученики должны жить жизнью не одного воплощения и не следующего, не даже циклом существования на одной планете, не даже циклом существования одной Солнечной системы, но циклом Беспределности, циклом, не имеющим ни начала, ни конца. Велика радость ощущения в духе своём Беспределности.

Из этого нужно исходить во всех своих мероприятиях. Тогда придёт и мудрость... бережливости, когда ни одна секунда перед лицом Беспределности не теряется напрасно».

«Мы вышли из сердца Солнца и по ступеням дальних миров должны возвратиться в него».

ПУСТЬ ПУТЬ НАШ БУДЕТ ЯСНЫМ

СОЮЗ МУДРЫХ (основы истинной теософии)

«...Истинно Мудрые живут помимо обществ, которые руководятся или своими собственными предписаниями или произвольными законами их властителей. Связь мудрых лежит в их обычаях, объединяющих всё доброе в работе на Ниве Божьей.

Союз Мудрых поэтому не имеет ничего схожего с какими либо существующими или могущими возникнуть общественными организациями. Мудрые объединяются не присягами, не конституциями, не писанными законами, не конвентами и не постановлениями общих собраний.

Работа Мудрых есть деятельность любовь к Богу и к человечеству. Они никого к себе не принимают, но каждый сам вступает в круг их постольку, поскольку он проявляет любовь в своих поступках. Эти поступки ставят его на высшие или низшие ступени приближения к Богу.

Мудрые не имеют начальства, они все равны между собой и их единый и единственный начальник – БОГ. В Союзе Мудрых нет ни секретаря, ни хранителя печати. Их секретарь – это Ангел, записывающий в Книгу Вечности добрые дела их, их печать, которую любовь прикладывает ко всем их поступкам, – есть печать высшей чистоты намерения.

Среди Мудрых никто не смеет повелевать другому, но каждый повелевает сам себе с той силой, которой он достиг сообразно своей степени развития.

Мудрые никого не исключают из своей среды. Но каждый сам исключает себя, удаляясь на ту ступень, до которой он опустился, забыв Добро и Правду.

У Мудрых нет никаких законов личной мести или наказаний преступников, ибо у Бога много средств возмездия за нарушение заключённого с ним союза. И высшая и самая чувствительная часть наказания за проступок – есть само сознание совершённого проступка, почему и не требуется для Мудрых никаких карательных законов.

У Мудрых нет ритуалов и церемониалов; их посвящение совершается в тот момент, когда в них вспыхивает начало деятельной любви к Богу и человечеству.

Они взаимно учатся друг у друга, не имея для этого надобности видеть один другого, и по чистоте проявленной ими любви каждый может судить о степени Мудрости, достигнутой другим.

Среди Мудрых нет знаков отличия, почётных званий и привилегий; эти побрякушки суть признаки неразвитых людей. Один Бог устанавливает подлинную ценность Мудрого, почему Мудрый и не может присваивать себе никаких преимуществ, не может устанавливать степень заслуженности своих собратьев.

Высшая степень Мудрости не знает никаких церемоний, и те Ангелы, которые ближе к Богу – наги; платье же есть признак сознания своей наготы. Поэтому Мудрые отказываются и от церемоний, и от мистических храмов. Их храм – Вселенная, их церемонии и ритуалы – есть дела любви. Их работа есть проявление Добра и Правды, а Добро и Правда – это Мудрость. Глава Мудрых – Бог, а сотрудники их – Ангелы и Мудрецы. Связующее их начало есть Любовь, и Любовь соединяет человека со всеми людьми, людьми с Ангелами и Богом, и Бога с Ангелами и с людьми. Обладание этим началом и есть высшая степень посвящения истинного Мага, не ждите никакой иной».

Карл фон Экартсгаузен

Любовь – великая держава

Есть только одна великая держава – любовь.

Обязанность без любви делает человека раздражительным.

Ответственность без любви делает человека бесцеремонным.

Справедливость без любви делает человека жестоким.

Правда без любви делает человека критиканом.

Воспитание без любви делает человека двуличным.

Ум без любви делает человека хитрым.

Приветливость без любви делает человека лицемерным.

Слепая любовь к порядку делает человека

придирчивым.

Компетентность без любви делает человека

неуступчивым.

Власть без любви делает человека насильником.

Честь без любви делает человека высокомерным.

Богатство без любви делает человека жадным.

Вера без любви делает человека фанатиком.

Автор неизвестен

Дисциплина сознания

Чтобы построить на основе сознания нечто бесконечно красивое и соизмеримое с законами эволюции, саму эту основу необходимо нравственно очистить, сделать прекрасной и гармоничной. Следовательно, нужна дисциплина сознания.

Действительно, люди могут прожить без внешнего благополучия, без техники, но без самообладания они не годятся для совместной жизни, они постоянно будут вносить в своё окружение диссонанс. Самообуздание – один из высших законов морали, по существу, дисциплина духа так же важна, как строгие законы порядка и гармонии в звёздных системах. Ибо лишь дисциплина духа делает человека великим и позволяет ему проявить целеустремлённость в жизни. Как бесконечно радостно находиться среди уравновешенных, приветливых, сердечных, находчивых людей, движения которых лишены присущей обыкновенным людям нервности, выражения чрезмерных эмоций и т. д. Агни-Йога советует воспитывать в детях дисциплину и гармонию: отучать их от беспорядочных движений, суеты, крика, без которого ребёнок не обходится ни на одной перемене в школе. Нужно ли напоминать сказанное всеми мудрецами: сильнее победителя на поле брани или покорителя недоступной горной вершины тот, кто при всех обстоятельствах способен владеть собой. Или, как сказал Будда, допустима лишь та война, где все победители и нет ни одного побеждённого. А именно – жизненная борьба, и каждый должен одержать победу над собой. Такие истинные примеры гармонии мы наблюдаем прежде всего среди героев духа. Это и Сократ, не убоявшийся испить чашу яда, и Джордано布鲁но, и Жанна д'Арк, которые взошли на костёр ради ускорения духовного прогресса неблагодарного человечества. Каждому вступившему на путь испытания сознания жизнь предоставит бесчисленные возможности показать пример дисциплины духа.

«Испытания равновесия могут производиться над самим собою. Каждая такая победа будет уже настоящим преуспеянием».

«...Упадок сил происходит от нарушения равновесия.

Так покой есть не что иное, как равновесие. Но равновесие есть равномерное напряжение энергии. Только таким путём можно возводить и укрепить силы.

Не в том дело, что равновесие будет приобретено в пустыне или в городе, главное заключается в постоянном напряжении. Путь напряжения есть путь стремления, иначе говоря, путь жизни. <...>

...Равновесие будет одной и лучшей панацеей» (Братство, 565, 44).

Несомненно, упражнения самодисциплины мощно развивают психическую энергию.

С другой стороны, такие опыты помогают установить дисциплину и ритм среди хаоса, укрепляют волю и самодеятельность человека.

Рихард Рудзитис

Достойный облик исключает явление нетерпимости

Достойный облик исключает явление нетерпимости. «Можно сказать, что нетерпимость есть невежество, но такое определение будет слишком мягко. Нетерпимость есть зло. Не может быть доброй нетерпимости» (Братство, 409). О терпимости говорится, что она «есть одно из условий наблюдательности. Истинная наблюдательность есть основа познания. Человек нетерпимый не может составить справедливого представления о вещах. Он лишает себя наблюдательности и теряет прозорливость. Какое же познавание может родиться из самости, отвергающей действительность? Много примеров, когда великие Истины подвергалисьискажению вследствие нетерпимости». Часто требуется терпимость к чужому мнению, чужим вкусам и склонностям. «...Каждая птица имеет свою песнь», – сказано в книге «Надземное» (Надземное, 466). В стихотворении «Вмешение» говорится на эту тему:

Каждая птица поёт свою песнь.
Слушай её, не нарушив мотива
И не спугнув голосистое диво...
Каждая птица поёт свою песнь!

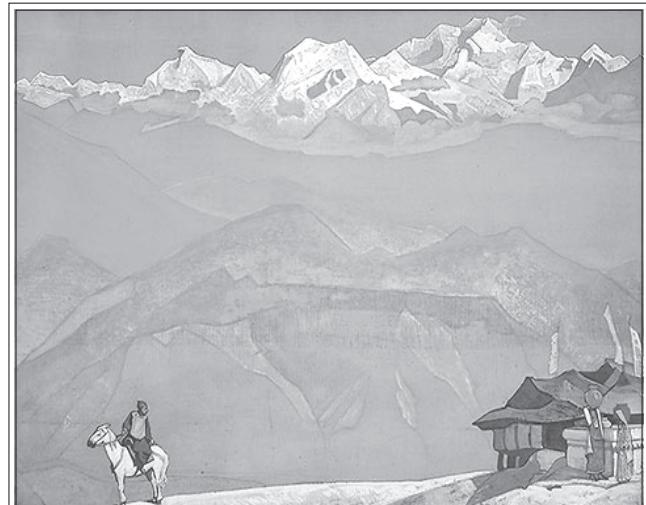
Каждое сердце имеет струну.
Неповторимой звучащей нотой;
Слушая чутко, откликнись с охотой...
Каждое сердце имеет струну!

Каждый посланец несёт свою весть.
Слушай его, не чураясь наречий
И не взирая на лик человечий...
Каждый посланец несёт свою весть!

Наталия Спирина

«Быт» всегда перерастал в «бытие»

Как в творчестве Н.К. «быт» всегда перерастал в «бытие», так и в его жизни «бытовые мелочи» поглощались деятельностью большого масштаба. Именно таких «мелочей», до которых так охочи биографы, мне не удалось обнаружить. Это характерно для всех членов семейства Р[ерихов]. Н.К. всегда считал борьбу с предрассудками очень важной. Он уважал национальные традиции. На Востоке, конечно, и религиозные традиции, но никогда не связывал себя ими. Как пример, с которым мне пришлось сталкиваться лично, могу указать на Юрия Николаевича и Святослава Николаевича, когда [они] в незнакомых условиях спрашивали: «А как у вас принято это делать?». Другой пример: будучи убеждённым вегетарианцем, Н.К., будучи приглашён на какой-либо приём, где, по местным обычаям,

Н. К. Рерих. Помни. 1924 г. Из серии «Его Страна»

нельзя было отказаться от обязательного мясного блюда, предпочитал нарушить своё правило вегетарианства, чтобы соблюсти местный обычай. И это не отсутствие принципиальности, а именно та «соизмеримость», о которой я упомянул выше. Остаться непонятым, оскорбить кого-то, помешать успеху дела из-за бутерброда с колбасой Н.К. счёл бы просто нецелесообразным. Целесообразность складывала и бытовую сторону жизни Н.К. В ней не было никакой роскоши, как не было и «домостроя», который своей неподвижностью связывал бы свободу действий.

***

У меня есть свои испытанные методы работы, выработанные не только личным опытом, но опытом общения с Н.К., Ю.Н. и С.Н. Я ничего не делаю, не задавши себе предварительно вопроса – как в этом случае действовали бы они?

Павел Беликов. «Письма»

***

Правитель любит полководцев, приносящих ему победу. Также и Учитель любит учеников побеждающих.

Можно представить себя в положении человека, окружённого стаей волков. Звери боятся огня, так же тьма отступает от внутреннего огня. Если он зажжён, она не приблизится. Все огорчения, омрачения и неприятности – от тьмы при этих явлениях. Можно знать, откуда они. Часто для этого используются близкие, являющиеся несознательным орудием. Их отдалять не надо, но охранять от тёмных воздействий, понимая, что не они действуют, а через них... Никогда нельзя ослаблять зоркость и успокаиваться на достигнутых победах.

Действие только тогда даёт благие результаты, когда оно цельноустремлённое. Символ единорога. Только такое Служение может считаться полноценным. Если же уделяется только частица, то и результатов не будет.

Личный мир человека есть иллюзия, и всё, что воспринимается через его низшие оболочки. Реальность – мир духа и познаётся лишь духом. Космические законы есть действительность.

Вера необходима, чтобы двигаться вперёд. Движение вперёд есть самое главное, смысл существования, а потому, даже если ожидаемое ни в какой мере не исполнилось, то оно всё же было полезно, так как помогало идти вперёд.

Искры Света.
Из Бесед Б.Н.Абрамова с Н.Д.Спириной

«ТОТ, КТО ДЕРЖИТ ПУТЬ НА ЗВЕЗДУ, НЕ МЕНЯЕТСЯ»

Леонардо да Винчи. Автопортрет. 1515 г.

Вода

Вода весело плескалась в родной морской стихии. Но однажды ей взбрела в голову шальная мысль добраться до самого неба.

Она обратилась за помощью к огню. Своим обжигающим пламенем он превратил воду в мельчайшие капельки теплого пара, которые оказались гораздо легче воздуха.

Пар тотчас устремился вверх, поднимаясь в самые высокие и холодные слои воздуха.

Оказавшись в заоблачной выси, капельки пара окоченели так, что у них зуб на зуб не попадал от холода. Чтобы как-то согреться, они теснее прижались друг к другу, но, став намного тяжелее воздуха, тут же попадали на землю в виде обычного дождя.

Заболев тщеславием, вода вознеслась к небу, но была изгнана оттуда. Жаждущая земля поглотила дождь до единой капли. И воде ещё долго пришлось отбывать наказание в почве, прежде чем она смогла возвратиться в морские просторы.

Завещание орла

Старый орёл давно потерял счёт годам, живя в гордом одиночестве среди неприступных скал. Но силы ему стали изменять, и он почувствовал, что конец его близок.

Мощным призывным клекотом орёл созвал своих сыновей, живших на склонах соседних гор.

Когда все были в сборе, он оглядел каждого и молвил:

— Все вы вскормлены, взращены мной и с малых лет приучены смело смотреть солнцу в глаза. Я уморил голodom тех ваших братьев, кои не переносили ослепительного сияния. Вот отчего вы по праву летаете выше всех остальных птиц. И горе тому, кто посмеет приблизиться к вашему

гнезду! Всё живое трепещет перед вами. Но будьте великодушны и не чините зла слабым и беззащитным. Не забывайте старую добрую истину: бояться себя заставишь, а уважать не принудишь.

Молодые орлы с почтением внимали речам родителя.

— Дни мои сочтены, — продолжал тот. — Но в гнезде я не хочу умирать. Нет! В последний раз устремлюсь в заоблачную выси, куда смогут поднять меня крылья. Я полечу на встречу солнцу, чтобы в его лучах сжечь старые перья, и тотчас рухну в морскую пучину...

При этих словах воцарилась такая тишина, что даже горное эхо не осмелилось её нарушить.

— Но знайте! — сказал отец сыновьям напоследок. — В этот самый миг должно свершиться чудо: из воды я вновь выйду молодым и сильным, чтобы прожить новую жизнь. И вас ждёт та же участь. Таков наш орлиный жребий!

И вот, расправив крылья, старый орёл поднялся в свой последний полёт. Гордый и величавый, он сделал прощальный круг над скалой, где взрастил многочисленное потомство и прожил долгие годы.

Храня глубокое молчание, его сыновья наблюдали, как орёл смело устремился навстречу солнцу.

Камень и дорога

Жил-был на свете большой красивый камень. Протекавший мимо ручей до блеска отполировал его бока, которые так и сверкали на солнце. Но со временем ручей высох, а камень продолжал лежать на пригорке. Вокруг него было раздолье для высоких трав и ярких полевых цветов.

Сверху камню хорошо была видна пробегавшая внизу мощёная дорога, по обочине которой были свалены в кучу гольши и булыжники.

Оставшись в одиночестве без привычного журчания веселого ручья, камень всё чаще стал с тоской поглядывать вниз на дорогу, где всегда царило оживление. Однажды ему сделалось так грустно, что он не выдержал и воскликнул:

— Не век же мне вековать одному! Что проку от трав и цветов? Куда разумнее жить бок о бок с моими собратьями на проезжей дороге, где жизнь бьёт ключом.

Сказав это, он сдвинулся с насыженного места и стремглав покатился вниз, пока не очутился на дороге среди таких же, как он, камней.

Кто только не проходил и не проезжал по дороге! И колёса повозок с железными ободьями, и копыта лошадей, коров, овец, коз, и щегольские сапоги с ботфортами, и подбитые гвоздями крепкие крестьянские башмаки.

Камень оказался в дорожной толчее, где его грубо отшвыривали в сторону, топтали, крошили, обдавали потоками грязи, а порою он бывал выпачкан по уши коровьим помётом.

Куда девалась его былая красота! Теперь он с грустью посматривал вверх, на пригород, где когда-то мирно лежал среди благоухающих цветов и разнотравья. Ему ничего более не оставалось, как тщетно мечтать о возврате утраченного спокойствия. Не зря говорят: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

Так и люди, порой бездумно покидают глухие сельские уголки, устремляясь в шумные многолюдные города, где тотчас оказываются во власти суety, неутолимой жажды и нескончаемых трудностей и треволнений.

Справедливость

Нет на свете справедливости! – жалобно пропищала мышь, чудом вырвавшись из когтей ласки.

– Доколе же неправду терпеть! – возмущенно крикнула ласка, едва успев спрятаться в узкое дупло от кошки.

– Житья нет от произвола! – промяукала кошка, прыгнув на высокий забор и с опаской поглядывая на брешущего внизу дворового пса.

– Успокойтесь, друзья! – сказала мудрая сова, сидевшая в клетке на крестьянском дворе. – В ваших сетованиях на жизнь есть доля истины. Но разве справедливость принадлежит по праву кому-то одному из вас?

При этих словах мышь выглянула из норы, ласка высунула носик из дупла, кошка поудобнее устроилась на заборе, а пес присел на задние лапы.

– Справедливость, – продолжала сова, – это высший закон природы, по которому между всеми живущими на земле устанавливается разумное согласие. По этому мудрому закону живут все звери, птицы, рыбы и даже насекомые. Посмотрите, как дружно живет и трудится пчелиный рой.

Сова действительно была права. Кому хоть раз приводилось видеть улей, тот знает, что там безраздельно властвует пчелиная матка, распоряжаясь всем и всеми с величайшим умом и справедливо распределяя обязанности между членами многочисленной пчелиной семьи. У одних пчёл основная забота – сбор нектара с цветов, у других – работа в сотах; одни охраняют улей, отгоняя назойливых ос и шмелей, другие заботятся о поддержании чистоты. Есть пчёлы, коим надлежит ухаживать за маткой, не отходя от неё ни на шаг. Когда повелительница состарится, самые сильные пчёлы бережно носят её на себе, а наиболее опытные и знающие врачают всяческими снадобьями. И если хоть одна пчела нарушит свой долг, её ждёт неминуемая кара.

В природе всё мудро и продумано, всяк должен заниматься своим делом, и в этой мудрости – высшая справедливость жизни.

Кедр

В одном саду рос кедр. С каждым годом он мужал и становился всё выше и краше. Его пышная корона царственно дарила тень. Но чем больше он разрастался и тянулся вверх, тем сильнее в нём росло непомерное высокомерие. С презрением поглядывая на всех свысока, однажды он повелительно крикнул:

– Уберите прочь этот жалкий орешник! – И дерево было срублено под корень.

– Освободите меня от соседства несносной смоковницы! Она докучает мне своим глупым видом, – приказал в другой раз капризный кедр, – и смоковницу постигла та же участь.

Довольный собой, горделиво покачивая ветвями, спесивый красавец никак не унимался:

– Очистите вокруг меня место от старых груш и яблонь! – И деревья пошли на дрова.

Так неугомонный кедр повелел истребить одно за другим все деревья, став полновластным хозяином в саду, от былой красы которого остались одни пни.

Но однажды разразился сильный ураган. Зазнавшийся кедр изо всех сил противился ему, крепко держась за землю мощными корнями. А ветер, не встретив на своём пути других деревьев, беспрепятственно набрасывался на одиноко стоящего красавца, нещадно ломая, круша и пригибая его книзу. Наконец истерзанный кедр не выдержал яростных ударов, треснул и повалился наземь.

Луна и устрица

Устрица была по уши влюблена в луну. Словно завороженная, она часами глядела влюбленными глазами на ночное светило.

Сидевший в засаде прожорливый краб заметил, что всякий раз, как из-за туч выплывает луна, развязав-устрица раскрывает створки раковины, забыв обо всём на свете. И он

решил её съесть. Однажды ночью, едва взошла луна и устрица, по обыкновению, уставилась на неё, раскрыв рот, краб подцепил клешней камешек и, изловчившись, бросил его внутрь раковины. Любительница лунного света пострадала было захлопнуть створки перламутрового жилища, но было поздно – брошенный камешек помешал бедняжке.

Подобная участь ждёт каждого, кто не умеет втайне хранить сокровенные чувства. Глаза и уши, охочие до чужих секретов, всегда найдутся.

Орех и колокольня

Разжившись где-то орехом, довольная ворона полетела на колокольню. Устроившись там поудобней и придерживая добычу лапой, она принялась яростно долбить клювом, чтобы добраться до лакомого зёрнышка. Но то ли удар оказался слишком сильным, то ли ворона сплоховала, орех вдруг выскользнул у неё из лапы, покатился вниз и исчез в расселине стены.

– О, добрая стена-заступница! – слёзно запричитал орех, всё ещё не пришедший в себя от жестоких ударов вороньего клюва. – Не дай погибнуть, сжался надо мной! Ты так прочна и величава, у тебя такая красивая колокольня. Не гони меня!

Колокола глухо и неодобрительно загудели, предупреждая стену не доверяться коварному ореху, так как он может оказаться опасным для неё.

– Не оставь меня, сирого, в беде! – продолжал причитать орех, стараясь перекричать сердитый гул колоколов. – Мне уже надлежало покинуть родимую ветку и упасть на сырую землю, как вдруг нагрянула злодейка. Оказавшись в клюве прожорливой вороны, я дал себе зарок: если удастся избежать смерти – провести тихо и спокойно остаток своих дней в какой-нибудь ямке.

Пылкие речи ореха растрогали старую стену до слёз. Вопреки предупреждению колоколов она решила оказать ореху гостеприимство и оставить в щели, куда он закатился.

Однако со временем орех оправился от испуга, освоился и пустил корни, а те начали вгрызаться в гостеприимную стену. Вскоре из расселины выглянули наружу первые ростки. Они дружно тянулись кверху и набирали силу. Прошло ещё немного времени, и молодые побеги орешника уже гордо возвышались над самой колокольней.

Особенно доставалось стене от корней. Цепкие и напористые, они всё пуще разрастались, круша и расшатывая старую кладку, и безжалостно выталкивали прочь кирпичи и камни.

Слишком поздно стена поняла, насколько коварным оказался невзрачный жалкий орешек с его клятвенными заверениями житьтише воды и ниже травы. Ей теперь ничего другого не оставалось, как корить себя за доверчивость и горько сожалеть, что в своё время она не прислушалась к голосу мудрых колоколов.

Орешник же продолжал расти с гордым безразличием, а колокольня всё более разрушалась.

Леонардо да Винчи. Вид долины Арно. 1473 г.

«СЛОВА – ЧТО СТРЕЛЫ В НЕБЕСА!»

Богдан-Игорь Антоныч – поэт драматической судьбы. Он умер, прожив неполных двадцать восемь лет, в расцвете яркого дарования. Признанный критикой любимец молодежи... Умер в трагическом тридцать седьмом, но собственной смертью, если таковой можно считать неудавшуюся операцию аппендицита.

Имя и творчество Антоныча было обречено на забвение, как имена и творчество многих репрессированных и погибших его собратьев по ту сторону маленькой речки Збруч, делившей Украину на Советскую и Западную. Антоныч жил по ту сторону Збруча в древнем украинском городе Львове, который, как и все западноукраинские земли, после первой мировой войны и распада Австро-Венгерской империи оказался на территории Польши. Он ро-

дился в 1909 году в семье Греко-католического священника в селе Новица Горловского повита (теперь Польша), в kraju, называемом Лемковщиной по имени его жителей – лемков (этнической группы украинского народа)...

Поэзия Богдана-Игоря Антоныча – явление многогранное, молодой поэт прошёл школу мировой классики авангардизма, утвердившись в собственном стиле и создав свой собственный мир.

От образов песни, весны, молодости, солнца, луны (не только спутницы поэтов и бродяг, но и посланницы «другого мира»), навеянных детскими впечатлениями, фольклором родной Лемковщины, Антоныч приходит к мотивам космоса и океанических глубин, к библейской символике в сборниках «Книга Льва» и «Зелёная евангелия».

Но в каких бы пространствах ни странствовал пытливый дух поэта – от первичного «хаоса земли и воды вместе» к трубным звукам «последнего дня» – главным его путём был путь к «трагической отчизне». Он воплотил в слове прежде всего свою «малую родину» – Лемковщину. Случилось так, что вдохновенная песня «малой родине» стала ей и реквиемом, и памятником: Лемковщина после второй мировой войны перестала существовать как историческое и этническое целое. И теперь, когда нависает угроза над существованием этносов – больших или малых трагическая судьба малой родины поэта напоминает нам, какой невосполнимой потерей для человечества является исчезновение с лица земли хотя бы одной ветви целого народа, хотя бы говоря или диалекта.

Русскоязычному читателю поэзия Богдана-Игоря Антоныча пока почти незнакома: несколько публикаций в периодике. Надеемся, что переводы, предложенные Николаем Котенко, будут началом более широкого знакомства читателей с творчеством этого талантливого украинского поэта.

Микола Ільницький

ОТРЫВОК

Боюсь гасить мерцанье лампы:
во тьме сильнее страха дрожь,
и ночь, разбитая на ямбы,
вонзилась в сердце, словно нож.

Тут не до сна! Горланит кочет,
часы звонят и месяц виснет.
Мой сон, мой голос неспокойный
в моей трагической Отчизне.

СЕЛО

Коровы молятся на солнце,
что всходит маком сочно-красным.
Тоньшает стройный тополь, словно
задумал птицей стать огромной.

Из воза месяц выпрягают.
Широкое, льняное небо.
Простор проветренный – без края,
в лиловой дымке – леса гребень.

Кудель и люлька, и малина.
Листва в потоках с гор неблизких.
День изливается в долину,
как молоко парное в миску.

ЭЛЕГИЯ О ПЕРСТИНЕ ПЕСНИ
Имею дом, при доме сад,
и яблони – как песнопенья,

и свежим молоком – роса,
рассудка мёд – моим влеченьям.
Как шляпа, крыша в завитках,
и дом расписан, как шкатулка.
И вор орудует в садах,
как в тьме привычной переулка.
Стеною оградить высокой
из сна и камня – на века!..
Растёт в саду весёлом солнце
цветком похмельным табака.

В сад выхожу, и в юном сердце,
на миг не знающем затишья,
зелёное всплывает скерцо
невесело поющей вишни.
В сад выхожу в часы заката,
и вечер, как струна, дрожит.
Жизнь удивительнее сказки
в одной минуте пережить!
В сад выхожу, слова срываю,
деревьев вдохновенных дань.
О юность, красоте без края
взгляни в глаза и руку дай!

Сгорает вечер невесёлый,
мелодия увянет днес.
В кувшин бросай за словом слово,
свою молитвенную песнь!
Огнищем солнце дрогнуло,
глаза пожаром опекло.

В пылающем венке несмело склоняю светлое чело.

Отвечерело. Откурилось.
Уж ночь кадильницей дымит.
Как обруч, солнце укатилось,
луна на пастища спешит.
Лиловая клубится муть,
вот звёзды – вышивкою ночи.
Ты, парень, осторожней будь,
весна росою выест очи.

Вновь ландыша течёт дыханье и полнится медами кровь.
Хоть шаг твой выверен веками, в смятены сердце бьётся вновь.
Хозяин сада – юный лирик – в звучаны ночи не спешу.
В руке уверенной и сильной ковш зрелых месяцев держу.

Шумят деревья безмятежно.
О чём шумят?
– Любовь и сон.
Так вечер колыбельной нежной захватит сердце в свой полон.
Цветовочных чудесны тени, деревьев души в них живут.
Они бы к месяцу взлетели, да ветры в путь их не берут.

О грусти радость и безмерность, слова – что стрелы в небеса!
То месяц, музыкант незрелый, готовит к выступлению сад, Мечта мятечная и сурова!
Пути в безвестности пылят.
Нет, не воротит небо слова, и не отдаст его земля.

Деревья слушай! Их признанья в тетради ночи запиши!
Как клён лелеет крону-зnamя, следи полёт своей души!
В тетради той златые буквы, судьбы страныцы шелестят.
Её вы не возьмёте в руки, её лишь сердцем можно взять.
Как звёзды, спящие в глуби, объятые волшебным сном, пробудятся слова любви в душе, обретшей крылья...
Ответит дружной песней дно, ответят дружной песней клёны, ответит дружной песней ночь,

и шаг затихнет у костров.
Воображеньем вдохновлённый, наметишь контур ровных строф.
Хмельное сердце в этот миг пусть с высоты увидит мир, пусть над вселенной правят пир, пусть вознесутся в высоту мечты, смятены и крылаты!
О слово в жизненном чаду, тебе ли прозябать в палатах?
Я слышу, как приходишь, чёрный напев, гнетущий и дурманный, как ищет содержанья форма, та, что вместит мой ужас ранний, и эту радость день ко дню, и всю бессиялья грубину, и словом сердце поражу – кровь брызнет, словно крик напасти. Умру в отчаяньи и в счастье.

На дверь поставлен знак фатальный – то перстень песни изначальной.

МЕТЕОР

Где отчая земля твоя, скажи?
Какой планеты сын или кометы,
какие на пути оставиши меты,
каким высоким помыслом ты жив?

Межзвёздный волокита и бродяга в бескрайности таинственных костищ, металл мятечный, яростно гориши на гребне мира ты светлее света.
Непостижим для полчищ астрономов, огонь, рождённый в высоте немой.
– Что ж ты внизу у смертных ищешь дома?
Надгробие на собственной могиле?..
Не надо слёз, поэт. Твоя судьба жар сердца сохранит в исконной силе.

НА ШЛЯХУ

Рассвет, исхлёстанный ветрами, взлетит над стылою водой и заблажит в прибрежных травах, цыганистый и молодой.
Река флиртует с дном певучим, по ней волною ходит дрожь, и день хоронит месяц в кручи, как скопидом истёртый грош.
Лощина под косою плачет, звенит, как медь, широкий шлях.
Идёт босой и бесшабашный парнишка с солнцем на плечах.

Перевод с украинского Н. КОТЕНКО
Публикация сопровождена рисунками Г. Нарбута.

